

МАЛАЯ РЕРИХОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Н.К. Рерих

КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Москва

Международный Центр Рерихов

Мастер-Банк

1997

*Редакционная коллегия:
Волков П. Ф., Кончин Е.В., Л.В.Шапошникова*

Н.К.РЕРИХ
КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Москва, Международный Центр Рерихов, 1997 — 200 с.

Сопоставление «механической цивилизации» и грядущей Культуры духа — тема очерков Николая Константиновича Рериха, вошедших в этот сборник. Неотложность разграничения этих понятий и выбора истинного эволюционного пути особенно очевидна в наши дни.

На обложке: *Н.К.Рерих*. Голубиная книга

Составитель *С.А.Пономаренко*
Предисловие *Л.В.Шапошниковой*

Второе издание,
исправленное, дополненное

ISBN 5-86988-031-9

Международный Центр Рерихов, 1997

Л.В.Шапошникова

ЧАША ГРААЛЯ КОСМИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

В новых открытиях современности много дано человечеству. Люди полетели, растворяя условные границы. Но с какою же вестью? Люди послали свой голос через безбрежные пространства, но каков этот зов? Мы имеем право совершенствовать Прекрасные открытия лишь во имя Культуры».

Николай Рерих. Держава Света

Николай Константинович Рерих, великий русский художник и ученый, был одним из немногих в XX веке, кто понимал смысл истинной Культуры и ее космическую роль в человеческой эволюции. Он постиг её философское значение и стремился в своем творчестве показать это другим. Смещение понятий Культуры и цивилизации — одно из заблуждений, широко распространенных в ученых и общественных кругах самых разных направлений. «Цивилизация — синоним культуры, — говорится в Философском энциклопедическом словаре, изданном в Москве в 1983 г., — уровень, ступень общественного развития материальной и духовной культуры».¹ Само по себе это определение, методологически и философски неверное, усугубляется рядом измышлений о классовых видах культуры — буржуазной и пролетарской.

Проблему, что есть Культура и что есть цивилизация, нужно решать лишь с точки зрения взаимодействия духа и материи, ибо Культура есть явление духа, действующее согласно закономерностям его энергетики. «Многозначительно приходится повторять понятие о культуре и цивилизации, — писал Н. К. Рерих. — К удивлению, приходится замечать, что и эти понятия, казалось бы, так уточненные корнями своими, уже подвержены перетолкованиям и извращению. Например, до сих пор множество людей полагает вполне возможным замену слова «культура» цивилизацией. При этом совершенно упускается, что сам латинский корень «культ» имеет очень глубокое духовное значение, тогда как цивилизация в корне своем имеет гражданственное, общественное строение жизни».²

И если Культура есть дух творческой деятельности человека, то цивилизация, или попросту обустройство жизни человека во

всех её материальных, гражданских аспектах, есть материя этой деятельности. Оба эти вида деятельности, казалось бы, так тесно связанные между собой, имеют различные источники возникновения и содержат в себе различный смысл своего существа и назначения. Отождествление же цивилизации и Культуры приводит к путанице основных понятий, к недооценке духовного фактора в истории человечества. Подмена одного понятия другим, что случается часто, давала возможность навязывать Культуре несвойственные ей функции, а цивилизации приписывать то, что совсем не было для нее характерным. В результате возникали грезы о «тысячелетних царствах», «вечно живых учениях», «пролетарских» и «буржуазных» культурах.

Методология Культуры и цивилизации, которую мы находим в книгах Живой Этики, а затем и в очерках Рериха, является одним из фундаментальных и философских моментов, связанных в первую очередь с Космической эволюцией человечества как таковой.

Один из крупнейших и глубоких философов русского зарубежья Н.А.Бердяев, чьи взгляды во многом совпадали с рериховскими, определял Культуру следующим образом: «Культура связана с культом, она из религиозного культа развивается, она есть результат дифференциации культа, разворачивания его содержания в разные стороны. Философская мысль, научное познание, архитектура, живопись, скульптура, музыка, поэзия, мораль — все заключено органически целостно в церковном культе, в форме еще не развернутой и не дифференцированной. Древнейшая из Культур — Культура Египта — началась в храме, и первыми ее творцами были жрецы. Культура связана с культом предков, с преданием и традицией. Она полна священной символики, в ней даны знаки и подобию иной, духовной действительности. Всякая Культура (даже материальная Культура) есть Культура духа, всякая Культура имеет духовную основу — она есть продукт творческой работы духа над природными стихиями».³ И еще: «В более глубоком смысле — Культура вечна, античная культура пала и как бы умерла. Но она продолжает жить в нас как глубокое наслоение нашего существа. В эпоху цивилизации Культура продолжает жить в качествах, а не в количествах, она уходит в глубину».⁴

В этих двух фрагментах Бердяев сумел охватить наиболее существенные особенности Культуры как ярко выраженной категории духа. Рерих же не только разворачивает и углубляет особенности Культуры, подмеченные Бердяевым, но и вводит многие, неизвестные нам до него понятия и определения. Его очерки о Культуре можно назвать философско-художественными. В них четкость научного мышления органически сочетается с поэтической образностью формы. «Культура, — пишет Николай Константинович в одном из очерков, — есть почитание Света. Культура есть любовь к человеку. Культура есть благоухание, сочетание жизни и Красоты. Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений. Культура есть оружие Света. Культура есть спасение. Культура есть двигатель. Культура есть сердце. Если соберем все определения

Культуры, мы найдем синтез действенного Блага, очаг просвещения и созидательной Красоты».⁵

К области Культуры мы можем отнести прежде всего те проявления человеческого духа, которые как бы сами собой изливались из таинственных глубин самого человека и были естественны для него. Они носили природный характер, без них человек не мог бы оставаться человеком. Песня и музыка, искусство во всех его проявлениях, различные культы, этические моменты, поэзия и многое другое, казалось, появились вместе с человеком, росли и развивались параллельно с его сознанием. В отличие от материи цивилизации, творимой человеческими руками и рассудком, дух Культуры складывался как бы сам собой, создавая удивительные и прекрасные узоры Великого творчества. Культура, в отличие от цивилизации, является самоорганизующейся системой духа, действующей в согласии с уровнем и качеством энергетики этого духа. Или, иными словами, самоорганизация духа есть форма существования Культуры. Новая наука, называемая синергетикой и зародившаяся в XX веке, дает некоторые наведения для выяснения закономерностей этой способности самоорганизации. Синергетика имеет дело в основном с биологической самоорганизацией. Однако и на этом биологическом уровне ученым удалось нащупать некий универсальный принцип, имеющий отношение к любой энергетической структуре и к духу в том числе.

В энергетическом поле духа идут те же обменные процессы, которые составляют основу всех космических явлений, начиная от человеческого общества и кончая межзвездным веществом. Специфика такого энергообмена складывает или превращает дух в систему Культуры. Поэтому, как справедливо утверждает синергетика, самоорганизации поддаются лишь открытые системы.

Кроме этого, важным условием процесса самоорганизации, в какой бы среде он ни шел, является первоначальное отклонение от равновесия. Такое отклонение может происходить или в силу направленного энергетического воздействия извне, или же может возникнуть внутри самой системы. Раз уж мы обратились к открытиям современной науки, то следует еще упомянуть теорему Маккалока-Литса, одну из важнейших теорем в кибернетике. Последняя гласит: промоделировать некую сложную самоорганизующуюся систему может только система, на порядок более сложная. В этих положениях заключаются основные и принципиальные закономерности формирования Культуры как самоорганизующейся системы духа. Условно мы можем их считать объективными и субъективными. Объективные закономерности действуют на уровне регулярных процессов энергообмена, субъективные же связаны с более сложными явлениями, имеющими отношение к высоким самоорганизующимся системам, способным к направленному энергетическому воздействию. И объективные и субъективные факторы в формировании и развитии Культуры как самоорганизующейся системы духа тесно связаны между собой и постоянно взаимодействуют. Если объективные двигатели Культуры мы можем отнести

к условно называемым природным явлениям, то субъективные, я не ошибусь в этом, связаны с субъектами Космической эволюции, которых Живая Этика называет Иерархами Света. Вряд ли сейчас уже можно отрицать существование одухотворенного Космоса, в котором энергетические сущности, достигшие высоких ступеней эволюции, играют важнейшую и целенаправленную роль. Деятельность Космических Иерархов, участвующих в эволюции человечества, проявляется в первую очередь в области Культуры, которая как самоорганизующаяся система духа является энергетическим сердцем этой эволюции. Воздействия подобного рода можно проследить в истории человечества с древнейших времен и по сегодняшний день. Культурные герои первых мифов и легенд, мудрецы, учителя, анонимные и исторические, религиозные наставники и, наконец, создатели духовно-этических учений — все они были связаны с Космическими Иерархами, и сами в ряде случаев являлись субъектами Космической эволюции, т.е. теми, кто сознательно воздействовал на ход эволюции человечества. Культура «есть глубочайший устой жизни, скрепленный высшими серебряными нитями с Иерархией Эволюции»,⁶ — писал Рерих. «Можно расходиться в путях цивилизации, можно спорить о признаках прогресса, но невозможно не учуять понятие Культуры, сокровищницы всего возвышающего, путевого столба истинной эволюции».⁷

И еще одно удивительно точное и яркое определение Культуры: «Культура покоится на Красоте и Знании. Растет она осознанием благословения Иерархии Света. Значит, к познанию механическому нужно добавить огонь сердца. В этом будет уже первое отличие Культуры от цивилизации».⁸

Называя Культуру «Садом Прекрасным», Рерих ставит в ней на первое место Красоту как энергетический закон гармонии духа. «Осознание Красоты спасет мир», — повторил он с небольшой поправкой слова Достоевского. В этой формуле заключен практически весь смысл Космической эволюции, которая идет от хаоса к порядку, от простого к сложному, от системы к Красоте. Красота познается человеком лишь через Культуру, энергетическое поле которой и есть источник Красоты. Красота как категория духа утончает материю жизни и энергетику человека. «Реальная победительница в жизни — Красота»,⁹ — справедливо отмечал Николай Константинович. Он пишет о великом Леонардо да Винчи, который сравнивал художника, создателя Красоты, с Богом. «Продолжая то, что начал Бог, — писал он в своих наставлениях, — стремись умножить не дела рук человеческих, но вечные создания Бога. Никому никогда не подражай. Пусть будет каждое твоё произведение как бы новым явлением природы».¹⁰ Восприятие Красоты формирует в человеке «философское и утонченное созерцание мира». Культура как таковая не существует без творчества. Ибо именно творчество и есть та энергетическая сердцевина, без которой самоорганизующаяся система духа не может продвигаться от простого к сложному, от плотного состояния к утонченному. Творчество роднит земного человека с Богом-творцом и указывает ему

тем самым эволюционный путь в звездных пространствах Космоса. Именно творчество как явление Культуры в самом его широком смысле дает возможность сотрудничества с Высокой Космической Иерархией. Энергетически усиленное «языком сердца», оно рождает для самого творца возможность прорыва в неизведанное, в Беспредельность. «Язык творчества и есть тот общечеловеческий язык, понимаемый сердцем. А что же может быть более светоносно, более взаимопонятно, нежели язык сердца, перед которым все звуковые наречия являются скудными и примитивными? Только творчество во всем его многообразии вносит мирную объединяющую струю во все жизнестроение. И тот, кто, несмотря на окружающие затруднения, стремится по этому пути Света, тот выполняет насущную задачу эволюции».¹¹

Такие высокоэнергетические явления человеческого духа, как сердечность и любовь, есть неотъемлемая часть Культуры как таковой. Без этих качеств, справедливо утверждает Рерих, нет культурного человека. В рериховской богатой и многоцветной палитре Культуры не существует места бездуховным, сухим «образованцам», нет места тем, кто знает, какой вилкой есть рыбу, но не имеет представления о тех Высших Силах, которые заключены в нем самом.

«Духовность, религиозность, — пишет Николай Константинович, — подвиг, героизм, доброжелательство, мужество, терпение и все прочие огни сердца — разве не расцветают они в Саду Прекрасном? Каждое отвращение от Прекрасного, от Культуры приносит разрушение и разложение. Наоборот, каждое обращение к культурному строительству создавало все блестящие эпохи Ренессанса».¹² Культура не может существовать без естественной связи с Высшим. Ее самоорганизующаяся система формируется под непосредственным влиянием контактов с мирами иного состояния материи, иных измерений. Как писал Бердяев, в ней «даны знаки и подобию иной, духовной действительности». Эта «иная, духовная действительность» вошла в человека с первыми искрами его сознания, с первыми формами его творчества. Не видеть и не замечать этого уже нельзя. XX век дает нам огромный материал различного рода связей с этой «иной, духовной действительностью». Энергии, которые в результате сложнейших обменных процессов, идущих в Космосе, приближаются сейчас к Земле, могут выполнить свою позитивную роль, лишь пройдя или соприкоснувшись с полем Культуры, где сосредоточен высокий духовный потенциал, необходимый для принятия такого рода энергий. В этом случае связь Культуры с Высшими Силами обретает практическое значение и не является абстрактным сюжетом, о котором можно рассуждать, а можно и не рассуждать. Энергии, приблизившиеся к Земле, но не встретившие на своем пути соответствующие духовно-энергетические структуры, способные пропустить их через себя, чтобы снизить их напряжение, могут обрести разрушительный характер.

Живая Этика, Учение, открывшее нам энергетическое мировоззрение, говорит о высших Мирах, Тонком и Огненном, под влия-

нием которых находятся многие явления на Земле и элементы которых входят и в нашу Культуру. Новый период существования Земли, наступающий с очередным эволюционным витком, еще более усилит нашу связь с «иной, духовной действительностью».

Николай Константинович, обращая внимание на это обстоятельство, цитирует один из параграфов Живой Этики: «Не забудем, что каждое мгновение должно принадлежать Новому Миру. Мир Мысленный составляет живую связь между Тонким и Огненным, он входит как ближайший двигатель Мира Огненного. Мысль не существует без Огня, и Огонь превращается в творящую мысль».¹³ Эта ступень творящей мысли и есть один из этапов Космической эволюции человечества, к которой нас готовит лишь Культура как форма существования духа на нашей Планете. Иного пути в Космическую эволюцию нет. Те, кто не в состоянии идти по этому нелегкому и сложному пути, выпадают из эволюционного коридора, предназначенного нашей Планете. Их подхватит спираль инволюции, бросит вниз и вновь заставит подниматься путем страдальческим и мученическим. Великие законы Космоса неумолимы, а энергетические процессы, идущие в нем, необратимы.

«...Немногие понимают, что Культура как таковая по-прежнему гнездится только на некоторых вершинах и что пути к этим замкам восхождения человеческого духа по-прежнему необыкновенно трудны и, кто знает, может быть, даже еще труднее, нежели в некоторые бывшие эпохи».¹⁴ Земная материя, в какой бы форме она ни пребывала, своей энергетикой сопротивляется этому восхождению, не желая выходить из комфортного состояния инерции, всячески мешая тому процессу собственного утончения, к которому стремится динамичный и бессмертный дух. Этот дух есть «материя» Культуры, и поэтому она, в отличие от иных земных явлений, вечна, несмотря даже на то, что ее материальные формы выражения могут разрушиться и погибнуть. Но не материя формы держит дух, а нетленный и неразрушимый дух держит эту материю и обеспечивает ей потом возможность нового возрождения.

«Никакой меч не может расстроить истинное наследие Культуры. Человеческий ум может временно уклоняться от первичных источников, но в сужденный час вновь обратится к ним с обновленной мощью духа».¹⁵ И еще: «Где зародилась Культура, там ее уже нельзя умертвить. Можно убить цивилизацию. Но Культура как истинная духовная ценность бессмертна».¹⁶

В своих философско-художественных очерках Николай Константинович выработал совершенно новую концепцию Культуры, пронизанную идеями Живой Этики и имеющую практическое эволюционное значение. Среди различных достижений XX века эта реальная концепция, связанная с проблемами Космической эволюции, была одним из важнейших его находений. И когда мы осмыслим ее, поймем ее особенности и суть, то разница между нею и цивилизацией станет еще резче, а смешение этих понятий — недопустимей.

«Именно Культура, — писал Рерих, — есть сознательное познание, духовная утонченность и убедительность. Между тем как условные формы цивилизации вполне зависят даже от проходящей моды. Культура, возникнув и утвердившись, уже неистребима. Могут быть различные степени и методы ее выявления, но в существе своем она незыблема и прежде всего живет в сердце человеческом. Случайная фраза рассудка может удовлетвориться и механической цивилизацией, тогда как просветленное сознание может дышать лишь в Культуре. Казалось бы, уже давно сказано, что Культура есть то прибежище, где дух человеческий находит пути к религии и ко всему просветительному и прекрасному».¹⁷

Итак, спустимся теперь с высот духа в материю человеческой жизни, сойдем с Башен Культуры в долину цивилизации, чтобы еще раз осознать, сколь велика разница между этими двумя понятиями. Цивилизация, как утверждают Учителя, есть обустройство жизни, связанное с тем рукотворчеством, которое является главной формой деятельности материи в нашем плотном мире. В течение истории человечества возникали и складывались различные типы цивилизаций.

Их характер определялся в первую очередь уровнем взаимодействия с Культурой. Ибо сама цивилизация возникает на энергетическом поле Культуры. Процесс этот еще не изучен, так же как еще не осмыслен характер самой Культуры. Можно только сказать, что во многих случаях ранние цивилизации, самые древние из них, создавались и развивались вместе с Культурой и активно взаимодействовали с этой Культурой. Особенности этого взаимодействия определяли уровень дифференциации Культуры и цивилизации, степень их взаимопроникновения и весомость доминанты каждой из этих категорий. На ранних этапах цивилизация являлась как бы оправой драгоценного камня Культуры, и соответствие этой оправы самому камню или степень их гармонии определяли качество того или иного этапа человеческой истории, его духовность и культурность. Иногда оправка изнашивалась, разрушалась в силу разных обстоятельств, и тогда сам камень отдавался во власть стихий, часто низких. Иногда цивилизация в большей или меньшей степени отдалялась от Культуры или приближалась к ней, но никогда на протяжении последних двух тысячелетий, да и ранее, не существовала отдельно от нее. Полный отход цивилизации от Культуры является особенностью лишь XX века, века, стоящего на пороге новых эволюционных изменений в жизни Планеты. Представляя, в отличие от Культуры, смертную преходящую материю человеческой жизни, цивилизации приходили и уходили, возникали и разрушались, в то время как вечный дух Культуры, носителем которой являлось человечество в целом, оставался, проходя свои циклы развития через многие поколения, укрепляя их дух и расширяя энергетические возможности их дальнейшей эволюции.

Большинство современных философов и культурологов вне зависимости от того, отделяли ли они Культуру от цивилизации или нет, писали в основном о цивилизации XX века и ее особенностях.

Наиболее значительными в этом отношении являются исследования и выводы Н.А.Бердяева. «Цивилизация в противоположность Культуре, — писал он, — не религиозна уже по своей основе, в ней побеждает разум «просвещения», но разум этот уже не отвлеченный, а прагматический разум. Цивилизация в противоположность Культуре не символична, не иерархична, не органична. Она хочет не символических, а «реалистических» достижений жизни, хочет самой реальной жизни, а не подобий и знаков, не символов иных миров».¹⁸ И еще: «Цивилизация есть подмена целей жизни средствами жизни, орудиями жизни. Цели жизни меркнут, закрываются. Сознание людей цивилизации направлено исключительно на средства жизни, на технику жизни... Соотношение между целями и средствами жизни перемешивается и извращается».¹⁹ В этих двух фрагментах Бердяев дает реальную ситуацию, сложившуюся в условиях современной цивилизации.

Рерих в своих очерках все время обращает наше внимание на то, что во взаимодействии Культуры и цивилизации приоритет должен принадлежать Культуре, что избавит цивилизацию от многих искажений, ей свойственных. «Будем помнить завет Света, — пишет он, — что прежде всего самое важное для нас будет дух и творчество, затем идет здоровье и лишь на третьем месте — богатство».²⁰

Проблема взаимодействия Культуры и цивилизации столь же сложна и многообразна, как и принципиальные моменты взаимодействия духа и материи, в которых целостность и синтез чередуются с разделением и дифференциацией.

Изначальный, древнейший период человеческой истории дает нам свидетельства о том, что между Культурой и цивилизацией не существовало такого резкого разделения, которое возникло впоследствии. По всей видимости, это была единая и цельная самоорганизующаяся система духа и материи человеческой деятельности, так называемый первоначальный синтез. Мифология различных народов довольно ярко отразила это явление. Этнографический материал также подтверждает его. Род, например, был категорией первоначальной цивилизации, но существование его было немислимо без родового божества. Орудия производства, включая и оружие, освящались на родовых и племенных алтарях. Первобытная космогония была тесно связана с ориентацией в Пространстве и Времени. Огонь был священен не только в святилище, но и в домашнем очаге, на котором готовили пищу.

Священные рощи, священные реки, священные горы были связаны с экологией местности, где жили люди, поклонявшиеся им. На них распространялись определенные табу, мудро и строго регулировавшие необходимое экологическое равновесие огромных территорий. Включение самой природы в цельную систему «Культура — цивилизация» было одним из характерных и важнейших особенностей самой системы. Это единение с природой, умение жить в ритме с ней, было тем важнейшим средством первоначального синтеза, который делал подчас столь неразличимыми элемен-

ты Культуры и цивилизации. Дифференциация этих двух категорий началась с исключения природы и природных явлений из самой системы, с отделения человека от природы, иначе говоря, от реалий самой Планеты. «Начало» это было достаточно длительным и продолжалось, видимо, не одно тысячелетие. Пока очень трудно сказать, что послужило побудительным или причинным моментом к возникновению иного отношения к природе. Но фактом остается то обстоятельство, что разрыв связей с природой, а также забвение природы самого человека облегчило возникновение и становление «техногенной цивилизации» и привело к грубым экологическим нарушениям, поставившим уже в XX веке нашу Планету на грань катастрофы. На протяжении человеческой истории формы взаимодействия Культуры и цивилизации, а иногда и переход одного в другое или, вернее, изменение пропорций одного и другого в жизни определенных обществ были самыми разнообразными. Но основная тенденция в развитии этого взаимодействия состояла во все более усиливающимся расхождении этих понятий и углублении различий между ними на Западе, в значительной мере, и в меньшей — на Востоке.

В истории человечества мы находим самые разные сочетания Культуры и цивилизации, приносящие различные результаты. Можно привести несколько примеров для понимания эволюционной роли этого взаимодействия, которому Рерих уделяет такое большое внимание в своих философско-художественных очерках. Он относит к ряду эволюционных целей установление гармонии между Культурой и цивилизацией там, где они разошлись достаточно далеко друг от друга. «Башни духа могут быть созидаемы там же, где и высятся башни рукотворные».²¹ Гармония же является лишь ступенью к синтезу Культуры и цивилизации, который утончит и одухотворит структуры, связанные с обустройством жизни самого человека. Этот синтез произойдет на более высоком уровне, нежели тот, который существовал в изначальные исторические времена. «Богатство само по себе еще не дает Культуры. Но расширение и утончение мышления и чувство Красоты дают ту утонченность, то благородство духа, которым и отличается культурный человек».²²

Основное взаимодействие Культуры и цивилизации происходит на пространственно-временном отрезке, соединяющем главные энергетические процессы — дифференциацию и синтез. Между ними находится богатейший спектр различного рода оттенков, слагающих циклы взаимодействия энергетики Культуры и цивилизации. Есть исторические периоды, когда Культура и цивилизация находятся в гармонии, есть этапы, когда они сближаются или расходятся. Расхождение приносит самый негативный результат, ибо, какие бы циклы ни проходило явление «Культура — цивилизация», в своей основе это целостная структура, такая же, как и дух с материей, расхождение или разделение которых носит в конечном счете условный характер.

«Часто кажется, — пишет Рерих, — точно бы пути Культуры и условия обихода разошлись. Но если разошлись рычаги одной и той же машины, то, естественно, нельзя же ожидать полного хода, нельзя же избавиться от губительных перебоев. Даже детский разум понимает, что просвещение, образование, Культура составляют огонь, топливо двигателя».²³

В этой энергетически цельной структуре, управляемой в конечном счете Великими Законами Космоса, пульсируют и вибрируют дух и материя и, стремясь к сужденному им эволюцией синтезу, то приближаются к нему, то вновь удаляются от него. Поэтому возникают то эпохи расцвета, которые напитывает дух Культуры, и цивилизация становится Культурной, то берет верх материальная цивилизация, и тогда Культура отходит на второй план, подчас не в состоянии влиять на цивилизацию. Эта закономерность была подмечена Николаем Константиновичем Рерихом. «Опять, как и во всех спиралях нарастания, мы видим какие-то почти завершающиеся круги, но иногда почти неуловимое повышение сознания создает новую ступень, которая отражается на многих страницах истории искусства. Мы видим, как чередуются специализация и синтез».²⁴ Об этом же писал позже и один из интереснейших русских философов Питирим Сорокин, выдвигая свою концепцию циклов Культуры. Правда, он рассматривал цивилизацию и Культуру как нечто целостное, но в циклах, которые он подметил, очень четко видна роль то одной, то другой части явления. Можно оспаривать некоторые его положения, но принципиальная схема движения Культуры не вызывает сомнения. И хотя он не исследует сущностные, глубинные причины этого движения, носящие, без сомнения, энергетический характер, а создает картину на уровне следствий, тем не менее эта картина отражает главные реалии самого движения. Он выделяет три вида фундаментальных Культур в истории человечества: идеальная, или религиозная, идеалистическая, или промежуточная, чувственная, или материалистическая. Но если вникнуть в глубину самого культурно-исторического процесса, то станет ясно, что речь идет не о видах «фундаментальных культур», а об уровнях взаимодействия Культуры и цивилизации. Определяющим критерием этого уровня служит преобладание или влияние той или иной части явления «Культура — цивилизация».

Первый уровень связан, по мысли Питирима Сорокина, с представлением о Боге как всепроникающей реальности. Эта реальность пронизывает живопись, музыку, литературу. Религия также определяет институты политической власти, придавая им теократический характер. Иными словами, в силу каких-то обстоятельств Культура, или духовная часть человеческой деятельности, оказалась доминирующей. В качестве примера такого соотношения Сорокин приводит европейское средневековье. Но мы далеки от мысли принять эту формацию за идеальный вариант культурной доминанты. В период средневековья развилась и значительно укрепилась христианская церковь со всеми ее сектами, направлениями и ответвлениями. Не осмыслив значения этого своеобразного

института, мы не сможем разобраться в сути идеальной или религиозной фундаментальной Культуры в той форме, в которой она предстает в средние века нашей истории. Церковь, или скорее сам культ или служба, базируется на синтезе ряда искусств, таких, как живопись, музыка, пение, носящих ярко выраженный культурно-духовный характер. Это были средства, с помощью которых происходило общение с Высшим, вне зависимости от того, какое название или имя имело это Высшее. С этой точки зрения христианская церковь представляла собой центр духовной культуры своего времени и несла в себе духовную власть над людьми. Однако для церкви европейского средневековья, в конкретных исторических и политических обстоятельствах, одной лишь духовной власти над прихожанами оказалось недостаточно. Она постепенно стала обретать ту гражданскую власть, которая была скорее присуща цивилизации, нежели духовной культуре. Церковь как институт оказалась той точкой, где сопрягались Культура и цивилизация. Сохраняя функции духовной Культуры, церковь в то же время в своей деятельности обрела моменты, присущие цивилизации. Однако в этом случае, как ни странно и ни парадоксально, доминирует цивилизация, а не духовная Культура, которая используется отцами церкви как средство для достижения чисто земных целей и своих политических интересов. Поэтому становится недостаточно Бога на небе, возникает наместник его на земле — римский папа, который блюдет земные интересы Бога, если таковые вообще существуют. По мере вовлеченности католической церкви в земные, материальные дела резиденция папы превращается в своеобразный двор, в княжество со своей государственностью и автономией. Ватикан, таким образом, становится карликовым теократическим государством, которое несет в себе же искажения и дефекты, присущие теократии, возникающие в точке взаимодействия Культуры и цивилизации. В конечном счете каждая церковь, как бы мала она ни была, превращается в микроскопическую теократию. Сама по себе теократия не является результатом синтеза, а есть итог развития тех тенденций, которые в отличие от синтеза не носят эволюционного характера, ибо связаны в первую очередь с материей земных интересов, а не с Высшим и духовным. Такой характер церкви и теократии, вне зависимости от того, существуют они на Востоке или на Западе, приводит к зарождению именно в институте церкви тех разрушительных сил, которые подрывают духовную Культуру и порождают так называемую безбожную цивилизацию. Вряд ли можно согласиться с Питиримом Сорокиным, что внутренние процессы в его «фундаментальных культурах» дают одни и те же результаты — строго последовательную смену «идеальных» и «материальных» формаций. Историко-культурный материал Востока наталкивает нас на иные выводы, которые меняют крайние точки сорокинской концепции. Примером могут служить индийская Культура и цивилизация, сохранившие вплоть до XX века определенную гармонию между собой. Трудно сейчас в небольшой статье сказать, почему это произошло. Но многовеко-

вое существование и взаимодействие этих двух категорий в значительной мере одухотворило цивилизацию и предотвратило использование духовной Культуры в качестве средства достижения различных земных материальных целей. В конечном счете именно в Индии духовная Культура оставалась всегда целью, как и сам человек и его внутренняя структура, что предотвращало переход самой Культуры в цивилизацию, или, иными словами, уход ее в катакомбы этой цивилизации.

Основные институты древнеиндийской цивилизации были как бы освящены и идеологически обоснованы самой духовной Культурой, традиции и философский фундамент которой были сосредоточены в комплексе самых разнообразных верований, получивших название индуизма. Поэтому индуизм являлся не только религией, но и образом жизни целой страны, питая его в течение многих веков. И лишь позднее вторжение в Индию чуждой цивилизации в определенной степени нарушило это равновесие, разведя пришлую цивилизацию и коренную Культуру в разные стороны.

Как ситуация с институтами христианской церкви, так и феномен колониальных захватов, в значительной мере повлияли на образование той европейской цивилизации, в которой одержала победу концепция — «единственная реальность в мире та, что поддается восприятию органами чувств».²⁵ Такая цивилизация была отделена от Бога, или Высшего, и от Культуры как таковой.

От Бога отъединила ее сама церковь, а от Культуры в целом — феномен колониального режима. «Тезис, что «Запад гниет», — писал Бердяев, — и означал, что умирает великая европейская Культура и торжествует европейская цивилизация, бездушная и безбожная».²⁶

Как ни странно, но цивилизация, полностью оторванная от Культуры, возникла на Востоке в европейских колониях. Этот процесс шел с XVIII по XX век и внес в цивилизацию Европы своеобразный и значительный вклад, пока еще нами не осмысленный. Те, кто изучал историю и культуру колониальных стран, занимавших к середине XIX века огромную территорию, всегда задавались вопросом, как колониальный режим влиял на ту или иную зависимую страну. Но пока еще не решался достаточно серьезно вопрос, как колониальная цивилизация влияла на европейские страны. Пожалуй, впервые на протяжении последних веков сложилась ситуация, при которой пришли в близкое и немирное соприкосновение цивилизация из Европы и чуждая ей Культура, богатая и своеобразная, покоренных ею стран.

Потеряв собственную культурную основу и не обретя иной, заморская цивилизация обнаружила своеобразные и подчас странные черты. Она все больше и больше уходила от Культуры как таковой, не оставляя для нее места в своей структуре. Христианская церковь, действовавшая на почве колониальных стран, воинственная и служившая верной опорой колониальному режиму, потеряла также свою культурно-духовную суть. С самого начала заря европейского капитализма, окрашенная кровью колониальных

войн, несла в себе черное зерно почти полного разъединения Культуры и цивилизации, которое в XX веке достигло своей кульминации. Искаженная в значительной мере и «обескультуренная» западная цивилизация, сложившаяся в колониях, тем не менее воздействовала и на цивилизацию метрополии, меняя ее первоначальный облик, высасывая из нее последние остатки Культуры эпохи феодализма. Эта вновь рожденная цивилизация ударила бумерангом по цивилизации европейских стран и окончательно оторвала от нее Культуру как нечто ненужное в мире новых ценностей, связанных с капиталом, богатством и наживой. Буржуазные революции, носившие прагматический и материалистический характер, укрепили и увеличили этот разрыв, образовавшийся в целостном теле явления «Культура — цивилизация». Так началась эпоха Великого отчуждения Культуры и цивилизации. Дух отошел от материи. Материя же в свою очередь стала претендовать на духовные ценности и на власть над ними. Оторванная от Культуры цивилизация стала формировать однобокое материалистическое мышление, в котором верх взял голый прагматизм, уничтоживший последние остатки идеализма XIX века. Сам человек, его душа, чувства, его внутренняя сложная жизнь были отторгнуты от общества, его новых ценностей и новых материалистических задач. Материя, как никогда раньше, завладела господствующими позициями, агрессивно и бесцеремонно потеснила дух и лишила общество людей необходимой ему коллективной энергии. Она разорвала связи с Высшим, усомнилась в существовании космического творчества и присвоила себе функции Бога-творца, будучи уверенной, что этот новоявленный творец в состоянии создавать все своими руками и интеллектом. «В цивилизации, — писал Н.А. Бердяев, — иссякает духовная энергия, угашается дух — источник Культуры. Тогда начинается господство над человеческими душами не природных сил, сил варварских в благородном смысле этого слова, а магического царства машинности и механистичности, подменяющей подлинное бытие».²⁷ И еще: «Машина налагает печать своего образа на дух человека, на все стороны его деятельности. Цивилизация имеет не природную и не духовную основу, а машинную основу. Она прежде всего технична, в ней торжествует техника над духом, над организмом. В цивилизации само мышление становится техническим, всякое творчество и всякое искусство приобретает все более и более технический характер. Футуристическое искусство так же характерно для цивилизации, как символическое искусство — для Культуры».²⁸

Машинная, техногенная цивилизация перестает нуждаться в философии, искусстве, религии в истинном смысле этих слов. Она подменяет Культуру развлекательной индустрией, на базе которой и возникает так называемая массовая культура, призванная обслуживать материю общества, а отнюдь не питать его дух. Такая цивилизация потакает низким чувствам и инстинктам человеческого тела, убивает его энергетику, мешает гармонии духа и материи, затрудняя человеку дальнейшее эволюционное восхождение.

«...Старая Европа, — с горечью пишет Бердяев, — изменила своему прошлому, отреклась от него. Безрелигиозная мещанская цивилизация победила в ней старую священную Культуру. Борьба России и Европы, Востока и Запада представлялась борьбой духа с бездушием, религиозной Культуры с безрелигиозной цивилизацией».²⁹

И когда мы говорим, что человечество зашло в тупик, наводнив Планету машинами, подчинив человека этой машине, нанеся непоправимый экологический вред природе Земли, а соответственно и самому человеку, мы должны понять причину всего этого. Она, эта причина, состоит в расхождении Культуры и цивилизации, в умалении Культуры и вознесении материальной цивилизации. Понадобилось совсем немного. Когда-то в силу ряда причин сдвинулось равновесие между Культурой и цивилизацией, державшее Планету, как два крыла, и все пошло не по эволюционному пути, а по ухабистой, пыльной дороге, ведущей в тупик и чреватой энергетическими катастрофами.

Поэтому и Учителя, Космические Иерархи, и Николай Константинович Рерих уделяют такое большое внимание Культуре как явлению, двигающему эволюцию, и истинной цивилизации, держащей на себе материю этой эволюции. Справедливо считая, что оптимальное развитие техники необходимо не только цивилизации, но и Культуре, Н.К.Рерих ставит закономерный вопрос: для чего, для каких целей используются мощные технические средства? В чьих руках они окажутся, и как повлияют на духовное развитие человечества в целом, и как скажутся на росте его сознания? «Музыка в консервной банке, — пишет Рерих в одном из очерков, — искусство на фильме, лекции по радио, корабли без капитана, аэропланы-бомбометы без пилотов и как корона механизации и венец уничтожения человеческого духа — война ядовитыми газами и биологическое истребление всего живущего».³⁰

В своих работах, очерках, статьях, картинах Рерих старается показать истинную роль Духовной Культуры и осмыслить те искажения и перекосы, которые внесла современная цивилизация в жизнь человеческого общества. Он оставляет за Культурой приоритетную роль во всех областях человеческой деятельности и низводит капитал, торговлю, экономику в целом на второстепенный уровень, который не может быть господствующим в силу временности своего характера. Он наблюдал грандиозную экономическую катастрофу в 20—30-е годы нашего века, охватившую капиталистический мир. И, может быть, лучше, чем кто-либо, понимал, что это был не экономический кризис, а духовный кризис буржуазной обескультуренной цивилизации. Состояние экономики было лишь следствием того положения Культуры, в которое ее поставила сама цивилизация. Любое критическое явление в современном мире, он понимал это ясно и четко, связано прежде всего с нарушением баланса на уровне явления «Культура — цивилизация». «...Думали, что материальный кризис мира можно разрешить материальными вычислениями. Но проказа зашла слишком далеко. Кризис мира вовсе не материальный, но именно духовный. Он может быть ис-

целен лишь духовным обновлением. Холодный язык мозга обманул счетчиков, и опять настоятельно требуется обратиться к тому вечному языку сердца, которым создавались эпохи расцвета».³¹

Отступление от Культуры, ее забвение ради материальных благ привели мир к тому состоянию, в котором он оказался в 20-30-е годы XX века. «Жизнь во всех ее новых формах уже перерастает понятие условной цивилизации. Проблемы жизни, нарастающие с каждым днем, повелительно устремляют людей к высшим решениям, для которых уже невозможно отговориться условными, изжитыми формами. Или все вновь преобразованные возможности сочетаются с прекрасным, истинно культурным решением, или пережитки цивилизации потянут слабовольных к одичанию».³²

Поиск «высшего», «истинно культурного» решения был всегда основной целью Рериха при осмысливании и проработке важнейших проблем. «Высшее решение» всегда диктовалось путями эволюции. Эти же пути несли оптимизм в самых сложных и, казалось бы, безвыходных ситуациях. Оптимизм Питирима Сорокина основывался на его концепции регулярной смены фундаментальных «типов Культуры». Что бы ни происходило на уровне современной буржуазной цивилизации, она все равно исчезнет, и на смену ей придет что-то новое. «Но главное, — пишет Сорокин, — это то, что и преступность и насилие являются следствием распада системы моральных ценностей, и с приходом новой формации, новой ментальности и новой шкалы ценностей ситуация может кардинально измениться».³³

Каждое явление, утверждает Николай Константинович, имеет свои циклы развития, свои смены, свои взлеты и падения. В XX веке Культура и цивилизация достигли кульминационной точки в своей дифференциации, в своей разъединенности. Их дух и материя, преодолевая страшные кризисные явления, обычно сопровождающие распад старой и становление новой системы, выходят в эволюционный канал неизбежного Синтеза. И только Синтез может привести систему «Культура — цивилизация» в состояние, которое будет соответствовать магистральному направлению развития Космической эволюции. В конце концов, целью эволюции в нашем плотном мире является сближение духа и материи, достижение гармонии между ними на определенном этапе и, наконец, Синтез духа и материи, который приведет к созданию одухотворенной материи и повысит ее энергетический уровень. Этот Синтез, как утверждал Рерих, изменит смысл цивилизации, одухотворит ее и превратит Культуру и цивилизацию в целостное явление, но действующее уже на более высоком уровне, нежели в своем изначальном варианте. «Благотельный Синтез, — писал Николай Константинович, — поможет и ввести в обиход жизни оздоравливающие высокие понятия и научит вмещать то многое, что еще вчера казалось или пустою отвлеченностью, или неприменимою неуклюжестью, или просто смешным с точки зрения условных привычек, предрассудков и суеверий».³⁴

В пространстве любого явления, в котором действуют дух и материя, мы должны найти ту точку, в которой в силу ряда исторических и энергетических причин возникает творчество Синтеза, или то энергетическое пространство, где созданы возможности озарений, которыми движется Синтез.

Точка Синтеза в пространстве «Культура — цивилизация» в течение истории человечества меняла несколько раз свое местоположение. В древности эта точка находилась в пространстве мифологии, создавая целостный и образный мир мифологического мышления и сознания. В эпоху формирования и развития религиозного мышления эта точка была перенесена на религию и несла в себе соединение с Высшим, без чего не могли создаться ни духовная система Культуры, ни прочно связанная с нею зарождающаяся цивилизация, еще окончательно не оторванная от Культуры как самоорганизующейся системы духа. И наконец, в нашу эпоху полного разъединения Культуры и цивилизации она перенеслась в область науки, знаменуя собой начало процесса формирования нового научного сознания и научного мышления. И поэтому новое Учение, данное Космическими Иерархами нашей Планете и называемое Живой Этикой, реализует себя не через мифологические образы, не через религию, а через науку, или ту точку Синтеза, которая связана с основными направлениями эволюции. В одном из своих очерков Рерих писал, что «искусство и наука являются устоями грядущей эволюции», имея в виду науку как энергию, синтезирующую в единое целое категории духовной Культуры и материальной цивилизации. Гениальный русский ученый В.И.Вернадский, создавая свою теорию ноосферы, Сферы Разума, считал, что наука и научное мышление являются важнейшим фундаментальным условием процесса формирования этой сферы. Однако та наука, которая сформировалась в период материальной цивилизации, оторванная от Культуры, отчужденная от человека и нравственных проблем, стать творческой точкой Синтеза не может. Она должна пройти период серьезной трансформации. «Каждый отрицатель не может называться ученым, — пишет Рерих. — Наука свободна, честна и бесстрашна. Наука может мгновенно изменить и просветить вопросы мироздания. Наука прекрасна и потому беспредельна. Наука не выносит запретов, предрассудков и суеверий. Наука может найти великое даже в поисках малого».³⁵

На современном этапе наука не может называться наукой, если она не изучает новых энергий, и прежде всего психическую, а также миры иных состояний материи. «Наука не может выйти за пределы механического круга, пока эта стена не будет преодолена пониманием Тонкого Мира».³⁶ Именно наука с ее знанием и опытом должна вывести человечество в Беспредельность. «Ведь наука приобщает человека к овладению пространственным огнем. И все устремления к открытию космических сочетаний приносят человечеству космическую Мощь. Потому наука должна осветить сознание и утвердить человечество в Беспредельности».³⁷ Наука обязана быть нравственной, настаивают создатели Живой Этики. Она

должна использовать древние знания и облечь их в современные формулы. Тонкие явления и энергии высоких вибрации должны стать предметом ее исследований. «Туманные рассуждения о призраках, о предчувствиях и внушениях отдадим на суд истинной науки. Не убоимся предоставить ученым рассмотреть все явления в свете строго научного изучения. Но пусть будет такое изучение действительно строгим, иначе говоря, справедливым. Только это условие необходимо, когда касаемся законов космических.

Пусть сравнивают передачу мысли на расстоянии с радио. Пусть приложат к видениям основы телевидения. Пусть припомнят новейшие открытия, они лишь помогут в вопросе психической энергии. Пусть не боятся сопоставлять видения с открытиями научными. Ведь не ради кощунства или самомнения можно черпать сопоставления из всех областей природы. Физика пусть подтвердит самые наивысшие психические проявления».³⁸

Космические Иерархи и их ближайшие сотрудники Н.К. и Е.И.Рерихи широко смотрели на процессы трансформации науки и не отбрасывали ни рек, ни ручейков, которые могли напитать океан Знания в самом высоком его смысле. «Мы всегда останемся доброжелателями всех искренних познавателей, — писал Николай Константинович. — И теософы, и психические исследователи, и спиритуалисты, и физиологи, к какому бы лагерю они ни принадлежали, они являются пионерами науки грядущего».³⁹ И только такая наука грядущего может действительно сыграть важнейшую эволюционную роль в предстоящем фундаментальном Синтезе Культуры и цивилизации. Трансформированная наука станет тем пространством, где произойдет, и уже, по всей видимости, происходит, энергетический творческий процесс взаимодействия материи и духа, имеющий своей целью свести различия между ними к минимуму или достигнуть их слияния.

Данное предисловие было бы неполным, если бы мы не коснулись проблем России. Многие соображения и высказывания Рериха, которые мы находим в очерках сборника, связаны именно с нею.

То, что возникло на месте российской культуры и цивилизации после 1917 года, условно может быть названо социалистической цивилизацией. Она создавалась тоталитарным, т.е. насильственным путем на обломках традиционной духовной Культуры и на основных принципах чуждой нам западной цивилизации. В ходе созидания и сотворения «нового человека» была надолго уничтожена эволюционная основа целой страны. Безумная мечта о бесклассовом обществе, обществе без противоречий и противостояний, привела к грубому нарушению Великого Закона о противоположениях в Космосе. Каждое явление, чтобы быть явлением, должно иметь второе «действующее лицо». Взаимоотношения этих двух сторон определяет взаимодействие духа и материи, а не индивидуальная воля человека или беспочвенная мечта. Противоположения в любом явлении обеспечивают его жизнь, накапливают энергию для его эволюции и развития. Невежественное и насильственное вме-

шатательство в Космические закономерности, в диалектику процесса «дух — материя» приводит к самым разрушительным последствиям. Классовые противоречия уничтожались вместе с их носителями. Ликвидировалась творческая основа общества введением «всеобщего согласия». Отсекая одно противоположение за другим, создатели «социалистической цивилизации» заложили в самом ее зародыше смерть, застой и разложение. Роль «второй стороны» взяло на себя государство, придав ей форму ГУЛАГа. Последний поставлял не только огромную трудовую силу, но и удерживал страхом распад того или иного явления, вдыхая в его гниющие легкие спертый воздух, настоенный на человеческих страданиях, боли и унижениях.

Культура как самоорганизующаяся система духа была искусственно заменена узкой прагматической идеологией марксизма, обслуживающей интересы правящей верхушки. Естественная религиозность человека, оторванная от истинных духовных источников, нашла свое выражение в извращенной, бездуховной практике поклонения одной из европейских социально-экономических теорий. «Но о духе, — писал Н.А.Бердяев, — запрещено говорить в советской философии, материализм остается священным символом».⁴⁰ И еще: «Все определяется для нее (советской философии. — Л.Ш.) не просветлением мысли, не светом разума, а экзальтацией воли, революционной титанической воли. Философия должна не познавать только мир, но переделать мир, создавать новый мир».⁴¹ Придание философии функций, ей не свойственных, привело к различным подменам и искажениям смысла философии. Из нее исключалась та часть, которая была связана с Высшим, с иными мирами, иными измерениями. Обретение религиозного характера теорией, не связанной с этим Высшим, привело к развитию бездуховности у поклонников этой теории, к искаженному использованию религиозной энергии человеческой души в явлениях, не свойственных этой энергетике.

Любая цивилизация или возникает на упругом поле энергетики Культуры, или каким-то иным способом несет в себе эту Культуру. Социалистическая цивилизация не имела ни того ни другого. То, что мы называем культурой, было лишь отдельными обстоятельствами этой культуры, разрешенными тоталитарным государством к использованию. Такая культура могла существовать лишь в рамках самого государства, в зоне его контроля. Все остальное исключалось и уничтожалось.

Творцы социалистической цивилизации, критикуя буржуазную цивилизацию, взяли из нее все самое отрицательное, преходящее и неустойчивое — бездуховность, грубый материализм и машинное обустройство жизни.

«...Индустриально-капиталистическая система, — писал Н.А.Бердяев, — не была только могущественным экономическим развитием, она была и явлением духовным, явлением истребления духовности. Индустриальный капитализм цивилизации был истреблением духа вечности, истреблением святых. Капиталистическая цивилизация новейших времен убивала Бога, она была самой без-

божной цивилизацией. Ответственность за преступление богоубийства лежит на ней, а не на революционном социализме, который лишь усвоил себе дух «буржуазной» цивилизации и принял отрицательное ее наследие».⁴² Для того чтобы выйти за пределы буржуазной цивилизации, требовался истинно эволюционный прорыв человеческого духа и интеллекта, введение в культурно-исторический процесс Планеты категорий, связанных с космическими процессами. Буржуазная цивилизация несет в себе кризисный итог культурно-исторического развития человечества за последние две тысячи лет, преодоление которого требует новых путей, новых подходов.

«Но отрыв хозяйства от духа, возведение экономики в верховный принцип жизни, придание всей жизни вместо органического характер технический превращают хозяйство и экономику в фиктивное, механическое царство. Похоть, лежащая в основе капиталистической цивилизации, создает механически фиктивное царство. Индустриально-капиталистическая система цивилизации разрушает духовные основы хозяйства и этим готовит себе гибель. Труд перестает быть духовно осмысленным и духовно оправданным. Капиталистическая цивилизация находит себе заслуженную кару в социализме. Но социализм также продолжает дело цивилизации, он есть другой образ той же «буржуазной» цивилизации, он пытается дальше развивать цивилизацию, не внося в нее нового духа. Индустриализм цивилизации, порождаящий фикции и призраки, неизбежно подрывает духовную дисциплину и духовную мотивацию труда и этим готовит себе крах».⁴³ Этот крах будет провозвестием рождения Нового Мира с новыми ценностями, с иным человеческим сознанием, с новыми подходами к Культуре как главному устою эволюции, с новым энергетическим мировоззрением. Словом, со всем тем, о чем пишут книги Живой Этики, давая человечеству знания, необходимые для восхождения на новый эволюционный виток. Возникнут иные взаимодействия духа и материи, да и сама материя станет другой, что сразу отразится на новой расе людей, идущей уже на смену нашей. Крах социалистической цивилизации в России с ее гипертрофированной властью государства, с ГУЛАГом и бездуховностью, с насилием и принуждением, с попранием естественных законов существования человека и природы и многими другими «достоинствами», как ни странно, есть первые знаки и проявления гибели буржуазной цивилизации и замены ее чем-то иным. Это иное, без всякого сомнения, возникнет в первую очередь в энергетическом поле Культуры, с таким трудом сохраняемом усилиями многих подвижников в наш темный, предрассветный век.

Теперь нам кажется, что распад нашей системы произошел внезапно и неожиданно, и мы ищем виновных в этом. Мы уверены в том, что еще можно было что-то предотвратить, и забываем о том, что система искаженной цивилизации уже исчерпала себя энергетически и, как ни парадоксально, все случилось не потому, что система была недостаточно социалистической и страдала иска-

жениями, а потому, что она была слишком буржуазной. Иными словами, система находилась в круге мировой энергетики, представляя ее наиболее позднее, уже выдохшееся звено. Вслед за ним распадутся и другие звенья энергетической цепи буржуазной цивилизации.

Н.К.Рерих следующим образом определил духовную суть того «нового человека», который был сформирован за годы тоталитаризма в России. «Не может человеческое существо, — писал он, — отражающее в себе все сияние Космоса, ограничить себя мерзостью, духовною нищетою, ложью ради тленности сегодняшнего дня. Ранее или позднее психическая энергия восстает мятежом, если ей не дано широкое русло прекрасного восхождения. История человечества дала достаточно примеров мятежа психической энергии. Этот опыт достаточен для того, чтобы напомнить человечеству, насколько оно должно сознательно обратиться к творческой мысли, к светлому строительству, понимая его не как далекую отвлеченность, но как неотложную насущную потребность».⁴⁴

Кризис социалистической цивилизации сопровождается разединениями на разных уровнях, раздорами, местными войнами, дискриминацией национальных меньшинств. Распад тоталитарной системы выявил отсутствие Культуры в главных ее звеньях, непонимание роли этой Культуры в социально-экономических процессах. Именно это привело сегодня к различного рода перекосам в государственной политике, росту преступности, сознательному и несознательному стремлению присвоить себе плывущие в руки богатства и собственность. Слова, писанные Рерихом несколько десятков лет тому назад, звучат так, как будто были сказаны для нас сегодняшних: «Списки темных подавителей, как скрижали стыда, неизгладимо запечатлелись на хартиях образования и просвещения. Некультурные ретрограды бросились урезать и искоренять многое в области образования, науки, искусства! Стыд, стыд».⁴⁵ И еще: «Поппиратели Культуры, разве не попирают они свое собственное благосостояние?.. Берегитесь варваров!».⁴⁶

И сегодня опять, как в 1917 году, перед нашими глазами встает в качестве образца для подражания чужая западная цивилизация. И опять с не меньшим рвением, чем в 1917 году, мы, создавая «новую» государственность, отторгаем от этого процесса собственную духовную Культуру, забывая о том, что материя цивилизации не может нормально существовать без духа Культуры. Но в отличие от 1917 года мы в каком-то умопомрачении упиваемся чужой массовой лжекультурой. С нею вместе в наш национальный организм вливается трупный яд разлагающейся цивилизации Запада, который губит живые и здоровые клетки российского организма. Вместе с частной собственностью, которая сейчас формируется в уродливых условиях развала, приходят чудовищная безнравственность, корысть и алчность, искаженные представления о незабываемых человеческих ценностях, темные и низкие инстинкты, развязанные бездуховностью и отсутствием нравственных ориентиров. Мы потеряли правильный путь в об-

ломках собственной лжецивилизации. Мы то бросаемся назад, к тому, что уже прошло и было поругано нами же, то несемся, как нам кажется, вперед, устремляясь на неверный болотный огонек чужой цивилизации, обольщающей нас витринами невиданных нами диковинных товаров.

Но где-то совсем в стороне от этого большого базара новых надежд и устремлений к очередному «светлому будущему» сверкают зарницы оживающей национальной Культуры — ее философские наработки, гениальные научные открытия и эволюционные озарения. Словом, все то, что формирует энергетику истинного пути России.

Очерки о Культуре и цивилизации, их значении и различиях, их взаимодействии на высшем уровне духа и материи написаны Николаем Константиновичем Рерихом для нас сегодняшних. Они вызывают у нас размышления о судьбах собственной страны и предупреждают нас от повторения губительных ошибок забвения Света истинной Культуры. Они напоминают нам об уроках нашей собственной истории. В тяжелейшее время для России, в дни ее выбора, давайте прислушаемся к ним. Давайте вспомним о волшебной Чаше Грааля, с помощью которой совершались великие дела и великие подвиги на стезе духовного совершенствования человечества.

1994

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 765.
- ² Рерих Н.К. Культура и цивилизация. М.: МЦР, 1994, с. 108-109.
- ³ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990, с. 166.
- ⁴ Там же, с. 172.
- ⁵ Рерих Н.К. Культура и цивилизация. М.: МЦР, 1994, с. 41.
- ⁶ Рерих Николай. Твердыня пламенная, Нью-Йорк, 1933, с. 77.
- ⁷ Рерих Н.К. Культура и цивилизация, М.: МЦР, 1994, с. 35.
- ⁸ Там же, с. 60-61.
- ⁹ Там же, с. 28.
- ¹⁰ Там же, с. 87.
- ¹¹ Там же, с. 49.
- ¹² Там же, с. 82-83.
- ¹³ Там же, с. 98.
- ¹⁴ Там же, с. 53.
- ¹⁵ Там же, с. 68.
- ¹⁶ Там же, с. 41.
- ¹⁷ Рерих Николай. Нерушимое. Рига, 1936, с. 18.
- ¹⁸ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990, с. 168.
- ¹⁹ Там же, с. 169.
- ²⁰ Рерих Н.К. Культура и цивилизация. М.: МЦР, 1994, с. 31.

- ²¹ Там же, с.60.
²² Там же, с.49.
²³ Там же, с.77.
²⁴ Там же, с.72.
²⁵ «Независимая газета», 1993. 16 июня.
²⁶ *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М.,1990, с. 162
²⁷ Там же, с. 172.
²⁸ Там же, с. 168
²⁹ Там же, с.162.
³⁰ *Рерих Н.К.* Культура и цивилизация. М.:МЦР,1994, с.64.
³¹ Там же, с.62.
³² Там же, с.124.
³³ «Независимая газета», 1993, 16 июня.
³⁴ *Рерих Н.К.* Культура и цивилизация. М.:МЦР,1994, с.111.
³⁵ Там же, с.133.
³⁶ Братство, 10.
³⁷ Беспредельность, 665.
³⁸ Аум, 487.
³⁹ *Рерих Н.К.* Культура и цивилизация. М.:МЦР,1994, с.140.
⁴⁰ *Бердяев Н.А.* Истоки коммунизма в России. М.,1990, с.122.
⁴¹ Там же, с.123.
⁴² *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М.,1990, с.170.
⁴³ Там же, с.171
⁴⁴ *Рерих Н.К.* Культура и цивилизация. М.:МЦР, 1994, с.61.
⁴⁵ Там же, с.87.
⁴⁶ Там же, с.88.

Н. К. Рерих

КУЛЬТУРА
И
ЦИВИЛИЗАЦИЯ

НОВАЯ ЭРА

Великие перемены произошли за последнее десятилетие. Много башен предрассудков и невежества рухнуло. Только слепые и глухие не чувствуют стука новых сил, вступающих в жизнь. И приход этих вестников так прост, как бывает просто все великое.

Три великих дара посланы человечеству. Познание Единого Духа вносит в бытие единство любви и религии. Познание чуда искусства открывает врата в царство Красоты. Познание космической энергии приносит идею о единой, всем доступной Мощи. И во имя озаренной Новой Эры мы должны молитвенно и действительно принять эти три благословенные дара.

Инквизиторы во имя Христа не верили утверждению Галилея о вращении земного шара. Галилей со скорбью писал, что «профессора» в Падуе отказались принять что-либо касающееся планет, луны и даже самого телескопа и что они ищут истину не в мире и не в природе, но лишь сравнивая тексты и стараясь освободить небо от планет по правилам логики и риторики. Соломон де Ко был посажен в сумасшедший дом за его уверенность в силе пара. Над Фултоном глумился даже его собственный брат.

Сам Гегель, основываясь на философских сравнениях, пытался доказать невозможность существования планет между Юпитером и Марсом. Но именно в тот же год Пиаци открыл первую из этих малых планет.

Конт отрицал возможность исследования химической природы светил. Но спустя пять лет спектральным анализом уже была установлена классификация небесных тел по их химическому содержанию.

Араго, Тьер, Прудон не могли предвидеть будущность железных дорог. Томас Юнг и Френель были публично осмеяны лордом Брумом за открытие световых волн.

Академия наук в Петербурге не хотела иметь в составе своем Менделеева.

В 1878 году Буиллио, член Института, присутствуя при демонстрации Демонселем фонографа Эдисона перед Французской Академией, объявил, что это фокус, а через полгода предупреждал Академию не верить «американскому шарлатану». Не так задолго до этого и существование самой Америки отрицалось.

Так было. Так бывает. Но так не будет на новых путях. «Судите лишь по делам». «Судите лишь по следствиям». Будем помнить эти простые слова теперь, во время действия, когда

всякому пустословию нет места. В дни борьбы и исканий человечество устает от пустых рассуждений о всех условных формах современной жизни. Без творчества в жизни все суждения и придумывания бесполезны. Вы можете толковать о путях сообщения, об обмане, о промышленности, о денежных системах и о бесчисленных попутных предметах. Но куда же вы попадаете по всем *этим* «путям сообщения»?

В итоге они приводят вас к новым средствам убийства и разрушения. Покуда не будет истинного понимания мира, все *эти* «пути сообщения» обречены на гибель. И все следствия трудов человеческих будут стираться с лица земли. Но понять истинное значение *мира* невозможно, пока человечество не постигнет различия между «механической цивилизацией» и грядущей Культурой духа.

Даже приблизительное понимание основ истинной Культуры совершенно преобразит жизнь и создаст необычайные условия для всех блестящих открытий, сужденных человечеству. Много будет достигнуто, если исследователи, смелые и радостные, будут знать, *как* подойти к истинной природе вещей без предрассудков, так свойственных и нашему цивилизованному состоянию. Жизнь полна предрассудков, приличных разве темному средневековью. Тем не менее именно сейчас лучшее время для прихода истинного Знания и Красоты.

Вы можете предполагать, что выявление индивидуальности разных народов требует и различных форм. Но одно условие неизбежно навсегда: условия жизни не только должны быть цивилизованы, но и должны носить признаки Культуры. И когда вы рассуждаете о будущем, всегда имейте в виду, что все новые условия должны быть именно культурны.

Но как перенести в жизнь это понимание Культуры? Конечно, не на словах и заоблачных проектах. Только упорным, сознательным трудом — практичным и озаренным — вы достигнете жизненное следствие. Грядущая жатва всех забытых сил и возможностей расцветет лишь на почве сознательного стремления и неумолчной работы. Расцветет именно здесь, на Земле, ибо сущность земного плана очень важна.

Творчеством и знанием эта реальность Культуры займет главное место жизни. Великая Красота и Мудрость укрепят строительство этой новой завоеванной жизни. Именно теперь надо собрать все силы физические и духовные для сосредоточенной работы. И каждый работник не должен думать, что он незначителен, но именно каждому открыт путь высшего достижения.

Не Вавилонскую башню строит человечество. Оно хочет вместить, украсить и укрепить прекрасную *жизнь*, сужденную ему. И мысли, чистые, как голуби, уже летают по всему миру.

С особым вниманием и радостью мы следим за молодежью. Их сердца бьются особо и ново. Ведь они будут строить новый мир, и, когда их можно хвалить, наши сердца наполняются надеждой. И мы слышим похвалы молодежи, ибо она трудится и укрепляет свой дух.

Открыв глаза Красотой, вызывая молодые силы к широкому кругозору, народы решают свою судьбу. Среди настоящей трудной борьбы народы начинают разуметь, почему практично и выгодно выдвигать и охранять сокровища Культуры. Они начинают понимать, что новое утверждение жизни будет воздвигнуто лишь по этим иероглифам мудрости. Ибо прошлое, лишь окно к будущему. Через это окно придет светлая радость возможности принести друзьям новые, мирные находки Красоты.

Многие спрашивали меня в течение этого года, что за причина основания в Нью-Йорке Института Соединенных Искусств и Международного Художественного Центра «Corona Mundi». Конечно, лицам посвященным основание этих Учреждений не случайно. Оба Учреждения отвечают нуждам времени. Меня просили дать девизы этих начинаний, и я избрал две цитаты из моих лекций. И твержу, что в дни международных недоразумений и острой борьбы оба Учреждения жизненно практичны.

Смысл цитаты для Института Соединенных Искусств, что Красота должна сойти с подмостков сцены и проникнуть во всю жизнь и должна зажечь молодые сердца священным огнем.

Для Международного Художественного Центра было указано, что реальная победительница в жизни — Красота. И единственная прочная ценность заключена в произведениях искусства, тогда как денежные знаки превращаются в хлам. Любовь, Красота и Действие!

Сидящие в сереньких норках думают, что эти утверждения слишком идеальны и сомневаются в практическом применении их среди нашей усложненной жизни. Но эти сомнения происходят от невежества, от забитости стеснением мелкой городской жизни. Но наш путь не с ними, ибо мы уже видели, как легко рушатся домики их серой посредственности. За нами жизнь вне предела наций, за нами опыт и дела.

Возьмите простые здоровые души не из закоулков города, а из природы, из необъятного мира, где растут истинные возможности. От этих людей вы услышите иной ответ. Даже простые русские поселяне поняли растущую ценность предметов искусства, предпочитая их денежным знакам. Они же оценили значение песни и музыки.

И правда, если змеи могут быть очарованы музыкой, то как велико значение ее для души человеческой.

Без всякого преувеличения можно утверждать, что ни одно правительство не станет прочно, если оно не выразит действенное почитание всеобъемлющей Красоте и высокому Знанию.

И если пути сообщения понесут для обмена не пушки и яды, но Красоту и светлое Знание, то можно представить, как рука не поднимется уничтожить эти дары Света. Есть одно положение, когда Красота всегда побеждает, когда даже злые скептики и невежды умолкают и начинают сознавать, что перед ними стоит мощный двигатель.

Все возможности нижних путей уже были использованы. Мы имеем великолепные яды. Имеем разрушительные взрывы. Имеем губительные тепловые лучи. И ножи так заострены, что могут проникнуть в любое сердце. Какой торжественный апофеоз разрушения! Должно было пройти около двух тысяч лет «Эры любви и самопожертвования», чтобы достичь такого совершенства вражды. Чтобы узреть блестящие спектакли ипокритства и пошлости! И так полюбили заниматься «международным правом». Жаль этих профессоров международного права. Их положение непрочно. Обсуждать мир за столом, под которым лежит лучший динамит, не очень приятно. И невозможно помочь им, пока они не обратятся к правильным поискам мира.

Если кому-то захочется поспорить с нами о жизненном значении Красоты, мы с радостью приоткроем наши доводы.

На нашей стороне будут факты истории и все утверждения будут основаны лишь на действительных следствиях. Когда некоторые «старички духа» обвиняли меня в чрезмерном идеализме, я мог сказать: «Простите, именно я реалист, ибо основываюсь на Знании и на фактах, основываюсь на синтезе Знания и Красоты, а вы беспочвенные идеалисты, ибо верите клочкам бумаги. За нами жизнь. За нами переоценка ценностей. За нами гимн труду, творящему и руками, и мозгом, и духом. А за вами пыль».

Говоря о творчестве, об искусстве, я не имею в виду лишь великих выразителей; не только о Вагнерах, о Шляпинных, о Рембрандтах идет речь. Каждый искренний вклад подлинного устремления духа вносит убедительность и струю свежего воздуха.

Недавно в Институте Соединенных Искусств давал свой первый концерт маленький Магалов. И можно было видеть, как самые различные сердца объединились в глубоком внимании. Даже неприятели временно забыли свою вражду. И если принцип этого воздействия очевиден, то размеры его могут быть расширены в бесконечность. Сколько трудных социальных и национальных проблем может быть разрешено в мгновение, ибо в действительности они и не существуют. И за возрождением

Красоты вы можете различить Великий Лик Единой Религии, в простейшем виде явленной под крыльями Красоты.

Всегда верю, что наиболее идеальное является и наиболее практичным. И каждая организация, в которой приходилось принимать участие, являлась лишь лишним примером. Если кто-то будет указывать, что начинание слишком идеалистично и потому стоит вне жизни, скажите ему: «Ошибся, милый, это начинание нежизненно, потому что оно недостаточно высоко». Как в математике, когда вы имеете дело со странными фигурами, кажущимися далекими от жизни, но в применении их в действии они равняются магнетическим силам, отвечая жизни во всех ее атомах. И по этому пути вы восходите опять к простому утверждению: с высоких гор больше увидите. И при ясном взоре вы часто заметите, что кажущееся разрушение лишь часть созидания.

Среди детей у меня много друзей, и я горжусь, когда вижу на моих выставках этих маленьких посетителей. Правда, кто же может простейшим путем воспринять действительную силу искусства? Конечно, дети, женщины и люди из природы. При составлении новой международной армии Новой Эры не должны быть забыты именно дети и люди труда и природы и особенно женщины. Новая Эра должна иметь и новых воителей. И лучший знак этой армии — паспорт почетный и вечный — будет знак истинной Культуры. Перед этим знаком откроются *все* пути сообщения. И как прост и прекрасен будет этот жизненный знак.

Как сказано, величайшими врагами Красоты являются пошлость, ипокритство, эгоизм и поверх всего невежество. И невежество не как отличие безграмотности, а как спутник прогнивших тупиков мысли. Конечно, невежество, хотя и опасно, но в известной стадии может быть излечиваемо. И лучший совет для начала лечения — обратиться к первоисточникам. Стремление без предрассудков, основанное на изучении действительной жизни, откроет глаза заблевающим. И отдавая всего себя, можно получить истинно новый облик. Одна женщина, которая читает лекции и искренне стремится объяснить великое значение искусства, спрашивала, как назвать ее профессию?

Я предложил для нее ближайшее определение: «чистильщица окон». Это не была просто шутка. Можно смело утверждать, что каждое человеческое существо имеет открытый доступ в царство Красоты, если только пыль жизни и оконная грязь не затемняют это проникновение. Вспоминаю также другой разговор с человеком официально церковного положения, который пришел говорить по этому же предмету. Во время трехчасовой беседы он отрицал все, что я сказал ему, а я покрыл все сказанное им. В конце я сказал:

«Теперь оглянемся. В течение трех часов вы отрицали все услышанное от меня, а я нашел место всему сказанному вами. Будьте честны и скажите, чье положение лучше?». И можно было видеть, как он был озадачен, понимая, что он выявился лишь духом отрицательным. И сколько их, этих отрицающих, ходит по всем путям жизни, лишь мешая, лишь отрицая, лишь суетливо перебегая путь. Но если удастся им раскрыть глаза, то они будут поражены своим невежеством. Даже они увидят, как легко в нашей жизни каждого дня новый порядок, новое понимание может быть установлено жизненно и действенно.

Запомните твердо: «Не сны, но действия. Не мечты, но следствия». И откуда же придет эта всеобъемлющая энергия усвоить и вместить истинные жизненные идеи? Друзья мои, вы найдете свои возможности в неисчерпаемой энергии воздуха, в блеске солнца. Из Света рождается жизненная улыбка бесстрашия.

1922

СОЖЖЕНИЕ ТЬМЫ

Привет Молодым

Итак, не устанем мы повторять, что в основе существования лежит творящая мысль. Жизненно осознаем глубокое значение ритма как внутреннее динамо нашей работы. Будем помнить завет Света, что прежде всего самое важное для нас — дух и творчество, затем идет здоровье и лишь на третьем месте — богатство. Если же вползающая Тьма начнет шептать нам сладким голосом: «Прежде всего богатство, затем тело и здоровье, а как последнее — творчество и дух», тогда скажем мы: «Знаем тебя, переодевшийся гомункул! Опять ты вполз! Ты воспользовался незапертой дверью, покуда привратник ушел на время обеда. Ты опять надеялся на человеческую слабость, на людское непостоянство и опять ты мечтал оживить семена предательства. Но как бы ты ни переодевался, мы распознаем тебя. Со своими материалистическими переоценками ценностей ты открыл себя и свое разлагающее влияние. Но будущая эволюция не построится на твоих основаниях, гомункул! Напрасно стараешься; твой маскарад тебе не поможет! Твердо мы знаем, что лишь ценности духа и творчества лежат в основе Бытия. Только эти ценности будут спасением человечества».

Зорко проникая в законы, ведущие человечество, мы всюду замечаем спасительные искры. Обратите внимание, гомункулы, как прототипы предательского Миме, мечтавшего уничтожить героя Зигфрида, всегда так или иначе выдают свои тайные умыслы. Вы, конечно, помните, как сладко успокаивал Миме настороженность Зигфрида. Как сладко шептал Миме: «Я и поил, я и кормил тебя». Он даже говорил Зигфриду о геройском подвиге, конечно, с единственной целью, чтобы воспользоваться следствиями гигантского задания, когда Зигфрид погибнет от его предательства. Но по чудесному закону Миме начинает говорить не то, что хотел бы произнести, но то, что он думает. Истинно, устремляя внимание, вы всегда различите настоящие формулы гомункула, рано или поздно он произнесет их в вашем присутствии. Обостряйте ваше внимание, а для этого простейшими способами научайтесь углублять ваше сосредоточение. Также будьте всегда подвижны, чтобы в нужное мгновение не оказаться затемненными какими-нибудь туманными, жалкими мыслями. Сказано, что преступник всегда бывает привлечен на место своего преступления и тем выдает себя. Также и гомункул выдаст себя, ибо все, что стремится к разложению, будет позорно выявлено. Гомункул боится будущего так же точно, как некоторые люди становятся атеистами только для того, чтобы отогнать мысли о будущем.

Идея «Духа Ведущего», идея «Высокого Водительства» проходит через все века, ибо в ней заключен противовес тьме гомункула. Начав с обращения к выявленному гомункулу, мы вспомним некоторые заветы великого Света, которые твердо и вечно ведут мятущееся человечество.

Вот, что заповедано Восточною Мудростью:

«При сооружении утвержденных начинаний нужно помнить, что построенное всегда идет вверх. При построении (Именем Владыки) есть один лишь путь, который приводит к Творящему Источнику, путь мощной Иерархии, путь мощного Водительства Великого Служения. Потому прикосновение к творческому принципу устремляет дух к утвержденному закону Иерархии. Каждое строение требует осознания устремления вверх. Потому только закон послушания Иерархии может дать законное напряжение. Только так можно осознать путь, ведущий к мощной Беспредельности».

«Как же утвердиться в Учении? Как же приблизиться к высшему закону Иерархии? Только утончением мышления и расширением сознания. Как можно вместить Указ Свыше, если нет утверждения соответствия? Ведь нужно суметь принять ширь Учения. Ведь только соответствие может позволить наполнение сосуда. Потому явление широты достойно широкого сознания. На пути к Нам можно достигать только Иерархией».

«В религиях введены телодвижения и положения тела, способствующие нагнетению энергии и устремляющие к Высшему. У Нас, конечно, можно преуспеть без утомительных движений наполнением сердца. Кто преуспел этим путем, тот имеет преимущество, ибо не престанет источник сердца. Лик Владыки, введенный в сердце, не потускнеет и в любой час готов на помощь. Этот путь сердца самый древний, но нуждается в значительном расширении сознания. Нельзя говорить о сердце с первой беседы, иначе можно без цели перегрузить его. Также бесцельно говорить о любви, если сердце еще не вместило Образ Владыки. Но приходит час, когда нужно указать на мощь сердца. Советую обратиться к сердцу не только потому, что Образ Владыки уже близок, но по космическим причинам. Легче переходить через пропасть, если крепка связь с Владыкою».

«Так нелегко быть без Владыки. Не устами только повторяйте Имя Владыки, но вращайте его в сердце, и не выйдет Он оттуда, как камень, вточенный горною водою в расселину. У Нас называется «Cor Reale», когда Царь Сердца входит в чертог сужденный. Нужно оборониться Владыкою!»

«Вездесущий огонь насыщает каждое жизненное проявление. Вездесущий огонь напрягает каждое действие. Вездесущий огонь устремляет каждое стремление, каждое начинание, потому как же не проникнуться ведущим огнем? Космическая мощь, которая заложена в каждом импульсе человека и творческой силе, направлена к сознательному созиданию. Как нужно бережно собирать эти тождественные энергии для созидания лучшего будущего! Ведь только сознательное отношение к овладению силою соизмеримости может явить творчество, достойное лучшей ступени. Потому каждый на пути к Нам должен устремиться к созиданию, сознательно направляя свои распознавания».

«Как важно сохранять огонь импульса! Без этого двигателя нельзя насыщать начинание лучшими возможностями. Силы, прилагаемые к начинанию, умножаются огнем импульса. Потому так необходимо устремление к умножению данных сил Первоисточника. Во всех построениях нужно соблюдать стройность и соизмеримость, потому для насыщения наших начинаний нужно соизмерять данное с приложенными мерами. Огонь и импульс поддерживают жизнь в каждом начинании. Без этого начинание теряет свою жизненность. Так устремимся к утвержденному огню, данному Владыкою! Так можно достичь насыщения огненного».

«При посадке на корабль у путника украли кошель с золотом. Все возмутились, но пострадавший улыбнулся и твердил: «Кто знает?» Сделалась буря, и корабль погиб. Лишь один наш

путник был выброшен на берег. Когда островитяне сочли его спасение чудом, он опять улыбнулся и сказал: «Просто я заплатил дорожке других за проезд». Не знаем, когда восходят зерна хорошие и долго ли зреет жатва ядовитых мыслей. Нужно им то же время, чтобы созреть. Потому бойтесь ядовитых мыслей, ни одна из них не пропадет без следа. Но где та страна, где тот час, когда назреет колос яда? Пусть он будет даже мал, но колюч, и не будет куска хлеба, который не раздирал бы горло».

«Можно ли не иметь жатвы посева своего? Пусть зерно будет доброе, иначе яд родит яд. Можно избежать многое, но хранилище мысли самое прочное. Мысль как высшая энергия нерастворима и может быть отлагаема. Явление опыта над растениями может показать силу мысли. Также может ученый брать с полки нужную книгу, если мысль напряжена».

«Импульс огня дает всему Космосу жизнь. Каждая творческая искра приводит в движение устремление духа. Как же не утвердить в каждом явлении огненный импульс, который питает все напряжения и насыщает каждое действие. Потому нужно растить чудесный импульс огня, который всему придает жизнь. Так насыщенный огонь может притянуть все соответственные энергии. В культуре мысли нужно прежде всего растить огненный импульс. Как творческий импульс собирает созвучия, так мысль притягивает соответствия — так берегите импульс огня».

«Как прекрасны искры духа, который являет огонь и устремление. Служение огненное принесет человечеству столько знаков новой эволюции! Потому так жизненно вошла Агни Йога и столько знаков перерождают и угрожают планете, только нужно принять все посылаемое человечеству».

«Главная ошибка людей, что они почитают себя вне Сущего. Из этого истекает отсутствие сотрудничества. Невозможно объяснить стоящему вне, что он ответственен за происходящее внутри него. Явленный отец эгоизма посеял сомнение и самообольщение, чтобы отрезать провод с хранилищем Света. Никто не хочет представить себе, что Свет есть следствие мысли, но множество населяющих межпланетные пространства подтвердят охотно мощь мысленного сотрудничества. Они знают сотрудничество и понимают ответственность. Можно внедрить себя в мировую мысль и тем явить себе крылья в небе и в основании на земле. Много ценных напоминаний о связи с дальними мирами разбросано!»

«Искра духа зажигает сердце, потому Наше Учение нуждается в распространении огнем сердца. Как можно зажечь факелы духа без огня сердца? Ведь только огонь поднимает творчество и насыщает каждое действие. Энергия, которая устремляет к жизненному импульсу, должна иметь явленный жизненный огонь. Так в этом законе заключены творческие силы».

Когда мы вспоминаем великие Заветы Восточной Мудрости, прекрасный пример из нашей современности встает перед нами. Подвижники Озарения, благословенный Рамакришна и огненный Вивекананда! Какой незабываемый пример благословенной Иерархии Учительства! Какой пример для молодежи, как трогательно молился Рамакришна о приближении духа Вивекананды и как мудро, возвышенно нес Вивекананда в жизни основы своего Гуру. Истинно, мы видим блестящее следствие принятое в духе Иерархии. В памятный день Рамакришны миллионы паломников объединяются в духе во имя его вдохновенной самоотверженной молитвою. Так же мощно растет имя Вивекананды, и нет такой грамотной страны, где бы эти великие имена не почитались вместе с Абхеданандой, Параманандой, Браманандой, Сараданандой и другими славными учениками Рамакришны.

Высоки были основы их Учений и мудро было применение в Жизни. Каждым прикосновением они выжигали часть тьмы. И ничего не было разрушительного в их Учении. Светоносно звучит призыв Рамакришны и Вивекананды — «Не разрушай!» — Ибо благословенная Иерархия знает лишь положительное строительство.

Вдохновляюще знать, что мы имеем не только славные подвиги древних времен, но и в дни наших смятений перед нами также встают блестящие примеры.

Изучайте без предрассудков историю человечества и вы увидите, что во всех своих одеяниях гомункул одинаково ненавидит Свет и прежде всего Иерархию Блага и Знания. Прикасаясь к этой Светоносной Иерархии, гомункул в смятении начинает вслух бормотать свои скрытые формулы. Но все, что произнесено, уже не опасно. Тонкая паутина тьмы будет немедленно разрушена огнем пространства.

В служении великой Культуре мы не должны ограничивать себя одною стандартной программой. Каждый стандарт ведет к тирании. Основное пламя Культуры будет едино, но искры его в жизни будут индивидуально и драгоценно многообразны. Как заботливый садовник, истинный носитель Культуры не будет вырывать те цветы, которые расцвели не со стороны главной дороги, если они принадлежат к тем ценным породам, которые он охраняет.

Выявления Культуры так же многообразны, как бесчисленны разнообразия самой жизни. Они облагораживают Бытие. Они, как истинные ветви единого священного древа, корни которого держат мир.

Если вас спросят, в какой стране вы хотели бы жить и о каком будущем государственном устройстве вы мечтаете, с достоинством вы можете ответить: «Мы хотели бы жить в стране

Великой Культуры». Страна Великой Культуры будет вашим благородным девизом: вы будете знать, что в этой стране будет мир, который бывает там, где почитаемы истинная Красота и Знание. Пусть все военные министры не обижаются, но им придется уступить их первые места министрам Народного Просвещения. Несмотря на всех гомункулов, которые шпионят из своих щелей, вы будете выполнять ваши обязанности во имя Великой Культуры. Вы будете укреплены сознанием, что только жалкие гомункулы будут врагами вашими. Ничего не может быть благороднее, нежели иметь врагом гомункула. Ничто не может быть чище и возвышеннее, нежели стремиться к будущей стране Великой Культуры.

1930

ЗОВ О КУЛЬТУРЕ

Обращение на учредительном собрании Комитета Общества Друзей Культуры

Понятие Культура, по значению самого корня своего, устремляет к самоотверженному изучению, познанию и наслоению всех исканий, возвышающих сознание. Самое огрубелое сердце затруднится отринуть благородную красоту Культуры, созданную безбоязненными подвигами духа. Можно расхотеться в путях цивилизации, можно спорить о признаках прогресса, но невозможно не учуять понятие Культуры, сокровищницы всего возвышающего, путевого столба истинной эволюции. Каждый живущий и мыслящий понимает также и ответственность свою перед сложением светлого будущего.

В трепете исканий доходим до живого синтеза, чтобы сносить воедино разнообразные накопления и, после вражды невежества, опять оценить терпимость и соизмеримость, сложенную знанием.

Не казалось ли иногда, в буднях смятения и неустройства, что в мелочах подразделений, в серых нагромождениях исчез Свет Единый, ведущий, прощающий и обновляющий?

Но час особого смятения пены высекает гребень волны. Много-различно начинают собираться сведения о том, что в самых неожиданных углах творятся полезные достижения. Издалека доносится зов, в котором бодро звучит светлое слово «Культура». И работники всех отраслей оборачиваются и улыбаются этому мирному и ответственному призыву. Все созидаю-

щее и трудящееся, умеряя голос неверия и осуждения, начинает приближаться взаимно, зная, что достоинство Культуры уберезет от оскорбления: зная, что огонь духа, которым живо сердце, поможет достичь сознания ближнего и оправдает все самоотверженное и созидательное.

Безмерно надоело разрушение! По признаку созидания и Культуры начали собираться. В Нью-Йорке, в марте этого года, создалось Общество Друзей Культуры, и немедленно к основе начали прирастать в разных странах отделы.

Без особых оповещений начали притекать драгоценные сведения о работе неоглашенной, созидательной, вдохновляющей. Сколько многостороннего опыта накапливается, сколько прилагается незаменимого труда, дающего мировые понимания.

Разнообразны подробности уставов и правил отдельных ветвей Общества, примененные к основному занятию и устремлению группы, но от этого нисколько не потрясается основное, всесвязующее понятие.

«Если можем встречаться во имя ценности Культуры, ведь это уже огромное счастье, еще так недавно невозможное. Пусть в своеобразных выражениях, пусть в смятениях духа, но пусть бьется сердце человеческое во имя Культуры, в которой сольются все творческие находения. Мыслить по правильному направлению — значит уже двигаться по пути к победе».

Радостна была возможность ответить на обращение учредителей Общества Друзей Культуры 4 апреля так:

Друзья!

Как радостно соединить драгоценное понятие Друг с понятием Культуры. Среди всех часто необоримых сложностей современной жизни понятие Культуры высится, как несокрушимая Башня, как тот великий Мост, по которому мы достигнем берега прекрасного.

В разных частях света, в разных состояниях и в разных устремлениях мы находим то же зовущее, обобщающее понятие Культуры. Если нечто должно быть забыто — оно легко может быть забыто во имя Культуры. Если нечто должно быть создано — оно легче всего может быть создано во имя того же понятия Света. Этот свет не отвлеченный, но свет реальности, как само Солнце согревает сердце человеческое и от прошедшего обращает нас лишь к будущему.

Изучая основы Культуры, мы видим, что немое, ограниченное «нет» было лишь губительным, тогда как светлое, готовое к подвигу и созидательному труду «да» создало целые великие эпохи.

В новых открытиях современности много дано человечеству. Люди полетели, растворяя условные границы. Но с какою же вестью? Люди послали свой голос через безбрежные пространства, но каков этот зов? Мы имеем право совершенствовать

Прекрасные открытия лишь во имя Культуры. Мы имеем право облегченно создавать лишь во имя великой будущей Культуры. И нет такого черствого человеческого сердца, которое бы не смягчилось перед понятием Культуры.

Рад принять Ваше избрание, ибо каждый должен принести свою каплю в чашу достижений светлого будущего.

Собирайтесь в культурно-трудовые организации в разных странах и разных частях света в крепком деловом общении. Протягивайте через все океаны и через все горы мужественную руку, знающую радость труда и сотрудничества. Еще раз укрепимся в сознании, что ограниченное «я» уступает перед мощным «мы», и эти «мы» во имя просветительного подвига, во имя оздоровления, укрепления и украшения жизни не остановятся перед просветленным трудом. Если праздник труда не в бездействии, то во время этого будущего праздника позволено будет подняться на гору и оттуда увидеть бесчисленные нити, действительно соединяющие человечество во имя прекрасного Строительства.

Поистине, радостно сознание, что объединение именем Культуры из абстракции облеклось в дело и зовом своим напоминает и воодушевляет созидательный труд.

Сколько духовных единений! Сколько рассыпанных по всем материкам научных и художественных начинаний! Сколько рабочих мастерских и инженерных предприятий! Сколько соколиных спортивных ячеек будут объединены и укреплены.

Сколько кооперативных и финансовых дерзаний будут осмыслены тем же благородным созидательным зовом «Культура».

Сколько новых открытий, сколько побед над хаосом стихий, сколько неустанного творчества вспыхивает там, где растет бодрое достоинство Культуры.

Да живет живущее! Общество Друзей Культуры уже живет и укрепляется неожиданными далекими друзьями. И будет жить, и будет широко творить благо это общество, ибо сроки пришли.

Привет!

1930

ПРИВЕТ ФРАНЦИИ

Приезжая в Париж, по моему старому обычаю прежде всего посещаю Собор Богоматери. Под сенью благородных сводов, в сиянии розет я еще раз чувствую геройский дух французского народа, этот «дух Франции», во имя которого объединилось наше Французское Общество и в Нью-Йорке и в Париже. Во

время открытия Общества Генеральный Консул Монжендр и профессор «Колеж де Франс» Меллье произнесли прекрасные речи, в которых была выражена накопленная веками Культура.

Когда профессор Меллье говорил о жизни на других планетах, он вознесся выше всех предрассудков в области творческого сознания. Вспоминаю, как один из присутствовавших, сидевший очень далеко в переполненной аудитории и не могший слышать тихого голоса профессора Меллье, сказал мне: «Должно быть, он говорил о чем-то очень прекрасном». — «Почему?» — спросил я. «Так был вдохновен лик его», — ответил мой друг. Действительно, тонкие черты французского ученого были еще более облагорожены долгими годами научного труда, тем несказуемым светом, который дается только каждодневным общением с сокровищами Красоты и Знания.

То же думал я, когда Генри Берн показывал мне в Лувре выставку Делакруа, этот триумф благородного синтеза.

Столетие романтизма! Кто сказал? Почему это не тысячелетие? Вспомним о романском стиле, о наследии друидов, о всех тех героических наслоениях многочисленных веков. Вспомним о священной Матери Друидов, облаченной в сияющие одежды «Матер Максима».

Столетие романтизма! Но ведь романтизм не родился вместе с Эженом Делакруа, который сам явился следствием вековых накоплений. Нет, отправная точка романтизма будет в героизме романского стиля. Из каких же глубин принесен этот героизм? Романтизм не что иное, как синоним героизма. И в этом он выражает одну из лучших, одну из наиболее возвышенных страниц человечества, вдохновенного, преодолевающего эгоизм и трансмутирующего его в благородную индивидуальность.

Многообразен и мощен гений Делакруа. Восхищаемся его синтезом. Этот священный синтез освобождает художника от рамок личности и ведет его к космическим озарениям. Эти священные обобщения вели художника как к величественному закату, так и к изображению людей в их страданиях, в их стремлениях, в их достижениях. Вероятно, художник сам никогда не стремился показать себя в таком разнообразии. Он просто выражал на холсте экстазы своих настроений. Но его творческий гений опирался на вековые традиции. Художник не страшился походить на других и связывать себя однообразием мысли. Он руководился окружающей действительностью; в этой торжествующей действительности он находил правду, которая соединяет его теперь и с нашим поколением. Среди многообразных выявлений Делакруа не удивляйтесь встретиться с понятиями самыми различными и даже противоположными.

Как полезны подобные выставки! Можно искренне поздравить Лувр в лице Генри Верна, благодаря которому музей

перестает быть мертвым хранителем сокровищ, но делается живым и даже не боится менять традиционную развеску картин. Сколько новых сопоставлений можно вывести благодаря собранию сокровищ, обычно рассеянных в отдаленных музеях! В каком новом свете, благодаря такому собранию, встает перед нами художественная личность Делакура! Наряду с гигантскими холстами в витринах вы можете изучать до сих пор не показанные альбомы, записные книжки, заполненные в разных настроениях, разными почерками. Новые оправы добавлены к основной драгоценности этого искусства романтизма. Истинно, это не столетие, но тысячелетие романтизма, которое празднуется в этом выявлении. И этот романтизм есть только выражение «духа Франции», который вы не поймете ни из разоренных томов библиотеки, ни из случайных изображений. Но полное сокровище романтизма является в собрании всех аспектов его, и тогда вы убеждаетесь окончательно, что романтизм есть героизм.

Этот путь лучший, чтобы познать «дух Франции», к нему не приведут нас ни доводы логики, ни вычисления, ни сухой анализ. Но если мы находим ключ героического романтизма, то этот чудесный ключ позволит нам войти во все святилища.

Героизм, это основное качество человека, должно ли оно быть рассматриваемо как ведущее к постоянным потрясениям или, наоборот, как мощная основа в созидательном стремлении французского народа?

Среди бесконечных усложнений, уклонений, противоречий, двусмысленных формул мы должны делать твердый выбор между положительным и всем отрицательно-разрушительным. В жизни нашей проявилось так много факторов, столько старых понятий стерлось, что психология, подобно художнику, ищущему силуэт, должна следовать твердой классификации и устанавливать основные черты построения. Мы идем как бы в зарослях, где лианы и прочие паразитарные растения совершенно охватили мощные стволы. Орхидеи, эфемериды совершенно закрыли поверхность корней. Пройдя этот лес, мы все же выйдем на проезжую дорогу. Там, как в старинных сказках, мы найдем лаконическую надпись, указывающую путь ко спасению. Это путь Культуры; не путь цивилизации материальной, но путь истинной Культуры, которая время от времени открывается человечеству. Неизбежны задержки. Но новые открытия приходят, новый вихрь сгоняет старую пыль, и мы устремляемся по этому пути, отмеченному вехами подвига.

Не нужно усложнять обиход жизни; не обезображивать, не подражать равнодушно, но следует собирать все жизненные элементы Культуры и прилагать их на дальнейшем этапе.

Так мы возвращаемся опять к понятию «духа Франции». Так из-под сомнений, из-под холодных расчетов выступают очертания ведущего героизма. В продолжении лет, когда все усилия народа были направлены к победе, Франция дала истинный пример героизма, самоотречения и несравненной стойкости. Можно было еще раз судить о твердом закале духа ее, ясном и несокрушимом, как сталь. Мы свидетели этих незабываемых лет, мы можем утверждать, что это не был преходящий пароксизм. Новая страница, притом великолепная, была вписана в историю страны. Когда мы ощущаем вибрацию духа Франции, нам кажется, что мы видим могучие крылья, которые несут его к новым высотам. В известные часы жизни критика становится ненужной и вредной. Единственно плодоносным остается положительное действие.

Вспоминаются слова наших сибиряков, говоривших: «Кто его знает, что делается у вас в столице, а нам строиться нужно. Мы не хотим больше жить в хижинах, нам подавай дома о двух этажах». Не дух эгоизма, но дух практичного созидательства выявлялся в кооперативах и во всем многообразии сотрудничества. То же поражает нас и во Франции. Даже поверхностный глаз замечает, что во Франции всюду строятся. Давняя французская пословица говорит: «Когда постройка идет, все идет». Эта народная мудрость прекрасно отмечает основу строительной эпохи.

Благородный проект М.Бриана о штатах Европы относится к тому же созидательному духу французского народа. Еще недавно такая мысль была бы названа отвлеченностью. Но теперь она рассматривается как новая возможность международного соглашения вполне реально.

Итак, я вызываю перед собою высокий интеллигентный лик в американской аудитории, творчество Делакура и строительный дух французского народа. Эта троица в моих глазах выражает Культуру, которой мы восхищаемся и на древнейших путях. Очищая эти старые формулы, мы с новыми силами возвращаемся под знак победоносной Культуры. И не случайно сейчас в самых разных странах различные люди объединяются около великого понятия Культуры. Они стремятся отринуть все условные разделения, они хотят восстановить победу духа. Тождественны все представления о Culture, так же точно, как понятия честности; так же отлично понимаемо каждым человеческим сердцем и понятие Культуры. Мы говорим не о каком-то новом идеализме, не о туманных отвлеченностях, но об ежедневном питании духа.

Ошибочно было бы подставлять под значение Культуры цивилизацию или даже прогресс. Цивилизация и прогресс являются только отдельными обстоятельствами Культуры. И даже

подвиг как гигиеническое действие является моментом Культуры. Постоянная эволюция собирает все инициативы и отбрасывает всеразлагающее отрицание.

Новые пути открываются в пространство, пути Беспредельности. Но не страшимся мы этой великой Беспредельности, где ду-

ши наши, наполненные опытом, воссияют улыбкою героизма. Истинно, радостно видеть героизм в основе духа Франции, ибо где жив героизм, там сердце человеческое звучит на призыв Беспредельности.

Также должны мы выразить признательность всем тем, которые дают нам возможность вызвать перед нами еще раз священное начало героизма.

1930

КУЛЬТУРА – ПОЧИТАНИЕ СВЕТА

«Культура есть почитание Света. Культура есть любовь к человеку. Культура есть благоухание, сочетание жизни и Красоты. Культура есть синтез возвышенных и утонченных достижений. Культура есть оружие Света. Культура есть спасение. Культура есть двигатель. Культура есть сердце.

Если соберем все определения Культуры, мы найдем синтез действенного Блага, очаг просвещения и созидательной Красоты».

Осуждение, умаление, загрязнение, уныние, разложение, все порождения невежества не приличны Culture. Ее великое древо питается неограниченным познаванием, просвещенным трудом, неустанным творчеством и подвигом благородным.

Камни великих цивилизаций укрепляют твердыню Культуры. Но на башне Культуры сияет алмаз-адаманти любящего, познающего бесстрашного Сердца.

Любовь открывает эти Врата прекрасные. Как всякий настоящий ключ и любовь эта должна быть подлинная, самоотверженная, отважная, горячая. Там, где истоки Культуры, там источники горячи, и быют они из самых недр. Где зародилась Культура, там ее уже нельзя умертвить. Можно убить цивилизацию. Но Культура как истинная духовная ценность бессмертна.

Потому и радостна пашня Культуры. Радостна даже в самых крайних трудах. Радостна даже в напряженных битвах с самым

темным невежеством. Зажженное сердце не ограничено в великой Беспредельности.

Праздник труда и созидания. Звать на праздник этот значит лишь напомнить о нескончаемом труде и о радости ответственности как о достоинстве человеческом.

Труд работника Культуры подобен работе врача. Не одну болезнь знает истинный врач. Врач не только спасает от уже случившегося, но он мудро предусматривает на будущее. Не только изгоняет болезнь, но он работает над оздоровлением всей жизни. Сходит врач во все подвалы темнейшие, чтобы помочь осветить и согреть их.

Не забывает врач о всех улучшениях, украшениях жизни, чтобы порадовать дух поникающий. Знает врач не только старые эпидемии, но готов распознать и симптомы новых несчастий, вызванных гниением устоев.

Имеет здоровое слово врач и к ребенку, и к старцу, для каждого готов его совет одобряющий. Не прекратит врач познания свои, иначе он не ответит действительности. Не потеряет врач терпение и терпимость, ибо ограниченность чувств оттолкнет от него болящих.

Не усташит врач видом язв человеческих, ибо он мыслит лишь об исцелении. Собирает врач всяческие травы и камни целебные, знает он об изыскании их благого применения. Не утомится врач поспешить на помощь к больному во все часы дня и ночи.

Работнику Культуры присущи те же качества. Так же точно готов он на помощь во благо в любой час дня и ночи. Подобно сокольскому зову, работник Культуры доброжелательно отвечает: «Всегда готов». Он открыт сердцем ко всему, где опыт и знание его могут быть полезны. Помогая, и сам он вечно учится, ибо «в даянии мы получаем». Он не усташается, ибо знает, что страх открывает врата тьмы.

Работник Культуры всегда молод, ибо не дряхлеет сердце его. Он подвижен, ибо в движении сила. Он зорок на постоянном дозоре во Благо, в Познание, в Красоту. Знает он, что есть сотрудничество.

Нитями сердечными объединены работники Культуры. Горы и океаны не препятствия для этих сердец возжженных. И не мечтатели они, но строители и пахари улыбающиеся.

Посылая привет о Культуре, нельзя послать его без улыбки, без зова дружбы. Так и сойдемся, так и соберемся и потрудимся во Благо, во Знание, в Красоту. И сделаем это неотложно, не упустив ни дня, ни часа для строительства доброго.

ВЕХИ КУЛЬТУРЫ

Германскому Обществу имени Рериха в Берлине

Дорогие друзья!

Для меня было огромною радостью получить здесь среди белых вершин Гималаев ваш привет, избрание и приглашение. В строках вашего обращения я прочел ту сердечность, которая поистине может согревать культурные начинания. Большая радость видеть, что сердца ваши горят при мысли о Культуре, и действительно, мы должны собрать всю нашу твердость духа, чтобы защитить нахождения Культуры, так сейчас пренебрегаемые среди водоворота механической жизни. Мы должны найти лучшие формы взаимных дружеских сношений и обмена творческими достижениями. И когда мы будем знать друг друга, в полном доверии установится и настоящая кооперация, которая осветлит жизнь, нарушенную всякими материальными кризисами. Но если мы знаем духовные ценности и создаем возможные духовные полезные завоевания, то это уже большая ступень к взаимному пониманию. Охранить достоинство творческой личности, помочь росткам, рожденным в трудах, это есть одна из наших ближайших светлых миссий. Для меня всегда будет радостью получить от вас вести и послать вам и статью мою, и доброе слово, которое, я уверен, будет сердечно обсуждено.

Всегда Вагнер оставался моим любимым композитором, и Шиллер и Гете занимали почетное место на моем столе, начиная со школьного времени. И я помню, что мои первые сюжеты со школьных лет были «Ундина» и «Лесной Царь». И Дюрер, и Холбейн оставались всегда для меня как свидетельство мощных достижений духа. Те же великие традиции искусства мы должны всячески охранять и укоренять в современную жизнь. Иначе, откуда же придет благородство духа? Как же будет расти достоинство человечества? Откуда же снизойдет осознание широкого сотрудничества и взаимное доверие? Все из того же неисчерпаемого источника, светоносного благословенного творчества. Жизнь преобразуется подвигами Культуры. Трудны они во времена узкого материализма, но тем не менее мы знаем, что лишь эти подвиги составляют двигательную силу человечества. Свет един, и поистине международны врата к нему, и доступны они для всех искренних искателей света. Темнота допущена лишь на время сна. Но поистине не для сна человечество пытается совершенствовать себя уже миллионы лет.

Не трюизм мыслить и взывать о Культуре. Неограниченно в количестве мы должны вкладывать в чашу Культуры все лучшие накопления наших сердец. Сказано, что мы сейчас приближаемся к эпохе огня. Какая это чудесная стихия, если мы можем осознать ее и применить благостно. Зажигая светочи духа, разве это не прекрасно сознавать, что и в других странах те же самые светочи сверкают. Это осознание сотрудничества укрепит и воздымет наши устремления. Увидим ли мы этих друзей физическим глазом или почувствуем их в духе сердца нашего, не знаем мы, что более ценно. Главное знать, что Чаша Грааля, чаша Культуры неустанно наполняется, и в сердечном сотрудничестве наши друзья слагают в нее их лучшие духовные ценности.

И во имя этих ценностей духа шлю вам с белых вершин мой искренний привет и прошу почувствовать, как рад буду встретиться лично, когда придет к этому время.

1930

ДУХОВНЫЕ СОКРОВИЩА

В собирании красот духа, если мы начнем вспоминать события последних лет, нас поразит одно укореняющееся обстоятельство, вызывающее особые соображения. За последние десятилетия мы проводили в далекий путь многих замечательных людей. При этом ценно было почувствовать, какие искренние сожаления об утрате их вызывались в сердцах самых разных людей, на разных материках. Словно бы уходило что-то родное, нужное, слагавшее восходящие основы жизненного строительства. У самых, казалось бы, непричастных людей сверкала слеза — эта чистая жемчужина неэгоистической вибрации. Помним, как провожали уход Льва Толстого или Пастера, или Вагнера, или Менделеева и многих таких же творцов, ценных для улучшения и очищения человеческого сознания. Вспоминаем и другое ощущение, тоже не менее ценное, а именно: приветствие производившимся опытом и культурным достижениям. Не бездушная хроника отмечала и приветствовала новые завоевания человечества. Они возбуждали горячие оценки и неминуемые осуждения, сопровождавшие эти события вспышкой искр, в свою очередь творящих и возбуждающих внимание.

Так ли оно стоит сейчас? Хроника отмечает открытие, отводя несомненно большее место бирже и спорту. Появление

крупных людей встречается недоверчивым сомнением, а уход их сопровождается официальным вставанием и искусственным молчанием, и никогда не знаешь качества мыслей во время этой минуты предписанного молчания.

Что же значит это? Может быть, это знак необыкновенного духовного богатства? Может быть, гиганты мысли, гиганты творчества стали так обычны, что уход их более не может занимать общественного внимания?

Так ли это? Не обозначает ли сказанное как раз обратное? Не значит ли оно пренебрежение к духовным ценностям? Не значит ли оно увлечение материальными, телесными, преходящими понятиями, при которых, как пыльным облаком, застилается свет и отодвигаются во мглу ценности Культуры? Нам не нужно взаимно убеждать друг друга об истинных причинах происходящего очевидного явления. Мы собрались во имя Культуры, и каждый из нас, конечно, остро чувствует необходимость истинного сплочения вокруг этого руководящего эволюцией понятия. Но если мы в той или иной мере чувствуем вышесказанное, то не есть ли наш долг выявить это и посылить каждому в своей сфере обратить внимание окружающего на небрежение духовными ценностями?

Сказано и повторено на всех скрижалях заветов, что сад духовный нуждается в том же ежедневном орошении, как и сад цветочный. Если мы все еще считаем физические цветы истинным украшением жизни нашей, то кольми паче мы обязаны вспомнить и уделять главенствующее место в окружающей жизни творческим ценностям духа. Будем же неусыпно на вечной страже благостно отмечать появление работников Культуры и стремиться всячески облегчать этот трудный путь подвига.

Так же точно будем отмечать и находить место в жизни уходящим героям, помня, что имя их уже не является личным со всеми свойствами ограниченного эго, но оно является достоянием всемирной Культуры и должно быть бережено и прочно возвращено в наиболее благодатных условиях.

Этим мы будем лишь продолжать их самоотверженный труд и будем растить их творческие посевы, которые так часто, как мы видим, засоряются пылью непонимания и зарастают бурьяном невежества.

Духовных находений творческих откровений очень мало. Мы не можем объяснить развитием стандарта жизни небрежение к руководящим светильникам. Пусть на наших улицах уже горят электрические фонари, еще недавно бывшие редкостью. Но на нас надвинулось сокровище новых, еще не испытанных энергий, и проявление их во всех областях связано с такими же самоотверженными жертвами и трудами, которые должны занимать общественное внимание, ибо в этом внимании мы как бы

сотрудничаем с Творцом и в наших благих мысленных посылках мы усилием возможности нахождения.

Итак, среди занятий наших Культурных ассоциаций будем же отводить должное внимание к творениям и находениям во всех отраслях искусства и знания. Будем приносить наши искренние мысли в преуспеяние трудов как вновь приходящих, так и уходящих носителей Света. Пусть это будет не сомнительное пожимание плечами. Пусть это будут не холодные некрологи, но мы, как бы почетная стража, будем охранять ростки Света. Освобожденные от предрассудков и суеверий, служа победой Красоте и всеподымающему Знанию, мы приложим во всех размерах и отраслях ревностную мысль утверждения блага, тем способствуя дальнейшим ветвям изучения и улучшения жизни.

Как драгоценно, что наши ассоциации находятся в различных странах. Тем легче всемирно следить за проявлениями творчества и опытов, тем легче взаимно обменяться и обогатить друг друга полезными и ободряющими сведениями, которые иначе, быть может, потонули бы в безбрежных потоках хроник мелкого шрифта. Никто не знает, к чему непременно нужно творцам истинного прогресса приходить изгнанными и уходить с земного плана осужденными!

Как уже повторено: заповедано не обуглиться, но сиять. Обугливающее злопыхание может быть легко контролируемо сознательными усилиями объединенных Культурных ассоциаций, искренно направленных к созидательному творящему познанию.

Конечно, наша основная программа действия — обмениваться художественными выявлениями всех отраслей и научными проявлениями, взаимно знакомясь с духовными ценностями всех народов. И потому среди программы художественных и научных выявлений и обмена, которыми мы взаимно обогащаемся, не забудем и благородную работу собирания и установления Культурных ценностей, которые так часто могли бы быть пренебрежены в отливах и приливах океана жизни.

Итак, друзья, введем в ближайшую программу нашу этот обмен о созидательных, познавательных подвигах. И будем помнить, что пренебрежение к Культурным ценностям есть позорное преступление невежества. Поэтому неустанно и бесстрашно будем взаимно укреплять и освещать путь, приближающий нас к Свету.

1931

ОБЩЕСТВУ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В какой стране предпочтете жить? — Конечно, в стране Культуры.

Ваши лучшие помыслы чему вы принесете? — Культуре.

Чему вы посвятите ваши просвещенные труды? — Конечно, Культуре.

Чем вы обновите ваше сознание? — Победным светом Культуры.

Не потрясатели ли вы? — В постоянных трудах мы не имеем времени для потрясений. Мы строим. В положительном утверждении и познании мы стремимся улучшить и украсить жизнь земную.

Так скажут светоносцы Культуры на все вопросы со стороны и просто незнающих или в основе невежественных, или завидующих о Свете. Познающий священные устои Культуры оценивает и великий единый Свет. Убеждается в Иерархии Блага, вне которой нет созидательного пути.

Служащий Культуре перестает быть мечтателем, но делается воплощением высочайшей и светлейшей мечты в жизни. Ибо что же может быть светлее и величественнее, как не служение и осознание светлых элементов, под сенью которых создались великие народы. Всячески нужно укрепить сознание, что мысли о Культуре не отвлеченность, но созидательное утверждение. Понявший положительные красоты Культуры не останется во сне, не останется бездеятельным вне созидания. Нет, этот познавший без промедления внесет свою лепту стройного сознательного труда. Работник Культуры поймет истинное сотрудничество, ту живую доброжелательную кооперацию, которою даже малые дела растут. Расширивший свое сознание понятием Культуры поймет и сотрудников своих, ибо не подавлять, но мудро применять будет он сокровища человеческого опыта. И неустрашим будет познавший Культуру, ибо, взглянувши глазом верхним и добрым, он увидит, что страх есть принадлежность тьмы. Вне суеверий и предрассудков служитель Культуры понимает, что единственная радость мыслящего человека в непрестанном труде, в творении, ибо все сущее может быть творимо прекрасно. Познающий ценность Культуры начинает ценить качество мысли и научается мудро применять эту величайшую творческую мощь. Из обихода светоносца Культуры уходит осуждение, клеветнические пересуды и говорение о том, чего не знаешь. Какой это страшный бич невежественности —

говорить о том, чего не знаешь. И как многие, казалось бы, цивилизованные люди, грешат этим. Носитель Культуры ясно почувствует всю разницу между основами духовной культурности и наносной материалистической цивилизацией.

Оценивая светлые накопления народов, служитель Культуры разберется в случайном преходящем и истинно живущем. Понимая великую ответственность Бытия человеческого, светоносец Культуры вносит как в мысли свои, так и в деятельность высокое качество работы. Он разумно испытует чудесные силы природы, памятуя, что решительно все существующее может быть целебно приложено во Благо. Во имя этого Блага и Света вы найдете в себе тот драгоценный язык сердца, словарь которого гораздо полнее и прекраснее словарей нашего языка. Какую убедительность вносит с собою язык сердца, и как перед его победными заветами распадаются самые мрачные врата лжи и невежественности. Действительно убеждаемся, что ложь глупа и недействительна, ибо в духе никакая ложь не скроется. Мудрость в явном, от которого ни в каком духовном и телесном состоянии мы не откажемся. И не солгать в державе Культуры. Нельзя стоять на одной точке; можно лишь идти вперед или отступать. Но знамена истинной Культуры не знают отступления. Не знают светоносцы разочарования, ибо магнит Света велик.

Великие народы, во имя чье вы собирались, под знаком которых будете изучать их творческие наследия, в истории своих великих передвижений дают нам поучительные примеры. Встретимся и с героизмом, и с самоотречением, и с мученичеством за Свет, и с благородными подвигами созидания. Эти открытия не отяготят изучающих, наоборот, они вдохновят их к такому же неустанному труду. Великие переселения народов не случайность. Не может быть случайностей в мировых постоянных явлениях. Этою особенностью закаляются наиболее живые силы народов. В соприкосновении с новыми соседями расширяется сознание и куются формы новых рас. Потому живая передвигаемость есть один из признаков мудрости.

В глубинах Азии — этой колыбели всех духовных и созидательных движений — в давние времена передвижение рассматривалось как завершение образования. Еще и теперь мы встречаем остатки преданий о том же просвещенном начале. В тех же далеких краях подарок книгою или священными предметами считается высшим признаком благородного духа. Великие переселенцы уносили с собою такие же замечательные заветы и по пути своем создавали великие стили искусства и жизни. Вспомним хотя бы об аланских наследиях и о прекрасном романском стиле. Вспомним характер монастырей, как в славянских землях, так и азиатских окраин. Без

удивления вспомним, что рукоятки мечей Гималайских нагорий и фибулы находятся как на Кавказе, так и в южнорусских степях, и рассеяны по Европе. На фибулах, на нагрудных пряжках этих встречаем многие изображения, ставшие символами целых народностей. Пусть и на нашей нагрудной фибуле будет написано слово «Культура». Теми же общепонятными зовущими знаками. И каждый светоносец Культуры пусть помнит о всех светлых наследиях и о высокой ответственности за качество его творческой работы. Не будем думать о роскоши. Культура и Красота — в Знании. Не нужны чрезмерные богатства для того, чтобы обмениваться и взаимно укрепляться языком сердца.

Верю в несокрушимость общих созиданий наших. Во имя Света и Сердца, во имя Красоты и Знания, во имя живых устоев эволюции приветствую вас от белоснежных высот Гималаев.

1931

ПРАВИЛЬНЫЙ ПУТЬ

Обращение к Южно-Африканскому Обществу имени Рериха

Давно ли колонии Южной Африки были очень далеки от искусства? Устроение жизни занимало все время, и творчество, постоянный спутник прогресса и расцвета, еще не могло заявить властно о себе. Давно ли мы вообще мало знали и о местном африканском искусстве, которое сейчас заняло значительное место не только в этнографических отделах музеев, но и в оценках знатоков искусства?

Ближайшие десятилетия необычайно ускорили все земные пути. Шатры богини Культуры значительно передвинулись, и возникли новые очаги, где творчество уже становится желанным гостем. Кто же проживет без этого светоносного гостя? Какое же созидание возможно без башен Красоты, Знания — без всех сокровищ того блага, которое мы называем Культурой? Мы уже давно поняли, что одна цивилизация, один белый воротник, гольф и телефон еще не есть устои Культуры. Без творчества, без путей эволюции нам нечего и летать, ибо мы будем ставить себе лишь задачи скорости, но не качество приносимых вестей. Признаки прогресса обязывают думать о Культуре, ибо без этого мы опять будем попадать в хаос неразрешимых механических

проблем. Тем драгоценнее отметить просвещенную инициативу г-на Лагранжа, вдохновленного идеей искусства южно-африканских населений. Все созидательные элементы стремятся к взаимному пониманию. Язык творчества и есть тот общечеловеческий язык, понимаемый сердцем. А что же может быть более светоносно, более взаимопонятно, нежели язык сердца, перед которым все звуковые наречия являются скудными и примитивными? Только творчество во всем его многообразии вносит мирную объединяющую струю во все жизнестроение. И тот, кто, несмотря на окружающие затруднения, стремится по этому пути света, тот выполняет насущную задачу эволюции.

Не можем стоять неподвижно. Или движемся вперед или постыдно отступаем. А идти вперед — значит творить во всех материалах и возможностях, и делом, и мыслью, и вносить творящий свет во все закоулки жизни. У каждого работника Культуры может быть лишь один враг, а именно — темный гомункулус невежества. Но заслуженно, даже в древности, невежество считалось худшим из преступлений. Поэтому вполне естественно желание каждого мыслящего человека жить в стране Культуры. Но для этого каждый мыслящий человек должен неустанно вносить культурные основы как в общественную, так и в личную жизнь. Богатство само по себе еще не дает Культуры. Но расширение и утончение мышления и чувство Красоты дают ту утонченность, то благородство духа, которым и отличается культурный человек. Именно он может строить светлое будущее своей страны. Он понимает священную ответственность и сознает прекрасную необ ходимость неустанного строительства. И те, кто принесут факелы Красоты, те осмыслят жизнь своих близких. Ведь Культура, по-своему, есть служение Свету. А Свет — един.

Принимаю избрание Южно-Африканского Общества почетным Президентом и шлю мои искренние приветы и уверенность в успешной работе.

1931

ЗДОРОВЬЕ

Некий житейский дядюшка завещал племяннику своему:

«Люби самого себя больше, чем ближнего своего. Не делай сегодня того, что можешь сделать завтра. Никогда не делай сам того, что можешь заставить делать других. Не плати долгов, покуда не наступят на горло. Помни: создан человек, чтобы

лежать на мягком, сосать сладкое и слушать приятное. Главное же, помни, что без желудка ты существовать не можешь».

Умудренный своеобразным житейским опытом дядюшка не мог думать выше желудка, и желудок подсказал ему те человеконенавистнические формулы, сказанные им в шуточной форме. Но таких дядюшек много, и почитателей чрева Молоха бесконечное количество. А из этого пожирающего чрева возникает и ненавистничество. Все эти почитатели чрева очень много заботятся о здоровье. Обратите внимание, самый близкий им разговор будет о применении каких-то неведомых им самим лекарств. И патентованные лекарства эти, обычно содержа в себе какие-то разновидности наркотиков, ядов, являются тоже своеобразным приношением чреву Молоха.

Но нигде не сказано, что человечество должно презирать здоровье. Наоборот, во всех учениях, в той или иной форме, здравоохранение утверждается очень внушительно. Сказавший — в здоровом теле здоровая мысль — был прав. Но вопрос в том, что есть здоровое тело и что есть здоровая мысль?

Опять же во многих учениях говорится о возможности формации новых болезней, очень губительных для целых множеств. Инфлюэнца, рак, менингит, сонная болезнь, астма, всякие формы гортанных, сердечных, легочных и нервных заболеваний, нервные спазмы, часто принимаемые за аппендицит, действительно, принимают размеры иногда более опасные, чем старые эпидемии, против которых уже найдены и прививки, и профилактика.

Все эти новые болезни обращают наше внимание не к дядюшкиному желудку, а куда-то повыше — в сердце, в гортань, в мозг. Обращая внимание на эти вышние центры, нам представляется иначе и здоровое тело и здоровая мысль.

Спорт и движение на воздухе, которые в известной мере, конечно, полезны, не могут вполне заменить питание нервной системы человечества. Правда, человечество устало, но устало оно не от количества работы, ибо разумно распределенная работа утомить не может. Действительный отдых заключается не в бездельи, а в мудром распределении и в смене вида работы.

Оздоровление тела, особенно теперь, когда в обиходе введено такое большое количество вновь открываемых энергий и лучей, требует иного, более заботливого отношения, нежели грубое урегулирование желудка или примитивный и часто однобокий спорт.

Существо человеческое тянется к Культуре. Оно страдает от несносного извращения жизни. Если мы не можем уйти от этой искривленной жизни, то во всяком случае мы можем вносить в нее признаки внутреннего ее оздоровления. Повелительно вдруг вспомним мы древнюю истину, что звук и цвет (в сущности

одно и то же) имеют на нас огромное влияние. Помню, как в Лондоне д-р Юнг исследовал влияние цвета картин на различные заболевания, а также применение цветных лучей и, конечно, получал очень поучительные наблюдения. Интересно вспомнить брошюру слепой ученицы Института Объединенных Искусств в Нью-Йорке Леонида Хирш, несмотря на полную слепоту, узнававшей тональность картин.

Кроме того, вспомним все изумительные опыты сэра Джагадис Боше и все разнообразные наблюдения воздействия цвета и звука на животных и на растения. Также вспомним, что уже учреждаются целые институты лечения цветом в Америке, Германии, Индии.

Даже простой огородник уже понимает ценность цветных лучей для своего огорода. Неужели же человеческий, чуткий более всего организм, не будет самым усиленным образом подвергаться тому, что чувствует даже капуста?

Но, говоря даже о деталях, останемся в размерах Культуры. Откуда же придет изысканный звук и утонченный цвет, как не из общекультурного понимания? Потому, если нам скажут, что мы заботимся, говоря о Culture, только о небесном, ответим: «Нет, мы заботимся и о теле, чтобы оно было действительно здоровым, отвечая требованиям истинной Культуры. Население планеты, со всеми монстрами, чудовищами, великанами, карликами, давно закончилось. Человечество понимает, что не только расширение сознания, но именно утончение его, сейчас безотлагательно нужно». Без утончения сознания мы никогда не разрешим тех сложных проблем жизни, которые нахлынули на человечество и вызывают разные разрушительные эксцессы. Мысля созидательно, мы неминуемо придем к введению культурных основ в жизнь. Эти основы не будут оставаться в пределах лишь единично высоких явлений, но должны войти в массы, освещая собою именно ежедневность и одухотворяя смысл каждой работы.

Агни Йога дает настоятельные советы врачу обратить внимание на своеобразные новые заболевания, которые, если не будут предусмотрены, могут залить человечество неслыханными бедствиями.

Парижская радиостанция жалуется, что переполнение атмосферы является прямым препятствием для передачи. В Бельгии туман, полный ядовитых испарений, принес многие смертные случаи. Продолжите этот единичный факт в бесконечность и вы получите новое бедствие, которое может угрожать населению целых городов. Сердце не выдерживало ядовитых туманов, сердце человеческое ослабевает, и одним поддержанием желудка вы не дадите жизнь сердцу.

Не только нужны жизнеохранители и жизнедатели, но нужно и осознание могущественной психической энергии, так тесно связанной с качеством нашей мысли. Чтобы применить эту благодетельную, если правильно понятую, высокую энергию, нужно осознать и высокие пути овладения ею. Вот мы опять без всяких предвзятостей приходим к той же необходимости проведения принципов высокой Культуры во все проявления жизни.

Сэр Джи́пе через радио в Лондоне оповещает мир, что мы живем «в постоянном взрыве Вселенной». Доктор Мартин Джи́ль, директор Аргентинской метеорологической обсерватории, по поводу недавнего ядовитого тумана замечает, что такие явления имеют глубокие космические причины. Он напоминает о подобных же проявлениях в Европе, Северной Африке и Боливии, ставя их в связь со звездной пылью и указывая, что, кроме фактического отравления, они способствуют вспышкам различных эпидемий. Синьор Джи́ль объясняет, что прохождение массы звездной пыли через земную атмосферу безошибочно образует поле интенсивной электромагнитной деятельности, которая вызывает органические и дыхательные нарушения у лиц нервно-чувствительной системы.

Дмитрий Мережковский говорит: «Научные изобретения, чудеса механики могут быть чудесами дьявола... Ученый троглодит с чудесами дьявола — самый дикий из дикарей». «Я очень бы хотел ошибиться, но мне все больше кажется, что... всемирный корабль тонет».

Он же приводит слова из «Авесты»: «В последние дни Земля будет подобна овце, падающей от страха перед волком».

Всегда чуткий Рабиндранат Тагор в своей последней статье в Америке восклицает: «Знаю, что вопию в пустыне, когда возвышаю голос предостережения. В то время, когда Запад занят организацией машинно-сделанного мира, он продолжает питать своими несправедливостями подземные силы землетрясений».

В своей последней речи Альберт Эйнштейн призывает к усиленному изучению сокровенных сил природы. Туда же направлены пытливые взгляды Милликена и Михельсона. Так, на разных континентах, по различным причинам, лучшие умы обращаются к факторам взаимодействия космических сил с судьбами земных народов. В новом свете вырастает вопрос истинного здоровья далеко за пределами однобокого спорта и непонятого «отдыха».

Лучшие умы многообразно направляют человеческое мышление к расширению сознания, в котором только и заключена истинная профилактика и предвидение возможности светлого Строительства. Кончается время мертвой схоластики. Вымирают темные предрасудки. Светлые умы зовут к творческому

синтезу, в котором старый завет «in corpore sano mens sana» приобретает особое значение и можно действительно понять, что чистый творческий дух является обитателем чистого здорового организма. И в конечном синтезе, при неразделимости духа и материи, круг замыкается и в обратном положении: чистый творческий дух оздоровит и тело. Так, вопрос о здоровье из врачебного департамента вырастает в сферу истинного народного просвещения и вдохновения.

1931

ВИДЖАЯ, ТАГОР!*

Иногда кому-то может показаться, что вопросы Культуры, занимая человеческое мышление с древнейших времен, уже представляют из себя твердыни. Будто бы уже целые города и страны восприняли Культуру. Будто бы нашему времени можно самодовольно озираться назад на тех далеких-далеких, на тех бедных, не пользовавшихся телефоном и радио и даже не имевших кинематографа. Какое горделивое заблуждение! И как немногие понимают, что Культура как таковая по-прежнему гнездится только на некоторых вершинах и что пути к этим замкам восхождения человеческого духа по-прежнему необыкновенно трудны, и кто знает, может быть, даже еще труднее, нежели в некоторые бывшие эпохи.

Очень быстроходны наши корабли. Кто-то хотел построить корабль в 100 000 тонн. Очень поучительно было бы знать, какие мечтания у него были о качестве перевозимого груза. Не пушки ли и не опиум ли могли быть доходными статьями? Очень высоки дома наши. Кто-то строит дом в сто этажей — много превышает Вавилонской башни. Но часто во всем помещении нет места ни для письменного стола, ни для книжных шкафов. Очень обширны наши скотобойни. Благодаря необыкновенной технике можно сразу убить сотни тысяч животных. А в то же время в скромности и почти в неизвестности пребывают изыскания ученых о растительных витаминах. При всей нашей якобы образованности немногие внутри согласятся, что апельсины или лимон могут заменить кровавый бифштекс. Еще так недавно якобы ученые доктора посылали больных на бойню, чтобы они могли пить парную теплую кровь. Те же доктора советовали как наиболее целебное пожирать, уподобляясь жи-

• К семидесятилетию Рабиндраната Тагора.

вотным, сырое кровавое мясо. Но даже в тех странах, где по условиям природы аборигенам приходится довольствоваться сырым мясом, они издревле поступают разумно, употребляя его или в сухом или в вяленом виде, или в крайнем случае допуская копченое мясо.

Наша механическая техника прилагала все усилия, чтобы сделать возможно большее количество роботов. Правда, даже роботы часто впадали в механическое безумие и потрясали движение мира. Кто-то изобрел механического приказчика в магазинах, а следующий изобретатель вложил в уста машины механическое «благодарю». А в ответ на механизацию родились армии безработных — это ли есть достижение Культуры? Еще недавно мы ввозили в храм пушки для благословения. Между тем всякий разговор о мире и о религии становился в обществе чем-то неприличным и вообще стыдным. Если кто-нибудь рискнул бы вместо уродливого однобокого спорта, вместо клеветы и злословия заговорить о возвышающих принципах Культуры, благовоспитанные люди, пожав плечами, шепнули бы про него: «Как он туп». А если бы кто-нибудь, входя в гостиную, рискнул сделать священный знак своей религии, то его просто сочли бы не только невоспитанным, но и ханжой. Вопросы духа, вопросы религии, вопросы Культуры для успокоения невежественности отодвинуты в отвлеченность. Раз все возвышающее сделано отвлеченностью, значит, мы и не ответственны за это. В лучшем случае люди отговорятся рутинною каждодневною работою, которая будто бы мешает им обратиться к возвышающим основам духа. Так часто думают, забывая, что каждодневная работа является благодетельной Пранаямой. Она рождает энергию, она приближает нас к космическому ритму, она же способствует возжжению внутренних огней — этих благостных соединителей с пространственным великим Агни. Так часто мы изобретаем самооправдание. Мы очень изысканны в избежании ответственности, опять-таки забывая, что великая ответственность за состояние всей планеты там, где достигнуто человеческое достоинство. Но это ли достоинство, достоинство бытия, обязывает приложить все свои силы, чтобы найти соответственный ритм эволюции? Обязывает подумать о том, как бы не оказаться в космическом отбросе. Ведь это не отвлеченность, увы, это яркая действительность, как само бытие. И не сами ли мы свободно избираем или разложение или созидание, или отрицание или утверждение? Или творчество или мертвенность. Не указывает ли вся история человечества на высшую благодать творчества мысли — в чем бы оно ни выражалось, где бы оно ни протекало. Великие примеры истории являют нам необычайных творцов мысли или выразивших ее в каком-либо материале или широко возвещавших ее про-

странственным мегафоном. Если все едино, то не связано ли между собою и все сущее, как давно сказано в мудрых словах? Мы твердим священные гимны «Бхагавад-Гиты» о неразрушимости и всепобедности духа, но часто в песнопении мы утрачиваем сознание, что сказанная мудрость дана для немедленного приложения. Не требует ли повелительно Культура немедленного приложения к жизни всего того прекрасного, что нами же изгнано в отвлеченность? Состояние планеты таково, что или будет найден верный подход к эволюции, или предстоит духовное одичание. Великий Агни или пребудет самой благодетельной силой и нагнетет самые чудесные энергии, или не воспринятый духом нашим испепелит в разрушении всю мишурную иллюзорность, в самомнении принятую нами за твердыни. Или мы пойдем опять все величие и всю непреложную нужность Иерархии Блага, или в одичании мы изгоним всякое понятие Учителя, всякое благородное водительство Гуру.

Если замки Культуры по-прежнему гнездятся только еще на высотах, претерпевая все трудности тернистого и каменистого пути, то как же мы должны быть признательны всем тем, кто принял на себя тяготу водительства к Culture. И как бережно должны мы не повреждать стены этих твердынь, созданных неустанным каждодневным трудом; как должны мы благословлять тех, кто зажигает и утверждает наш энтузиазм.

Когда думается о несломимой энергии, о благословенном энтузиазме, о чистой Culture, передо мною всегда встает столь близкий мне облик Рабиндраната Тагора. Велик должен быть потенциал этого духа, чтобы неустанно проводить в жизнь основы истинной Culture. Ведь песни Тагора — это вдохновенные зовы к Culture, его моление о великой Culture, его благословение ищущим пути восхождения. Синтезируя эту огромную деятельность — все идущую на ту же гору, проникающую в самые тесные переулки жизни, разве может кто-нибудь удержаться от чувства вдохновляющей радости? Так благословенна, так прекрасна сущность песнопения, зова и трудов Тагора.

Вот и Шантиникетан растет, как древо Culture. Мы не можем судить, как растет мощное древо. Почему у него ветви расположены в том, а не в ином порядке? В условиях ветров мы нашли бы объяснения. Но важно для духа нашего сознание, что это древо растет. Или, переходя на язык замка, что его стены укрепляются. И мы знаем, что стены эти сложены во имя Culture, и существовали они все это время единственно Cultureю. Разве не священно радостное ощущение глядеть на вечные снега Гималаев, насыщенные чудодейственной пылью метеоров дальних миров, и сознавать, что теперь среди нас живет Рабин-

дранат Тагор, что, семидесятилетний, неустанно возносит он прекрасное и без усталости слагает вечные камни Культуры, создавая из них твердыни радости духа человеческого? Это так нужно! Это так безотлагательно нужно! Без усталости повторим о нужности твердынь Культуры. Без усталости воскликнем об этой истинной гордости нации и всего мира!

Твердыни Культуры, как магниты, собирают все культурное. И, как якоря, удерживают корабли духа, мятущиеся в океане стихий.

Живет Тагор во славу Культуры. Пусть стоит и Шантиникетан в назидание росту человеческого духа как строение самого нужного, самого благородного, самого прекрасного.

Виджая, Тагор! Виджая, Шантиникетан!

1931

НА ПОРОГЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Совету Музея Периха в Нью-Йорке

С радостью прочел я ваши последние доклады, из которых видно, что, несмотря на всеобщий финансовый кризис, наша деятельность не только не сокращена, но даже широко развивается. Во время неслыханного мирового кризиса мы должны сознательно подготовиться, как встретить его. Углубляясь в корни каждой нашей проблемы, я вспоминаю пионеров Америки с их крытыми повозками. Когда они начинали свою новую жизнь, они вместо помощи или займов могли ожидать лишь отравленную стрелу. Тем не менее своим постоянным трудом и расширением деятельности они создали ту блестящую цивилизацию, которую мы свидетельствуем. Работая по Культуре в наши трудные дни, мы являемся теми же зачинателями и те же отравленные стрелы ожидают нас из-за угла. Но в наших руках тот же самый творческий труд и то же самое непоколебимое осознание правоты и необходимости нашей работы. Ни один хотя бы слегка цивилизованный человек не скажет, изучая нашу деятельность, что она не нужна или вредна. Из этого — одно заключение, а именно — что лишь усиливая и расширяя нашу работу, мы пройдем все отравленные стрелы и все материальные кризисы.

Конечно, мы должны соблюдать жизненную экономию во всех тех подробностях, которые не уменьшат основы и нравственную сторону наших работ. Вопросы цен и всех прочих до-

машних соображений должны быть решаемы истинно экономно. Как вы понимаете, мы не можем сокращать и урезать основы нашей Культурной деятельности. Если мы станем карликами, тогда мы легко будем унесены потоком, который уже сломал мощные плотины. Мы не можем согласиться, что какие-либо отделы неотложной работы должны остаться без работников, — это будет значить, что мы замолчали и закрылись. Но мы должны создать такую деятельность всем работникам, что даже самое близорукое сердце должно поразиться этим творчеством и продуктивностью.

Каждый из наших отделов, следуя программе своей, должен создавать возможности для самосодержания. Конечно, предпринятые начинания для специальных фондов также необходимы. Среди этих начинаний особое место займут сотрудничества масс, вносящих посильные лепты. Не только в одном долларе, но и в четвертаке может быть выражено посильное сотрудничество. Работа творится для общей Культуры, для масс, и это дает нам право и обращаться к массам. Но мы не должны ни о чем просить, мы должны давать, чтобы это данное по своему внутреннему достоинству значительно превышало размер вносимой лепты.

Другое условие дает нам возможность широкой кооперации. Наши основные расчеты и бюджеты были абсолютно правильны по времени, когда они были сделаны. Не наша вина, что с этого времени общее финансовое положение совершенно изменилось. Как же мы можем противостоять этому потоку общего бедствия? Мы можем пересилить этот бедственный поток еще более мощным потоком труда, находчивости и творчества.

Если мы честно рассмотрим факты нашей десятилетней деятельности, ничего не упуская из вида и не умаляя в легкомыслии, мы увидим неповторимый размах деятельности, который отзвучал и пробудил симпатии более чем в двадцати странах.

Просматривая наши Ежегодники, в которых, по размеру их, далеко не все факты жизни отображены, мы увидим такую сумму деятельности, что даже враги наши не считают ее малою. Все странные легенды о каких-то сверхъестественных силах, изобретенные завистниками, показывают, как щедро они кредитуют нас. Одна из последних легенд утверждает, что мы даже чеканим нашу собственную монету. Да будут наши знаки Культуры этими истинными банкнотами. Пусть наш честный лист фактов деятельности растет безгранично, так, что мы могли бы сказать даже самому жестокому притеснителю: «Стыдитесь, неужели вы дерзнете притеснять полезную и быстрорастущую культурную работу, плодами которой ваши же собственные дети облагодетельствованы?».

Я недавно написал вам о мученичествах творчества, науки, Культуры; сейчас я не буду говорить о том же несомненном. Сейчас мне хочется подчеркнуть то, что может быть противопоставлено всем гасителям Культуры. Истинно, мы можем представить им полный лист нашей положительной деятельности. Будем помнить, что в 1930 году мы понесли такие крупные финансовые потери, но все же победоносно преодолели трудности, так неожиданно вставшие перед всей нацией. Кто же не пострадал в этом году? Но не забудем все многие сотни собраний наших обществ во имя Культуры. Вспомним множество концертов и лекций. Не забудем ценных выставок, в которых сотрудничали не только отдельные художники, но и правительства многих стран. Не забудем очевидный рост школы нашей. Вспомним книги нашего книгоиздательства, которые постепенно завоевывают широкое поле. Вспомним трудности при завершении здания нашего. Вспомним все новые иностранные наши общества и образование Европейского Центра в Париже. Вспомним, сколько полезного, ободряющего и строительного мы все же смогли предложить сочленам нашим. Не забудем, что четверть миллиона посетителей пришли к нам за это время. Не пройдем вниманием тысячи сочувствий, выраженных нашему Знамени Мира, которое уже развевается над некоторыми учреждениями. Вспомним новые издания, посвященные нашей Центрально-Азиатской экспедиции. Вспомним основание нашего Гималайского Института Научных Исследований, первый Ежегодник которого сообщает ряд ценных результатов. Вспомним лекции, прочтенные в Америке Ю.Н.Рерихом, директором Гималайского Института. Вспомним посещение Южной Америки директором нашего издательства Фрэнсис Грант с культурными целями. Вспомним экспедиции д-ра Кольца, организованные Гималайским Институтами, которые доставили большой научный материал, который высоко оценен американскими и иностранными музеями и университетами. Вспомним мою декларацию на собрании Французского Общества в Париже о новых сотрудничествах и возможностях. Поистине, каждый из названных фактов может быть развернут в целую книгу. Мы можем утверждать, что эта работа была полезна общей Культуре и не будет забыта в истории Америки. Наше основное преимущество в том, что мы не должны ни преувеличивать, ни приукрашивать что-либо. Мы можем лишь честно выявить факты, зная в существе нашем, что мы дали все наши возможности на общую пользу прогресса и Культуры. И мы не новички более, ибо отмечаем уже десятилетие неустанного труда в Америке. А если вы к тому же приложите сорок лет моей культурной работы и опыта, то, положив руку на сердце, мы можем сказать,

что приложили все усилия служить тому, что поистине необходимо Культуре человечества.

Множества неизвестных друзей на разных континентах признают нашу деятельность. Часто мы получаем знаки внимания нашей работе оттуда, откуда мы менее всего могли бы ожидать их. Без преувеличения мы можем сказать, что эти незримые друзья наши рассеяны и в пустынях, и за горами, и за морями.

Нас называют энтузиастами. Не забуду, как утверждающе сказала наша Фрэнсис Грант на многочленном собрании: «Да, мы энтузиасты, и ничто не сломит наш энтузиазм». Радостно было слышать эту непоколебимость, ибо только в несломимом порыве подвига можем мы отклонить все отравленные стрелы и продолжать постройку Державы, куда дух будущего человечества будет обращаться за обновлением и наполнением. Истинно, мы энтузиасты; этот энтузиазм основан не на слепом фанатизме, но на чистосердечии, на синтезе знания, укрепленном мудростью веков. Когда мы составляли суровый устав наших Учреждений, мы опять не преувеличивали, говоря, что мы все отдали на служение Культуре. Невежды по злобности своей могут подозревать, что мы что-то скрываем, но мы по справедливости можем гордиться красноречивою действительностью.

Так мы можем встретить новое десятилетие в полном сознании неустанного труда и полезных достижений, несмотря на все трудности. Мы вовсе не мечтатели и не идеалисты в обычном понимании, наоборот, обращаясь к достижениям, мы имеем право рассматривать себя как практических реалистов. Мы не любим туман и бесформенные облака и все, что соединено с туманностью. Мы любим Свет; мы любим осязательность не в смысле низшей материальности, но в значении духа. Мы нуждаемся в средствах для просветительных задач, и мы знаем, куда должны быть направлены они для скорейших осязаемых достижений. Помню, помню, что произношу эти слова именно в момент величайшего материального кризиса, но я также знаю, что все кризисы исцеляются лишь духовными ценностями.

Культура есть культ Света, как я уже недавно писал вам. Во имя этого Света мы имеем право призывать наших знакомых и неизвестных друзей к творческому труду, к славному сотрудничеству, в котором, как в мегафоне, умножаются силы человеческие.

Мы твердо знаем, что во Вселенной ничто не конечно, ибо всюду встречаемся с Великой Беспредельностью. Мы знаем Великую Иерархию Блага и мы уверены в победе Света! Законы Света несокрушимы.

1931

ЗДОРОВЬЕ ДУХА

Вашингтонскому Обществу имени Периха

Многоцветущая милая, всеми любимая ты, всецарица,
Слушай, блаженная Гигия, мать для всех, приносящая счастье,
Благодаря лишь тебе прекращаются заболевания смертных,
Благодаря лишь тебе каждый дом процветает в веселии многом
И расцветают науки; царица, Космосом всем обладаешь,
Только тебя лишь одну ненавидит Аид — вечный душегубитель;
Благожеланнейшая, вечно юная, — отдохновение смертным.
Удалено от тебя все, что суетно и бесполезно для смертных,
Ибо единственно ты надо всем управляешь и всем обладаешь.
Но, о, богиня, сойди к посвященным, ты их покровитель бессмертный,
Ты удержи возникающие злодеяния тяжких болезней...

Так гласит при возжигании манны Орфический гимн богини здоровья Гигии. Поистине, божественно понимали древние здоровье. Светлая богиня Гигия является не начальником медицинского управления, но она дает здоровье во всем его понимании, то есть здоровье и тела и духа. Как драгоценно, что мы в обоюдном понимании можем говорить о здоровье духа, без которого здоровье тела будет лишь уродством.

Опять дух наш устремляется и к свету Аполлона, и к солнцеподобному Митре, и к огню-жизнедателю Зороастру. Не станем ли мы язычниками, произнося эти понятия? Тот, кто мыслит о Свете, неминуемо приходит к единому Свету. В какой бы обстановке мы ни увидели Свет, наше сердце все-таки будет знать, что в Свете мы найдем жизнедателя.

Ныне день свершения доказательства, проявления слова и пришествия утверждения.

Бог повелевает вам то, что для вас благотворно, и заповедует вам то, что вас приблизит к Нему, Владыке всех Учений.

Не сказаны ли эти слова Евангелием, не произнесены ли они в Библии, или, может быть, это слова из книги достоверности Китаб Эль-Иган? Слова эти направляют к тому же единому Свету, для приближения к которому мы собираем наши лучшие испытания и накопления. И как мы назовем эту всеокровищницу самого лучшего, самого духу нашему драгоценного? Мы договоримся вполне честно и откровенно на понятии Культуры. Не было ли в древности такой богини: Культура? Не было ли такого Ангела Культуры, служение которого было в открытии Врат прекрасных?

Не святотатственно сближать все, что относится к Культуре с самыми высокими понятиями. Иногда падение духа человеческого доходило до таких пропастей, что всякая манифестация Высшего Духовного, Вдохновляющего уже считалась чем-то несовременным, стыдным, несоединимым с понятием современного серьезного человека. Сколько бессмысленных разрушений произошло из этого извращения основ! Мы знаем о Благодати, знаем о психической энергии, знаем о витаминах. Казалось бы, из этого апельсина и лимона, полного витамина, из этого зерна, начавшего бродить, основной субстанцией даже для самого ограниченного мышления уже открывается путь кверху. Именно кверху, ибо нет такого зерна, которое стало бы расти вниз. Даже каждая былинка, каждый листок знает, где свет и тепло, и тянется к нему. И войны, и землетрясения, и болезни, и ужасы смятения духа человеческого достаточно толкают человечество, чтобы поднять голову и искать высших путей. Пусть будут эти пути не в пещерах отшельников. Они могут быть вполне найдены и в жизни.

Башни духа могут быть созидаемы там же, где и высятся башни рукотворные. Если кто-нибудь еще раз будет шептать вам, что напоминание о Культуре излишне, что для Культуры уже сделано достаточно, — смело можете назвать этого шептателя невеждою. К тому же, вероятно, он вообще не будет в состоянии различить между Культурою и цивилизацией. А цивилизация будет для него лишь стандартом пошлости. И вы легко заметите, каким находчивым будет становиться этот шептатель, когда он окажется в милом ему смраде клеветы, пересудов и прочих язв пошлости.

Нет такой меры, которая была бы достаточной для заполнения нужд истинной Культуры. Культура так же высока, как Беспредельность. И когда дух человеческий осознает эту Беспредельность, она обязывает его к непрестанному совершенствованию. Так, Беспредельность становится для нас действительностью. Не может никто спрятать голову, подобно страусу, от действительности. Значит, нельзя избегнуть ее и следует сделаться достойным ее сотрудником.

Постигающий значение Культуры прежде всего вычеркивает из своего сердца всякое понятие страха, боязнь смерти, боязнь врагов. Если в сердце своем он твердо знает, что он непоколебимо идет к Свету, то единственный враг его будет тьма. Но тьма рассеивается от внесения Света. Значит, вдохновенное сердце, несущее Свет, уже является победителем тьмы.

Культура покоится на Красоте и Знании. Растет она осознанием благословения Иерархии Света. Значит, к познанию механическому нужно добавить огонь сердца. В этом будет уже первое отличие Культуры от цивилизации.

Для восстановления языка сердца мы и собираемся. Мы сходимся, чтобы вне предрассудков и суеверий, обращаясь к первоисточникам, обмениваться и взаимно укрепляться знаками сердца. Не может человеческое существо, отражающее в себе все сияние Космоса, ограничить себя мерзостью, духовною нищетою, ложью ради тленности сегодняшнего дня. Ранее или позднее психическая энергия восстает мятежом, если ей не дано широкое русло прекрасного восхождения. История человечества дала достаточно примеров мятежа психической энергии. Этот опыт достаточен для того, чтобы напомнить человечеству, насколько оно должно сознательно обратиться к творческой мысли, к светлому строительству, понимая его не как далекую отвлеченность, но как неотложную насущную потребность.

Пусть будут эти качества насущности и неотложности нашим ближайшим стимулом. Ведь мы ответственны за будущее поколение! Как садовник ответственен за порученный ему сад, так же ответственно человечество за данную ему планету. Человечество не имеет права пятнать и темнить и искривлять сияющее высшее творчество. Кто же из мыслящих дерзнет умалять и туманить высшую творческую мысль?

В наших собраниях мы не будем ссориться, предоставив это темным невеждам. Сказано: первым признаком отсутствия Культуры является раздор. Не будем умалять друг друга, ибо из мысли о малом и родится малое. Будем чувствовать себя сердечными сотрудниками украшения жизни и углубления знания. Перед нами необъятное поле работ и каждому даны неограниченные возможности, ибо приближение к Свету не ограничено. Уйдет из помыслов всякое соперничество, ибо в Беспредельности достаточно места. Кроме того, вмещение и терпимость являются одним из первых украшений Культуры. Будем останавливать всякие зачатки подлых мыслей, ибо ими каждому трудящемуся и некогда заниматься. Собрания будут источником животворного обмена, вдохновения и укрепления, а не тяготою фальшивых безделушек. Обращаясь к первоисточникам, какими прекрасными образцами творчества мы можем вдохновлять друг друга! От соборов романского средневековья до великих заветов древнего Востока, памятников Египта, Китая, Индии, Майя, Персии, Японии. Как это все безгранично и как оно благожелательно и реально! Не забудем и современное творчество, помня, что оно будет условием внешности будущих стилей жизни.

Пусть на наших собраниях дружественно встретятся ученый и художник, и все строители жизни, ибо в основе своей они те же носители эволюции, те же посвященные мыслетворчеству. Пусть осенит наши собрания и сияние Мадонны, и скоропомо-

гающая Сторучица Богоматерь, и многоокая Дуккар, и многорукая Куанин, и Лакшми в своем созидательном Облике.

Мусульмане почитают Мариам — Матерь Христа. Библия дала нам высокотрогательные облики женского подвига. В самых древнейших местах Азии найдены культы Матери Мира. Под этим благостным знаком вспомним то, с чего мы начали сегодня. Вспомним, как вдохновенные эллины славословили Гигию, Все-Матерь. Каждый по-своему объединял здоровье тела с крепостью духа. Во имя этой несокрушимой крепости, во имя неиссякаемых снегов Гималаев, хранящих ценную пыль метеоров — вестников дальних миров, я верю, что вы найдете в себе всю неисчерпаемость бодрости, терпения и доброй воли, чтобы всемерно послужить великой Культуре.

1931

СТРОЕНИЕ

Тридцать лет тому назад, пишет художник, была у меня картина «Строят город». В ней мне хотелось выразить стремление к созиданию, когда в разгаре сложения новых твердынь нагромождаются башни и стены. С тех пор радостно было возвращаться к тому же понятию созидательства, которое является естественным противоположением разрушению.

Такую же радость прикосания к созидательству ощутили мы, посещая столицу Маньчжу-Ди Го Синьцзян. В наши дни, когда мы пережили столько разрушений, каждое строительство является особо ценным. Еще недавно нам твердили разные житейские мудрецы, что мир находится в агонии материальной депрессии, материального небывалого кризиса и потому всякое строительство неуместно. Мы слышали дикие выкрики вандалов:

— Долой культуру, деньги на стол.

Ради этих меняющих свою условную ценность бумажных знаков люди готовы были произнести мерзкую хулу на самые высокие понятия. Эти кощунники думали, что материальный кризис мира можно разрешить материальными вычислениями. Но проказа зашла слишком далеко. Кризис мира вовсе не материальный, но именно духовный. Он может быть исцелен лишь духовным обновлением. Холодный язык мозга обманул счетчиков, и опять настоятельно требуется обратиться к тому вечному языку сердца, которым создавались эпохи расцвета.

Еще недавно в статье «Черта мира» нам приходилось говорить о том необычайно очевидном явлении, что сейчас весь мир неслыханно резко разделился по черте света и тьмы, созидания и разрушения. Потому-то так особенно болезненно отражается каждое разрушение. Потому-то так особенно радостно звучит сейчас каждое построение. Не скрываем, что к стыду человечества силы тьмы весьма организованы, тогда как позитивные поиски затруднены многими блужданиями и неосмотрительными отравлениями. Тем драгоценнее именно сейчас видеть строительство. Ведь мы знаем, какими трудностями сейчас окружен каждый строитель, каким подвижником должен он быть, чтобы перебороть натиски разрушения, хаоса, тьмы. Правда, тьма рассеивается от света, но ведь этот свет должен быть интенсивнее тьмы, чтобы рассеять ее.

Друзья, вы можете себе представить мою сердечную радость, когда в новой столице Маньчжу-Ди-Го нам пришлось воочию убедиться в реальности обширного строительства. Строится целый город. Широко планируется множество государственных и образовательных учреждений. Когда мир содрогается от неразрешимости материальных проблем, тогда здесь, на просторах Азии, как в далекое блестящее историческое время, складывается большое строительство.

Каждое сердце человеческое, которое направлено к основам созидания, порадует, узнав, что несмотря на бури потрясений, здесь идет строительство. Оно увлекает в своем движении множество энергии и укрепляет ее очевидностью созидательных возможностей. И в Америке, и в Европе, по всему миру большинство людей вообще не знает, что творится в новой Империи. Газеты чаще сообщают о каких-то нападениях, нежели о строении. Многие люди вообще с трудом понимают язык Азии, который является прежде всего языком сердца. Я уверен, что множество светлых сердец, устремленных к созиданию, будут готовы приобщиться к моей радости, услышав, что мы видели здесь бодрое напряженное строение, видели заботливо обработанные пашни и ощутили большой нерв начинания.

Среди маразма уныния и упадка этот созидательный темп звучит как настоящий героизм. В восточном искусстве особенно часто развита анонимность, также и в каждом строительстве мы обычно не знаем имен сотрудников, вложивших свою энергию в новое построение. От имени всех, устремленных к созидательству, мне хочется поблагодарить всех тех, от великих до малых, которые устремляют свою энергию к созданию, каждое создание приносит с собой и сотрудничество. В этом звучном понятии, произнесете ли вы его по-русски, как сотрудничество, или в иностранной форме, как кооперация, заключены живые основы, противостоящие силам разрушения. Там, где есть со-

трудничество, там есть и взаимопомощь, там за пределами условных трактатов рождается светлое улучшение жизни.

Радуюсь о строительстве новой Империи Маньчжу-Ди-Го. Будем радоваться каждому строительству; будем помогать ему на всех путях мира, ибо весь мир нуждается в созидательстве. Каждый строитель уже друг человечества, и мы знаем, как безмерно труден путь каждого строителя. Не затрудним его какими-то недоразумениями, суевериями или пережитками. Эволюция строительства и сердечный язык человечества могут сказать свое решающее благое слово. «Поможем строителям» — в этой простой готовности будет разрешение множества житейских проблем. Французский земледелец говорит: «Когда постройка идет, все идет!».

К завету Запада добавим и мудрое завещание Востока. Славный самурай Мори, напутствуя своих сыновей, дал каждому из них стрелу и предложил разломать ее. Без усилия все стрелы были поломаны. Тогда глава рода дал каждому сыну одинаковое количество стрел, вместе соединенных, и никто не мог разломать их. А на другом материке в это же время писали вечные слова:

«В единении сила».

РОБОТЫ

Эрик — робот, выставлен впервые в Англии на ученической выставке. Он может стрелять из пулемета по команде. Так оповещает местная газета под картинкой, изображающей стальное чудовище. В приложении к «Нью-Йорк Тайме» изображен какой-то ученый из Массачусетса, делающий сложные вычисления, а подпись гласит о том, что он изобретает мозги для робота. Итак, в разных концах мира человечество занято мыслями не о самоусовершенствовании, но об усовершенствовании механических чудовищ, которые должны заменять людей во многих работах.

Многие миллионы безработных и голодающих ищут работы, готовы приложить свою энергию к любому труду, лишь бы спастись от голода и холода. Но им угрожают не только живые конкуренты, но изобретаются и какие-то мозги для роботов. Неужели ко всем несчастьям и злобным выдумкам люди начнут мыслить по направлению условной механизации, забывая об истинном значении своего бытия.

Музыка в консервной банке, искусство на фильме, лекции по радио, корабли без капитана, аэропланы-бомбометы без пилотов и как корона механизации и венец уничтожения человеческого духа — война ядовитыми газами и биологическое истребление всего живущего. Старые заветы о том, что «да живет все живущее», кажутся какими-то неуместными. Вместо симфоний и опер завывает саксофон, и люди медленно движутся в механическом танце смерти.

Может быть, мы преувеличиваем. Может быть, нашествие роботов во всевозможных одеяниях не так уж опасно, но перед нами лежат многие журналы и письма с разных концов света; отовсюду слышатся вопли ужаса не только о безработице, но и об умерщвлении духа. Чуткий духовный водитель Т.Л.Васвани в издании женского журнала «Мира» выражает глубокое сожаление о быстро растущем цинизме. Он подчеркивает, что почитание героизма было основой совершенствования личности и прогресса нации. Цинизм есть форма разложения. Наши потребности в но вой интеграции мысли и жизни. Циники справедливо приравнивались к воронам — между тем как почитание героя подобно расцвету в жизни народа.

Из другого края слышится — «Мы ждем героизм, который останется героическим даже в своих тайных помыслах. Мы ждем героев, которые поражают драконов в частной жизни. Мы желаем то царственное мужество, которое подавляет каждый недостойный импульс, как только он зарождается. Быть героичным должно заключаться в самой природе человеческой».

Древние Риши молились: «Тамасо ма джиотир гамая» — что значит: «через тьму веди нас к Свету». Поистине, исполняется именно этот путь. Тьма так сгустилась, что, потопая в ней, люди перестают желать Света. Сожигаются на глазах голодных гекатомбы зерна. Убиваются миллионы животных, чтобы не помешать остальным. Говорят, что все это нужно и что кто-то в конце концов оставшийся получит необыкновенную выгоду. Но кто будет тот, кто выживет и останется? И не выйдет ли против него какой-то уже давно заведенный робот и не разmozжит ли ему голову привычным механическим движением, в то время как последняя механическая пластинка будет доигрывать джаз из похоронного марша Шопена?

В то же время, несмотря на все эти странные в своей природе признаки, мы не можем быть пессимистами. Можно знать, что роботы еще покажут себя во всем своем механическом невежестве. Именно они, как уже и случалось, остановят самое нужное уличное движение (траффик), они не донесут спешную вест, они, заржавев от морского тумана, направят человеческий корабль на гибельную скалу. Трудно представить себе, кто может оказаться наиболее губителен — роботы ли, заведенные

механической рукой, или же та бесчеловечная биологическая война, о возможности которой можно читать в газетах.

Может быть, люди надеются, что вообще от нашей цивилизации — уже не говоря о Культуре — мало что останется. Таким образом и постыдные газетные листы со всеми дифирамбами о ядовитых газах и биологической войне разложатся и сгниют прежде многого другого. Помню, как у Уэллса на одном обеде он, подняв рюмку, сказал: «Не удивляйтесь, если этот кусок стекла для кого-то когда-то опять будет редкостью». В этой шутке звучала неподдельная ирония печальной действительности.

И все же через всех роботов, поверх всех ехидн безбожия и темного невежества зарождаются прекрасные очаги сотрудничества. Правда, они редки, правда, каждый вступающий на этот путь подвергается всевозможным трудностям. На него сыплется град черных камней. Для всех роботов и ядовитых человеконенавистников каждый думающий о созидательном сотрудничестве должен быть уничтожен. Не может быть для темных и речи о том, чтобы привести в свою веру, вернее, в свое неверие, молодые и преданные истинному познанию сердца. Попросту говоря, они должны быть уничтожены! И нет такой злобной выдумки и клеветы, которая не должна бы пропустить случай, чтобы прекратить луч Света.

Но ведь древние Риши и предусмотрели именно эту тьму, которая является пробным камнем для взыскующих Света. Эти искатели блага отлично чувствуют, что препятствия не случайны и должны быть превзойдены. Среди настоящих искателей много и поддельных — много тех ночных никодимов, которые шепчут сладкие речи ночью и готовы предательствовать в зное дня. Дайте им даже самый маленький опыт подтверждения их стремлений, и они немедленно уйдут в бездну, где до тех пор и проживали. Спросите, может ли такой Никодим ради блага не спать всего одну ночь, и он поспешит скрыться, лишь бы не затруднить себя даже малейшим усилием! Но не о них жив человек. Люди живы теми немногими преданными сердцами, одно упоминание о которых удесятеряет силы. Хотящие идти во тьму — туда и пойдут, но взыскующие Свет достигнут его через все потемки. Книга «Мир Огненный» заповедует:

«Кто-то полагает, что он желает достичь космического сознания, пусть лучше думает об очищении сердца. Пусть не только воображает себя победителем Космоса, но желает очистить сознание от сора. Нельзя проникнуть за пределы закона без желания приблизиться преобразенным. Именно пекарь хлеба духовного и телесного не должен помышлять лишь, как самому насытиться».

«Выздоровливающему опытный врач советует не думать о прошлой болезни и уговаривает думать о будущем и о счастливых обстоятельствах. Так не только физически, но и духовно отменяется всякое напоминание о прошлой болезни. Следует прилагать такой же простой метод при всех случаях жизни. Особенно же при огненных действиях, когда огонь трепещет от мрака, не нужно думать о мраке и о воздействии его на огонь. Явление будущего воспламенит сердце. Самое подавляющее может рассеяться от будущего. Глупцы кричат о конченной жизни, разве может кончиться жизнь вечная? Нужно произвести столько ужасов, чтобы нарушить жизнь! Даже звери не дерзают обратиться в прах бездны».

«Среди психических заболеваний самые неприятные, почти неизлечимые — предательство и кощунство. Однажды предатель — всегда предатель. Только сильнейший огненный удар может очистить такой зараженный мозг. Если такое преступное состояние происходит от одержания, то такая причина одинаково неутешительна. Можно ли представить сотрудничество с предателем или кощунником? Они, как зараза в доме. Они, как труп смердящий. Так, Мир Огненный не имеет утешения для предателей и кощунников».

«Смелость сочетается с осторожностью. Иначе смелость будет безумием, и осторожность обратится в трусость. Люди, которые представляют себе всю сложность огненных волн, могут оценить совет осторожности. Йог не забывает всю осторожность, в ней будет уважение к великой стихии и почтение Мира Огненного. Можно видеть, как нужно напрячь всю осторожность, проходя между рядами тончайших сосудов. Если эти изделия огненной работы требуют такой бережности, то сами огненные волны умножат путь нашей сердечной наблюдательности». Именно этой сердечной наблюдательностью можно безошибочно отличать, где есть животворящее стремление, где механический штамп работа.

Друзья мои, сейчас очень сильны всякие роботы. Всякие условности, мертвенные запреты и ржавый скрип злости и все прочие свойства механизации и всякой хотя бы технократии — все эти темные беды будут преоборены огненным сердцем. Когда я вспоминаю о Вас, дружно сходящихся во имя истинного Мира и сотрудничества, то всегда сердце преисполняется радостью. Трудясь весь день, отдавая энергию свою подчас очень трудным занятиям, Вы во всей свежести духа находите силы сходитья по вечерам для прекрасных преуспеваний духовных.

Честь тем, кто устремляет Вас к этим достижениям, честь Вам самим, кто находит в себе и неутомимость, и терпение, чтобы превращать рутину жизни в сияющий сад прекрасный.

1931

ПУТЬ ТВЕРДЫЙ

Колумбийскому Обществу имени Периха

Ваша весть об избрании меня почетным Президентом дошла ко мне уже в Гималаях. Могу вам сказать со всею сердечностью, что я обрадовался вашему письму. Я знаю президента вашего Общества генерала А. де Леона и всю вашу работу на общее благо. Я питаю лучшие чувства к президенту Колумбии Энрико Олайя Херрера. Все, что я слышал о его просвещенной деятельности, показывает, что он сильный человек и прирожденный государственный деятель. Страны нуждаются в сильных личностях, в мощной руке, которая может вести их к благосостоянию и к истинной эволюции. Я знаю, что вам близки основы кооперации и что вы сознаете глубоко, насколько человечество нуждается в просвещенном знании и в благородной красоте, только они являются истинными основами жизни и восхождения.

Вы знаете, что мы не можем оставаться без движения. Или мы идем вперед или отступаем. Во имя постоянного восхождения, во имя неутомимой битвы против всех зол невежества шлю вам пожелание несломимого мужества, терпения, радости в труде и истинного прогресса в грядущем Золотом Веке человечества.

В настоящее время всюду происходит глубокий материальный кризис; в основе своей это не только финансовый кризис, но чаще всего это кризис потухших сердец. Истинная Культура не роскошь. Истина, что для пламенеющих сердец, для воодушевленных высоким понятием Культуры — не деньги как таковые существенны, но нужен постоянный рост и утонченность духа. И все необходимые средства приходят от единого источника, от того же священного огня. Там, где просвещенные трудящиеся руки, там, где преданность и пылание сердца, там будет и успех. Священный огонь дает силу преодолеть все препятствия. Действительно, какие такие огромные средства требуются, чтобы группа преданных Культуре людей могла время от времени объединяться и в сердечном обмене возжигать светоч истинной Культуры? Для энтузиастов даже чашка чаю не нужна. Ибо не чайник будет кипеть, но сердце.

Духовное понимание и созвучие ткнут светоносную ткань Матери Мира — священную Культуру. Этим творческим путем вы и будете восходить.

Соединим же руки наши в крепкой клятве, что всеми силами будем укреплять и расширять благородную работу просвещения и улучшения жизни.

1931

СЛАВА САМУРАЕВ

Японскому Обществу имени Рериха

Комио, прекрасная Владычица Нары, пела: «Я не сорву тебя, цветок, но посвящу тебя Буддам прошлого, настоящего и будущего».

В этом обращении к прошлому и будущему заключена вся мощь японского гения. Почему так нестираемо запоминаются картины старых японских мастеров? Почему мы так запечатлеваем жесты и несравнимую мимику японских актеров? И отчего дух японского самурая остается в истории человечества как символ героизма, истинного патриотизма и мужества? Эти понятия установились с такою убедительностью, что как друзья, так и враги, и близкие и далекие, без всякого сомнения устанавливают эти эпитеты.

За границами зримого создается и особый язык. Непередаваемое чувствознание творится там, где мы соприкасаемся с областью духа. В этой державе мы понимаем друг друга несказуемыми рунами жизни. Там мы начинаем познавать в прозрении, близком вечному чуду Истины.

Чудо жизни, всепобеждающее и величественное! Чудо, наполняющее все глубины Бытия. О, чудо, редко ты выражаемо рукою человечества. Но с древнейших времен сверкающие искры Истины все же достигли нас. Но часто извращен их величавый ритм. Тем драгоценнее замечать сохранность этой чудотворной ткани красоты в старых японцах. Благоухание блаженной сказки струится с позолоченных временем листов и с несломимой веками патины чудесных лаков. Безграничен горизонт живого глаза и пылающего сердца. И насыщенные концепции старых японцев и поучают и поражают. Выражена в них удивительная жизнь и запечатлены явления великой Истины. В тончайших иероглифах жизни запечатлен синтез. В выражении повседневной жизни не обойдены высшие законы. Фантазмагория жизни делается невинной в высшей убедительности. В прекрасной гамме красок выражена мощная песнь, которая может вдохновлять наше беспокойное сознание.

Многие вершины искусства сверкают в создании японских мастеров. Многие проблемы, такие трудные, отважно разрешены японскими создателями. Аристократизм красоты, народность, романтизм, героизм, символизм, содержание, история, этнография, подвиг — все это так ценно человеческой природе и так часто отринуто предрассудками; все это сокровище объединено в прекрасном творении японских мастеров.

Говоря о Японии, мы можем употреблять слово Прекрасное. На это понятие имеет право народ, который до сих пор весною выходит празднично приветствовать пробуждение природы, народ, который обращает повседневность в сокровище искусства и выбирает одну картину для каждого дня; народ, который знает, как очувствовать произведение искусства. Где же, кроме Японии, так много частных художественных собраний? В какой другой стране так же почетно называться собирателем искусства? И где та страна, кроме Японии, где на школьном конкурсе, на тему «Фудзияма», первая награда будет дана за наиболее самоотверженное описание? Множество фактов являют нам Японию с самой положительной стороны, но при этом мы должны помнить, что для нас ускользает такое же множество трогательных и героических подробностей. Наши мерилы, конечно, не чувствительны ко многому, что может быть заметно самим японцам. Но мы помним Японию в цветении вишневых садов, и в сердце нашем мы чувствуем, что жив тот священный цветок, о котором пела так прекрасно Комио, божественная Повелительница Нары.

Японский народ, осознавая богатые традиции, понесет и дальше высокую Культуру, которая уже помогла ему занять в мире такое выдающееся место.

Крепчайшая человеческая твердыня, истинное сокровище, заключается в возможности встречаться во имя высшей Культуры. В этом великом понятии мы соединяем все завоевания высших культов, все непобедимые красоты и все высшее знание. В наше время, во время земного смятения, не трюизм твердить заклинание о высокой Culture. Более чем вовремя сейчас укреплять друг друга в том, что высокая Culture не должна оставаться в небрежении и что личность, род, государство могут расти лишь на основе Culture; никакая вульгарность, ни разложение не должны проникать за эти благородные врата.

Мы стремимся к взаимному пониманию. Назначаются награды за мир. Мы стремимся к Знамени Мира, которое охранит все Культурные сокровища от вандализма и грубости, как во времена войны, так и во время мира. Ведь мы знаем, что и во время так называемого мира очень часто вандализм свирепствует не меньше, чем во время войны. Мы также знаем, что иногда война в духе более опасна, нежели война в поле. Духовное убийство еще более опасно и преступно, нежели физическое. Все позднейшие открытия, изобретения сулят множество еще неосознанных возможностей. И все служители Culture несут прекрасную ответственность применять эти благие возможности в высших решениях. Каждый огонь может быть потушен. В сумерках повседневности могут незаметно понижаться

дух народный и постепенно опять могут вползти жестокость, вульгарность и эгоизм. Духовный сад нуждается в орошении даже больше, нежели материальный.

Во имя прекрасного сада Японии, во имя почитания великих предков, во имя вечного Цветка Комио, Владычицы Нары, я приветствую вас, еще незримые мне друзья мои! Твердо верю, что идеалы высшей Культуры всюду тождественны; ни океаны, ни горы не могут препятствовать дружеским стремлениям человечества.

Те, кто живут высшими стремлениями, неизбежно встретятся на перепутьях великой Беспредельности. Приветствую вас во имя общей творческой работы!

1931

МУДРОСТЬ РАДОСТИ

И враги будут у нас. И даже в большом количестве. Подобно древним римлянам, пусть мы скажем: «Скажи мне, кто твои враги и я скажу, кто ты есть». Великий Император Акбар говорил всегда, что враги — это тень человека и что человек измеряется по количеству врагов. При этом, воображая врагов своих, он добавлял: тень моя очень длинна.

Откуда же возьмутся главным образом враги наши при нашей мирной культурной работе, которая, казалось, никого не умаляет и никого не задевает. Только ли от непонимания и от зависти? Конечно, нет. Нам придется встретиться еще с одним глубоко гнездящимся человеческим свойством, проистекающим также от невежества. Нам придется всеми способами говорить и распространять сведения о значении истинного искусства и знания. Нам придется неустанно говорить о внесении предметов искусства в обиход нашей жизни. Также придется говорить о друзьях нашей жизни, о книгах, которые находятся в пренебрежении во многих домах наших. Придется нам и обращаться к правителям и президентам целых стран, прося их считать министерство Народного Просвещения и Изящных Искусств не в конце списка их государственных учреждений. При этом нам придется встретиться со многими замечаниями, утверждающими, что эти два живейших фактора эволюции вовсе не заслуживают первых мест. Часто это будет говориться не в силу какой-либо особой ненависти к просвещению и украшению жизни, но просто в силу каких-то пережитков и окаменелых традиций. Вот это обстоятельство по-

родит значительное количество врагов наших, но, проверяя список их, мы будем гордиться, что именно эти люди оказались врагами Культуры, а не наоборот. Кроме того, как однажды я говорил в статье «Похвала Врагам» (см. книгу «Пути Благословения»): никто так не помогает нам в жизни нашей, как именно такого свойства враги. Нашей зоркости, нашей неусыпности, нашей трудоспособности мы обязаны им в большой степени. Эти враги, как вы знаете, не останавливаются на малых формулах, наоборот, именно они щедры на преувеличения. Они располагают роскошным словарем ненависти, перед которым язык друзей часто бледнеет и кажется пресным. Слишком часто в жизни нашей мы теряем словарь добра, признательности и похвалы. Мы стыдимся часто даже предположить, что кто-то может заподозрить, что мы можем быть благодарны. Часто мы боимся быть заподозренными, что почитаем иерархию Блага, но враги, побуждая нас к неустанной деятельности, куют нам и доспехи подвига.

Помню, как один большой художник, когда ему передавали, что кто-то поносит его, задумался и, покачав головой, сказал: «Странно, а ведь я ему ничего хорошего не сделал». В этом замечании сказалась большая житейская мудрость. Та же житейская мудрость также может подсказать нам, что, несмотря ни на что, неустанно мы должны проталкивать в жизнь простую истину об охране и освещении Культуры.

Опыт долгого времени указывает нам, что искусство и знание расцветали там, где сверху они признавались величайшими стимулами жизни. Там, где главы государства, где владыки церкви и все руководители жизни сходились в стремлении к прекрасному, там и происходил ренессанс, то возрождение, о котором теперь пишутся такие восхищенные книги. Если мы знаем, какие именно внешние факторы способствовали искусству и знанию, то, казалось бы, легче всего во имя Культуры применить те же приемы и теперь. Ведь зародыши всех этих возможностей существуют и обычно только задавлены омертвелыми традициями неудачных эпох. Но мы знаем, что действия в этом направлении являются настоящими благородными действиями, и потому с полной искренностью можем усиливать друг друга в этом подвиге. Подумайте, какое счастье сознавать, что мы, рассеянные в разных странах, можем чувствовать невидимую дружескую руку, всегда готовую на духовную помощь и поддержку. Когда мы обращаемся во имя прекрасного, во имя Культуры к главам государств и церквей, мы приносим им помощь, потому что многие из них и хотели бы оказаться Лоренцо Великолепными в лучшем смысле этого слова, но маленькие суеверия и предрассудки мешают их превосходным порывам.

Кто-то может спросить, неужели именно теперь, во время общего материального кризиса, уместно говорить об искусстве и науке? Вот именно уместно.

Расцвет искусства и науки является разрешением житейских кризисов. Именно он обращает упадочное перепроизводство к более высокому качеству. Именно он заставляет людей задуматься над проблемами жизни, которые могут быть разрешены через мост прекрасного. Именно он окрыляет тех людей, которые иначе, под неволею условностей, обращаются в Панургово стадо. Словом, расцвет искусства и знания одухотворяет достоинство личности человеческой. Как это старо, и как это нужно сейчас, когда разрушительные силы так действенны. Именно теперь ни на минуту нельзя забыть о преимуществах истинно культурных эпох, чтобы, опираясь на эти «грехи» прошлого, мужественно направляться в будущее.

Можно много критиковать, но критическое разложение уже доставило много невзгод человечеству. Сейчас так повелительно нужно созидать, слагать, собираться и черпать обоюдную бодрость в сознании, что за горами и морями — всюду есть друзья наши, готовые обоюдно радоваться.

1931

ЛАТВИЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ ИМЕНИ РЕРИХА

Когда я вспоминаю Латвию и Ригу, передо мною встает целый ряд незабываемых светлых впечатлений. Я помню, как во время нашей поездки по священным местам, мы вошли в великолепный Собор Петра, где мощно лились звуки органа. Мне не пришлось узнать, кто был этот выдающийся органист, который, подобно Себастьяну Баху, изливал свое божественное вдохновение, мощно наполняя исторические своды влекущими ввысь и возвышающими аккордами. Мы ходили неоднократно в определенные часы слушать и приобщаться к этой молитве Духа. И в нашем обиходе Рига так и осталась прежде всего одухотворенной величественным Собором. Именно теперь, когда религия вновь из абстракции делается такой живой и насущной, особенно драгоценно, если можно начать воспоминание с неувядаемой памяти Храма.

Под тем же знаком сердечности прошли и все остальные встречи в Латвии, прошлое которой так насыщено необычно-

венными памятниками, начиная с тонких образцов каменного и бронзового веков. Несколько прекрасных экземпляров древности этих первых насельников Латвии тогда же украсили мое собрание. Дед мой жил в Риге, и многие из сотрудников моих, на разных поприщах, принадлежали Латвии. Сердечно стоит в моем представлении фигура Яна Розенталя, полная истинного и высокого драматизма. Всегда тепло вспоминаю Вильгельма Пурвита, теперь справедливо занявшего такое первенствующее место в латвийском искусстве. Меня с ним связывает и память о нашем общем учителе Куинджи, умевшем объединить в своей гостеприимной мастерской под знаком служения искусству самые разнообразные индивидуальности и народности. Вспоминаю и моего бывшего ученика, теперь крупного культурного деятеля Латвии — Альберта Правде.

И сейчас среди цветущих деревьев и снеговых вершин Гималаев мы постоянно вспоминаем Латвию под знаком ее языка, так родственного санскриту. Само имя Бога — тождественно и в санскрите и в языке Латвии. Какая многозначительность есть в этом светлом наследии наречий. Как мощно обязывает оно внимательно относиться друг к другу, вспоминая о ведущих корнях. После всех таких воспоминаний вы чувствуете, почему мне доставляет такую радость писать вам это и знать, что круг наших Культурных обществ имеет свою ветвь также и в Латвии.

Радостно, что под этим новым деревом сошлись разные элементы, для которых священно понятие истинной Культуры. Среди узко материальных увлечений часто потухает светоч духа и тем самым заглушается самое великое понятие народа — Культура. Но Культура имеет два корня — первый друидический, второй восточный. Культ-Ур — значит Почитание Света. И во имя этого непотушимого великого Света вы будете сходиться, взаимно осветлять друг друга и нести духовную помощь молодым сердцам, ищущим в каждодневной работе совершенствование. Мы не будем бояться ни этой работы, ни каждодневности. В них закаляется Дух и укрепляется великое и непобедимое осознание Света. И посвящая себя творческому неустанному труду, мы также постигнем мудрый завет, что в каждом препятствии заключена также и возможность. Этим же светлым заветом мы изгоним и всякий подавляющий вдохновение страх.

Будем стремиться к Свету и будем радостно обмениваться светлыми накоплениями искусства и знания — этих устоев Культуры.

Уверен, что под просвещенным руководством Председателя д-ра Ф.Лукина Общество в Латвии будет расти и преуспевать.

Духом с вами.

1931

МИР И КУЛЬТУРА

Буддийской Ассоциации Молодежи в Коломбо

В этот памятный день будем вспоминать Свет и взаимно укрепим друг друга основными понятиями истинной эволюции. Великий Готама многообразно заповедовал о Мире и Культуре. Мир означает неутомимое созидание. Культура является вечным познаванием и улучшением жизни основами славного прогресса.

Непрактично и пагубно все, созданное враждебностью и озлобленностью. История человечества дала нам замечательные примеры, как именно мирное творчество создавало прогресс. Устанет рука от меча, но рука творящая, усиленная мощью духа, будет неутомима и непобедима. Никакой меч не может расстроить истинное наследие Культуры. Человеческий ум может временно уклоняться от первичных источников, но в сужденный час вновь обратится к ним с обновленной мощью духа.

Завещанные тончайшие энергии уже не отвличенность для человечества; истинные ученые уже применяют их в своих благословенных опытах улучшения жизни. Давно предуказанная жизнь на дальних мирах и новые возможности земной жизни перестают быть сказками. Мы уже пользуемся этой реальностью, и она создает нам новые часы возвышенного размышления. И само размышление это тоже преображается. Оно делается короче и напряженнее. Учение об очищенной пище уже твердо вошло в жизнь, даже ограниченный ум уже знает о мощных витаминах. Все, что жизненно в блестящем прогнозе, уже не исчезнет, но, как каждая истина, будет вновь появляться уже в расширенном представлении. Человечество начинает понимать, что рука Мира самая мощная. В руке войны никогда не будет той неисчерпаемой упорности, как в руке Мира. Тот, кто несет Мир и Культуру, не насилует других, ибо в своем созидательном энтузиазме он будет исполнен блистательным творчеством и величайшим пониманием истинного сотрудничества.

Основы Мира и Культуры, поистине, делают человека непобедимым и, осознавая все духовные условия, он становится терпимым и всевещающим. Ведь каждая нетерпимость есть знак слабости. Если мы понимаем, что каждая ложь, каждое предательство будет явлено, это прежде всего значит, что лживость и глупа и непрактична. Но что же должен скрывать тот, кто посвятит себя Миру и Культуре? Изучая Основы Учения, он не будет совершать ничего такого, что будет противоречить

благородному, ибо истинное Знание необходимо для эволюции. Помогая своему ближнему, он тем самым помогает и общему благосостоянию — качество, оцененное во все века. Стремясь к Миру, он делается устоем развивающегося государства. Не клевета на ближнего, мы усиливаем продуктивность общего созидательства. Не ссорясь, мы докажем, что действительно познали Основы Учения. Не теряя времени в праздности, мы докажем, что становимся истинными сотрудниками безграничных неустанных мировых энергий. Находя радость в каждодневной работе, мы покажем, что понятие Беспредельности нам не чуждо. Не вредя другим, мы не будем вредить самим себе и еще раз поймем, что в вечном даянии мы получаем. И это благословенное получение не есть скрытое сокровище скупца. Мы поймем, насколько созидательно утверждение и разрушительно отрицание. Среди основных понятий Мира и Культуры содержатся Основы, против которых не дерзнет восстать даже полный невежда.

«Лалита Вистара» упоминается на страницах «Золотых Легенд». Перед нами стоит икона Святого Иосафа, Царевича Индийского. Ведь это благостные знаки, которыми приходит взаимное понимание! Граница Света и тьмы проходит по всему миру и, различая ее, мы становимся защитниками Культуры Света. Не бывает Культуры тьмы. Если мы можем представить твердыню Света, то в противоположность будет лишь пропасть тьмы невежества. Но хотя бы в памятные дни светлых событий тьма должна быть рассеяна.

В памятный День мы должны принести великое духовное возношение. Если сегодня мы принесем истинное устремление к Миру и Culture и если мы поклянемся, что не отступим от этих светлых Основ, тогда действия наши заслуженно могут быть названы благородными действиями.

Истинно, заповеданы благородные действия Мира и Культуры.

1931

ДЕКАДА

Прошло десять лет с тех пор, как мы положили первый камень наших Учреждений в Америке. Вполне естественно, что мы начали их с Института Объединенных Искусств, чтобы сразу в полной мере подчеркнуть идею единства. Таким путем наши давние идеи, протекавшие в других странах, перенеслись

и вкоренились и на почве Америки. За десять лет сложилась обширная литература по всем отделам нашего Культурного Центра. Я не собираюсь сейчас писать историю этих нарастаний. В день привета мы не будем летописцами, но выразим то, что нам кажется самым несомненным в росте культурных начинаний.

Дорогие сотрудники, я не собираюсь просто хвалить вас, ибо можно ли хвалить человека, который всецело предан идее Культуры? Можно ли хвалить за честность? Можно ли хвалить за духовность и воодушевление Красотою? Ведь это все основы человеческие, вне которых никто и не мог бы считаться культурным работником. Похвала всегда относительна, но факт незыблем! И вот теперь в памятный день десятилетия трудной работы во имя Культуры мне хочется отметить то, что несомненно.

Оборачиваясь назад на все труды, на все битвы с невежеством, мы видим, что работа созидательная шла безостановочно. Это не похвала, это только выявление факта истинной духовной доблести. Можем ли мы сами себе назвать хотя бы один год, проведенный в покое и самоуслаждении? Можем ли мы назвать хотя бы один месяц из этих 120 месяцев, когда бы не укреплялось уже сделанное и не устремлялись бы мысли к новым областям культурного поля.

Тут-то мы и можем, положив руку на сердце, сказать, что не было такого года, не было такого месяца и даже недели, когда бы мысль и труд не слагали новых возможностей. Не было того дня, когда бесчисленные препятствия не были бы обращаемы во благо. Это сознание безостановочной устремленности, непрерывного созидательного труда, — поистине, должно быть знаком сегодняшнего дня. Нас могут спрашивать о порядке нашего плана. В индивидуальных суждениях могут предлагать перестановку чередования дел, но никто не скажет, что энергия не была положена во Благо.

Нет ничего удивительного в том, что за десять лет Учреждения развились необычно. В безостановочности энергии заключены великий мегафон, великая инерция, которые вооружают работников крепким доспехом.

Очень сожалею, что в этот знаменательный день не могу быть с вами и не могу словом отеплить посылаемые вам мысли; но во имя той же безостановочной работы, о которой говорю, я чувствую, что устройство Гималайского Института вполне оправдывает мое физическое отсутствие сегодня в Америке. Уже более трех лет тому назад мы внесли в наши области Искусства и область Науки, ибо Культура в своем синтезирующем начале не терпит ограничений, умалений, отделений. Мы видим, что все условности, так вредящие прогрессу, порождены лишь

невежеством. Но каждый из нас за всю деятельность может сказать, что сущность духа народного гораздо сильнее выпадов невежества. Имея дело с массами, в сердце своем устремленными к Знанию и Красоте, мы можем оставаться оптимистами. Не будем сегодня вспоминать о трудностях. Всякое воспоминание о трудностях может привязывать корабль наш к пристани. Вспоминая о трудностях, мы невольно начинаем думать о заслуженном отдыхе, иначе говоря, начинаем предаваться самым вредным мыслям, ибо где же он, отдых, в беспредельности творчества? Оставаясь неразрушимыми оптимистами, мы будем лишь стремиться окрылить корабль наш новыми парусами.

«Странные люди», — сказал кто-то про нас, но друг наш заметил: «Действительно, необычные люди, даже все трудности встречают с улыбкою».

Откуда же может прийти эта улыбка? Ведь только из сознания, насколько нужна всегда и особенно теперь работа во имя Культуры. Итак, вступим же в новое десятилетие с прежнею неудержимою стремительностью, с тем же звучащим зовом о Culture и с тою же неустанностью.

Сделаем поклон всем тем, кто помогал росту Учреждений, и пожалеем тех, имена которых смешались со тьмою.

Как я уже часто говорил, Culture есть почитание Света. Даже травы и растения к свету стремятся. Как же одушевленно и восторженно нужно стремиться к единому Свету людям, если они считают себя выше растительного царства.

Сегодня ночью над цепью Центральных Гималаев вспыхивали необычайные озарения. Это не зарница, ибо небо было чисто, но то самое недавно отмеченное в науке светоносное излучение Гималаев. Во имя Света, во имя светоносности сердца человеческого будем же работать, творить, изучать.

Этот привет дойдет до вас, Друзья, уже почти в день десятилетия наших Учреждений. Не забудем также, как многообразно откликнулось общественное мнение на наше строительство. По-своему каждый выразил внимание. Кто послал добрую мысль, кто одобрил, кто помогал и сотрудничал; наконец, те, у которых вообще не живут добрые мысли, послали свою клевету, и в этой форме выражая тоже внимание. Клевета, как это ни чудовищно, является условием признания, и эти своеобразные знаки неминуемо также нужно накоплять, точно выражения чуждого нам языка.

Среди многообразных наречий есть столько неожиданных созвучий, и по букве одной трудно решить, что несет с собою иногда внешне благозвучный знак. В жизни очень часто злобное клеветническое намерение оборачивается на пользу, лишь не закрыть глаза на это круговращение. Поэтому, вспоминая добрые знаки, вспомним и о своеобразных ласках клеветы. Без

нее земная трапеза была бы не полна. Но именно за полную трапезою мне хочется еще раз приветствовать всех друзей и сотрудников, которые дружно идут, чтобы помочь нуждам Культурной жизни.

Если мы можем помогать этим насущнейшим нуждам человеческого бытия — это уже прекрасно. И если в день десятилетия можем направлять мысли наши к бодрым строительным делам, это значит, что мы на пути правильном. Осознание правильного пути даст нам бодрость, зоркость и находчивость, чтобы неустанно и терпеливо помогать строению светлой жизни.

Десять лет тому назад мы планировали начало и развитие наших Культурных Учреждений. Должен сказать, что, следуя основной программе, во многих пунктах мы преуспели за пределы ее. Так же точно теперь, вступая в новое десятилетие, посмотрим вперед и наметим новые вехи, по которым пойдет развитие. Подчеркиваю, развитие, ибо можно или развиваться или разрушаться, но не стоять на месте. Приходится говорить эти слова в момент величайшего мирового материального кризиса, когда в мире многое отсекается, забывается, как груз терпящего аварию корабля! Но во время аварии весь экипаж корабля собирает всю свою опытность, все панацеи, дабы победно выйти из тяжелого положения.

Выше панацеи Культуры не знало человечество. Да и не будет знать, ибо в культуре — сумма всех достижений огненного творчества. И нашему кораблю трудно среди бури всемирного Океана. Конечно, совершенно естественно, все материальные расчеты наши, бывшие правильными для нормального положения вещей, поколеблены под напором идущего девятого вала. Мы начинаем новое десятилетие обращением к массам о сотрудничестве. Для народов мы начали Культурные Учреждения, и теперь народные массы должны выявить мощь свою в культурном понимании и оценке творимого.

Во все времена истории духовная мощь творила и возможности существования. Разумная экономия, с одной стороны, и пламенное творчество, с другой, создают незыблемый оплот. Даже в самые трудные часы строитель не вправе думать только об экономии, которая из-за негодности допущенных материалов может вызвать взрыв и разрушение. Созидательно мы должны смотреть вперед. Прежде всего скажем о центральном Учреждении нашем. Скажу, как я понимаю Музей наш. Музейон, Музей не есть мертвое хранилище, не сокровище скупца. Музей неразрывен с понятием Культурного Центра. Музей это уже и есть Обитель Лиги Культуры.

В широких планах Культуры нельзя предрешать неизменных ограничений или каких-то заповедных исключительных

владений. Также трудно предрешать каждое начало строительства. В пространстве иногда пролетал термин «Музей Одного человека», и, сознаюсь, всегда такое определение мне не нравилось. Не потому не нравилось, что я был вообще против выявления индивидуальности. Индивидуальность, характер создают стиль, а стиль это есть печать века и ритм Вечности. Мне не нравилось это наименование, потому что в непонимающих умах оно звучало как некое ограничение, между тем в программу нашу именно понятие ограничения не входит. Уже в 1924 году я предложил устроить Отдел американского искусства, который уже тогда посильно начал собираться. Понимаю, что этот отдел не может быть еще выставлен, ибо находится в процессе собирания и части его входят в состав передвижных выставок по штатам, знакомя широкие массы с отечественным искусством.

В 1929 году, вернувшись после долгого отсутствия в экспедиции, мы начали планировать целый ряд отделов. Было положено фактическое начало Восточному отделу, положено основание Русскому отделу, состоящему в ведении нашего Сибирского Общества. Художественный материал, привезенный нашей экспедицией из Монголии и Тибета, лег основой Восточного отдела, а собрание русских икон послужило нуклеусом-ядром для возможности будущего развития Русского отдела. Комната Святого Сергия, комната Святого Франциска, комната мыслителя Спинозы, комната Великого Учителя Оригена, комната Маха Бодхи уже являются началом целого мощного будущего строения Музея религий. Тогда же в 1929-1930 годах мы планировали Отдел итальянского искусства, о чем апеллировали к многочисленной итальянской колонии в Америке, и не наша вина, если сограждане итальянского происхождения пока остались глухи к желанию дать наилучшее представление о великом искусстве Италии.

Но что отложено, не потеряно. По-прежнему мы будем наполнять пространство призывами во имя объединения Культурных сил. Тогда же зародились мысли об отделах Французском, Испанском, Шведском, Финском и целом ряде выявлений Южной Америки. Конечно, продвижение по такому широкому фронту, да еще в столь затрудненное время, не может совершаться так быстро, как хотелось бы. Но мы всегда имеем перед собою первоначальный план наш, а именно, чтобы со временем все здание, в постепенно переустроенном виде, служило разнообразным отделам человеческого творчества, став живым Культурным Центром, предоставленным в народное пользование. Укрепление и развитие именно этого плана стоит перед нами как ближайшая задача нового десятилетия.

Мы будем счастливы приветствовать и секции, посвященные отдельным индивидуальностям, запечатлевая в воображении молодых поколений плоды цельной деятельности, напоминающей и зовущей к синтезу построения будущей жизни. Для роста всех этих многообразных выявлений мы должны обращаться не только к различным общинам и слоям общества, но и к разным странам, которые должны понять, что именно в Америке, где объединилось такое множество национальностей, всякое стремление к синтетичности особенно уместно, и шовинизм не к щиту Америки.

Опять же не будем себя резать какими-то преднамеренными программами того, что именно должно делаться в первую голову. Пусть сама жизнь выявит, где и в чем наибольшая жизненность или подвижность. Сама история нарастаний покажет, которые элементы были наиболее широко мыслящи и строительны. Конечно, в нашей программе не должно быть упущено основание качества делаемого, ведь нации и сограждане, полагаю, будут хотеть представить себя наилучшим образом и закрепить прочно. По счастью, положение наших комнат в здании таково, что сравнительно легко они могут быть обращаемы в единицы, отделяемые и постепенно сообщаемые между собою.

Вспомним уют Клюни, Шантильи и других замечательных музеев в замках и бывших жилых помещениях, которые помогли дать величайшую жизненность и убедительность представленным на обозрение предметам. Наши многообразные Культурные Общества поистине являются хранителями намеченных Отделов. В текущем году возник еще Музей «Урусвати», нашего Гималайского Института, который вносит еще одну важную ноту Синтеза и новым своим аспектом призывает к плодотворному мышлению молодые поколения. Тесно связана жизнь Музея с Институтом Объединенных Искусств, с выставками Международного Центра и с Театром. Как в природе мир растительный взаимно питает друг друга, так и все эти ветви не отягощают ствол и не иссушают корней, но, наоборот, дают новую жизнеспособность всему дереву.

В Институте Объединенных Искусств какое огромное количество новых ответвлений может прибавляться совершенно естественно! Не буду даже вновь перечислять много раз отмеченные нами желанные мастерские по всем родам жизненного искусства, которые могут образовывать полезнейших и просвещенных работников государства. Наша задача лишь привлечь лучших преподавателей и всеми силами создавать лучшие возможности для учащихся, окружая их высококультурной мыслящей атмосферой, конденсированной в таком объединенном Центре, порождающем здоровое творчество, — творчество,

не связанное узкими предубеждениями и прочими последствиями невежества.

По тому же руслу должны развиваться и выставки Международного Центра. В сотрудничестве с индивидуальными творческими силами, с художественными обществами и с правительствами выставки эти должны привлекать лучшие творческие силы и в благодатном многообразии утверждать взаимопонимание и дружественность наций. Памятуем, что путь Красоты есть путь взаимного восхищения и понимания.

По тем же расширяющимся каналам должно идти Издательство наше, без ограничительных запретов приобщая и выявляя истинно культурные сведения о прошлом и устремляясь к Светлому Будущему. За недолгое существование Издательство дало и ряд книг, и бюллетень Музея, и в пространстве уже мелькнула «Орифламма», название художественного журнала. И общественное мнение радушно отметило появление первого журнала «Урусвати», нашего Гималайского Института. Мелькнули мысли и о газете, пришли с вопросами о сотрудничестве с нами многие издания и Учреждения. Пусть по тем же незатемненным Культурным путям живет и ширится наше просветительное Издательство.

Также нельзя не порадоваться и не предвидеть быстрый рост «Урусвати», нашего Гималайского Института. Перед нами уже возносятся стены биохимической лаборатории с Отделом борьбы против рака. Каждый месяц требуются новые вместилища для собраний ботанических, зоологических, археологических и этнографических. Только что успешно завершены экспедиции в Ладак и Лахуль и намечен ряд следующих работ и изданий. Каждая новая находка лишь подтверждает, насколько верно избрано место и правильно развивается план.

Растут наши Культурные Общества, создавая своеобразное полезное единение Культурных сил всех народов. Являются предложения организации новых сообществ.

Уже состоялись кооперация и аффилиация с целым рядом образовательных и просветительных Учреждений. Пусть ширятся и эти каналы деятельности, ибо что же может быть ценнее и привлекательнее, как не кооперация, в которой, слагая воедино опыт накопленных возможностей, полезные начинания взаимно укрепляются и вытесняют из обихода ненавистное нам понятие разложения и разъединения. И так под Знаменем Мира во имя Красоты и Знания — вперед в Новый Путь! Никакие препятствия не могут удержать устремление духа.

Служение Культуре есть благородный подвиг человечества. Обязанность каждого мыслящего во Благо внести свое сотрудничество в общую Чашу эволюции.

Верую!

1931

ПАНТЕОН РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Многие новости Европы неясны за дальностью расстояния. Например, доходили смутные сведения о том, что могила Дягилева на Лидо в забвении, но затем приходили известия о Музее Дягилева, так что, в конце концов, трудно установить, в каком состоянии находятся заботы о русском имени.

Вспоминаю Дягилева как одно из представительных имен Русской Культуры. Без всяких разделений и случайностей сегодняшнего дня подумаем о том, как бы следовало неустанно освещать общее значение Русской Культуры, которая в представлении и Востока и Запада дала такое незабываемое целое. В блеске монгольских мечей Русь внимала увлекательной сказке Востока. На щитах варяжских перенеслись руны романеска, вошедшие благороднейшими знаками на стены русских палат и храмов. Но не только Восток и Запад, но и Юг и Север напитали Русь потенциалом возможностей. Византийская мозаика жизни и уклад Амстердама — все вносило те зачатки Синтеза, которые поверх всех проблем сегодняшнего дня должны сказать каждому русскому, где истинная ценность. Не разрушениями, но созиданиями внесла во всемирный уклад Русская Культура то, что уже на наших глазах создало внимание и оценку во всем мире.

Художественные выступления Дягилева в разных областях искусства показали еще раз, чем мы владеем; и сейчас в культурной работе и Европы, и всех прочих материков принимает участие целая плеяда славных русских выразителей Прекрасного. Без всякого преувеличения можно сказать, что многие сердечные нити связи с Европой и с Америками нерушимо сплетает Русская группа, дружелюбно вошедшая в культурную работу всех стран. Сейчас не только прочно утверждено во всемирном сознании понятие Русского Художества, о котором всего четверть века тому назад и не знали, но и во многих областях создано согласное, дружественное сотрудничество с местными творцами Культуры.

Драгоценно осознавать, как утверждены во всемирном значении славные имена Пушкина, Достоевского, Тургенева, Гоголя, Толстого, Чехова, Мусоргского, Серова, Римского-Корсакова, Скрябина и многих славных. Как и подобает, русская культурная гордость стала гордостью всемирной. Но вот перед нами такая же замечательная плеяда живых утвердителей связи всемирной, живущих созидателей во благо Красоты. Ведь Ша-

ляпин всемирнен, и все его незабываемое тончайшее творчество и художество сделалось символом истинного достижения. Ведь такой прозорливый творец, как Мережковский, внес неповторное культурное понимание прошлого с прозрением в будущее. Без преувеличения, много ли таких творцов писателей, которые глубоко и мудро могут касаться всемирных прозрений? А Ремизов и Бунин, и Бальмонт, и Гребенщиков разве не являются замечательнейшими выразителями сущности русской, убедительной во всем ее характерном многообразии? Ценны знатоки искусства и художники Эрнст и Бушен. Как же бережно должны мы обращаться с такими огромными культурными величинами, как Александр Бенуа, которые и творчеством своим и неутомимым познаванием все время держатся на высоких путях Культуры. Не должны мы забыть, что вошедшие в лучшие страницы истории искусств имена Репина, Сомова, Яковлева, Добужинского, Бакста, Билибина, Малявина, Судейкина, Григорьева, Шухаева, Петрова-Водкина и целого блестящего сообщества таких сильных и прекрасных живущих творцов в самых разнообразных областях всегда останутся ценными и близкими лучшим соображениям о Всемирной Культуре.

Живут и мощный Коненков, и Стеллецкий, и работы их входят в самые разнообразные круги и страны. А кто же не знает Стравинского и Прокофьева, без имен которых не обходится ни одно значительное музыкальное выступление? Какие широкие утверждения Русского Художества будут оставлены прекрасными артистами Павловой, Карсавиной, Нижинским, Мордкиным, Большом, Мясиним и всю славную труппу Московского Художественного театра!

И сколько ни перечисляйте имен выразителей и утвердителей Русского Художества, вы сейчас же будете чувствовать, сколько прекраснейших деятелей еще не упомянуто, и в этом богатстве выражается мощь духа Пантеона Русской Культуры. Во всех веках запомнятся мощные устои Культуры, воздвигнутые научными трудами Павлова, Мечникова, Менделеева, Милюкова, Метальникова, Лосского, Ростовцева, Кондакова и всех тех, которые, несмотря на трудности времени, как бы восстающего против всякого культурного созидательства, вносят незабываемые светлые страницы в утончение всемирного сознания. Труды Бердяева, бар. Таубе, бар. Нольде и целого ряда авторитетов в разных областях высоко несут знамя Русской Культуры. И ведь всем нелегко!

Русское молодое поколение, да и вообще все подрастающие поколения должны знать об этих созидателях Культуры, которая так необыкновенно бодро преуспевает среди смятения сознания нынешних дней. И не только молодежь должна знать об

этих творцах Культуры, но она может черпать и вдохновение, и новые силы, прислушиваясь к голосу неутомимого светлого творчества. В том, о чем говорим мы, есть несомненный элемент подвига и героизма, то есть именно то, что должно быть ведущим началом созидания широкого светлого будущего.

Наше Французское общество имеет в программе своей выявление сил великой Французской Культуры. Было бы невместно, если бы наша Русская ассоциация не стремилась, по мере сил и возможности, запечатлеть и достойно почитать разнообразными культурными выступлениями и русское начало, отмечая среди молодых поколений прекрасные вехи великого пути. В программе наших предположенных лекций, собеседований, брошюр, о чем я уже писал ранее, надлежит посвящать широкое внимание именно культурным достижениям русских. На месте вам виднее, с чего именно начать и какое сотрудничество установить с тем, что творится во имя Культуры.

Как и во всех прочих делах, главное условие не ссориться, не делиться бессмысленно, не самоуничтожаться в разложении. Объединяющее понятие Культуры должно достаточно удалить все мешающее и слить в одно творящее русло все чаяния, действия и сознания. Буду с нетерпением ожидать сведений о том, как вы решили поступить с этим предложением. Решили ли вы делать лекции в помещении нашего Европейского Центра или в каких-либо других местах, при объединении культурных воздействий. Все равно где и как, но лишь бы во имя Культуры произошло еще одно действие, неотложное и прекрасное. Прилагаю еще чек к фонду наших выступлений во имя Культуры.

1931

СТРАЖА МАТЕРИ МИРА

Федерации Женских Клубов штата Нью-Йорк

Поистине, прекрасно сказала председательница мощной Женской Федерации В.Д.Спорборг от имени полумиллиона женщин, представительницей которых она выступила на собрании, посвященном Знамени Мира, 24 марта в нашем музее. Она как истинная просвещенная водительница выразила дух женщины Америки. Она сказала: «Мы верим, что взаимные интересы, в которых сходятся народы, представляют культурные необходимости во всех художественных и научных видах.

Ибо Н.К.Рерих, покуда мирная машина заменит военную систему, предлагает эту чудесную идею охраны всего просветительного, художественного и религиозного так, чтобы эти ценности могли быть пощажены даже во время войны. Но я вполне уверена, что он говорит не только о войне, он имеет в виду просветительную работу среди всех наций... Мы внимательно изучали положение и готовы приложить все силы духа и все наше влияние к тем движениям, которые начал Н.Рерих. Знайте, что мы — я говорю от полумиллиона организованных женщин — неуклонно поддерживаем вашу организацию и мы считаем за большую честь, что можем сегодня присоединить наше приветствие...».

Слова эти навсегда запечатлеются на скрижалях женского подвига, который возвышается под вечным символом Великой Матери Мира. Вдохновительно услышать, как широко поняла представительница Женских Организаций охранение культурных сокровищ. Именно как нужно, вовремя она подчеркнула, что творения духа человеческого, столь необходимые всемирному прогрессу, нуждаются в охране не только во время войны, но и каждодневно. Да, воспитание всех народов в истинной Культуре совершится под Знаменем Мира, ибо Мир и Культура нераздельны. Кто же, как не женщина, внесет в дух человеческий высшее понятие, Культуры? Это она, от колыбели, через все фазы жизни, до высшего управления народами, терпеливо и неусыпно вносит понятие Культуры в жизнь славной эволюции.

О высокой миссии женщины сказано много, но теперь пришло время действия. Это вполне естественно, что именно женское сердце отзывается на все зовы Культуры и Мира. Драгоценно мне видеть, что именно женщина понимает, насколько мой зов направлен к общему преображению культурной жизни. Мы можем торжественно поклясться неустанно служить великой задаче. Мы знаем, что невежество неизбежно будет огрызаться на все, связанное с Культурой, ибо невежда и Культура так же различаются, как Свет и тьма. Мы знаем эту злобу невежд, но она лишь мостовая для подвига. Вся история учит нас, что такая мостовая очень пригодна для постройки на ней памятников Красоты и Знания. Та же история человечества учит нас, что невежество противоположно всему истинному и творческому. Потому атаки невежества не только не будут мешать нам, но вдохновят нас. Мы знаем, что каждое нагнетение рождает энергию, и мы должны быть достаточно образованными, чтобы уметь использовать это обстоятельство. Разве не чудесно осознать, что вы имеете против себя лишь карликов невежества? Кроме невежд, кто может противиться Культуре? И кто же будет злобствовать на мечты о Стране Культуры? Кто может быть обеспокоен, если кто-то заботится об охране

сокровищ человеческого гения? И кто осмелится сказать, что не нужно стремиться к Культуре и что для Культуры уже достаточно сделано? Поистине, только очень темный, очень глубоко невежественный может препятствовать стремлению к Культуре.

Знамя Мира вызвало симпатии многих лидеров разных стран. Мы слышим о симпатиях Гаагского Трибунала. Представители Музеев и прочих Культурных Учреждений восторженно отзываються. Особая Конференция созывается в Брюгге, и творится Лига Городов как оплот для Культурных сокровищ. Как мы и ожидали, идея растет безгранично, и сердце человеческое отзывается на всемирное понятие Культуры. Драгоценно сознавать, что и в наше сложное беспокойное время идея Культуры может иметь такое водящее значение. Этим создается славная веха на пути человеческого восхождения.

Говоря о женском участии в этой великой культурной работе, мы не должны забыть слова глубокой древности: «Перечисляя подвиги женщин, мы напишем историю всего Мира. Перечисляя экстазы озарения, мы перечислим глаза женщин. Изучая сотрудничество, мы увидим руку женщины». Подвиг, вдохновение, сотрудничество — все эти сокровища женщина приносит Культуре. В этом заключается залог того, что Древо Культуры глубоко проникнет во всех направлениях и будет мощно питаться лучами мировых понятий.

Культура не может цвести без энтузиазма. Культура окаменеет без огня, верности и преданности. Культура обеднеет без ежедневного труда, без сознательного приношения. Культура умолкает там, где сердце немое. И что же может быть прекраснее, нежели мирный, всепонимающий язык сердца? Не мечтатели мы. Повторяем, когда мы говорим о Культуре, мы все реалисты, позитивисты, для которых прогресс человечества особенно драгоценен и неотложен. Мы не имеем права думать, что каждодневная работа может препятствовать нашим Культурным стремлениям. Наоборот, каждая рутинная работа преобразится и облагородится в осознании Культуры. Истинно, чую, что В.Д.Спорборг возглавляет мощное войско женщин — высочайших башен Америки. Высота этих башен устремляется вверх, и дух человеческий обязывает священно хранить основы истинного прогресса. Человечество уже достаточно знает различие между Культурой и цивилизацией. Избранные знают, насколько цивилизация может иногда вымереть, но семена Культуры сохраняют свою вечную жизненность. Башни стоят как маяки человечества.

Если каждый член Женской Федерации вдохновит лишь десять своих друзей мыслями о Культуре, то сколько миллионов новых носителей Культуры окажется. Мощный магнит Культуры вдохновит и обновит жизнь их семей, их организаций.

Какое прекрасное паломничество во имя Культуры может быть так легко представлено. Не Вавилонская башня — символ рассеяния и разделения, но всеобъединяющая Башня Света, где мы можем объединиться в едином могучем языке сердца, является нашим обоюдным достижением.

В этом языке сердца мы приветствуем вас, светоносное воинство женщин! Честь вашему несломимому энтузиазму! Во имя Гималаев, этих светлых высот, мы приносим наше чистосердечное сотрудничество и приветствуем в радости общих стремлений к самым прекрасным и самым нужным достижениям человечества.

С вами мы достигнем!

1931

СОБИРАНИЕ

Издrevле собрание являлось признаком устойчивости и самоуглубленности. Очень поучительно обозревать от наших дней до глубины веков различные способы собирания и изучения искусства. Опять, как и во всех спиральных нарастаниях, мы видим какие-то почти завершающие круги, но иногда почти неуловимое повышение сознания создает новую ступень, которая отражается на многих страницах истории искусства. Мы видим, как чередуются специализация и синтез. Обобщительные собирания, сложенные внутренним сознанием собирателя, сменяются почти аптечной классификацией, в педантичности иногда уничтожая всякий огонь новых открытий. Еще не так давно считалось бы дилетантством комбинировать готические примитивы с ультрасовременными исканиями. Даже считалось бы непозволительным иметь просто коллекцию красивых медалей и монет. Педантизм заставил бы сократить кругозор лишь на известной эпохе, ограничив известным типом и характером предметов. Таким порядком сияющие красками иконы и примитивы превращались уже в иконографию, где описательная часть решительно затемнила весь истинный художественный смысл.

Таким порядком еще недавно история искусств преподавалась как собрание житейских анекдотов, а рассуждения о скульптуре и технике живописи сводились к перечню пропорций и механике построения, отталкивая и отвлекая внимание от существа творения. Даже начали появляться странные руководства, в которых можно было натолкнуться на такие необык-

новенные главы: «Как написать осла», и при этом рекомендовалась какая-то несуществующая серая краска. Помню, как-то внимание привлек на пароходе характерный спор между матерью и маленькой дочерью, причем мать серьезно уверяла, что перед ними вдалеке гора черная, а малютка непосредственно утверждала, что она синяя. Думается, не были ли засорены глаза матери изучением какого-то руководства о том, как писать ослов.

Какая это радость для детей, если в родном их доме они с малых лет встречаются с предметами истинного искусства и с серьезными книгами. Конечно, необходимо, чтобы эти художественные предметы не переставали жить и не показывались бы в этом жалком положении, иногда по целому десятку лет оставаясь вверх ногами, — значит, душа собирателя давно отлетела на кладбище, а преемники его почему-то нравственно ослепли.

В самые последние годы нам неоднократно приходилось радоваться вновь появившейся синтетической системе собирания. Не боясь прослыть эксцентриками или дилетантами, чуткие собиратели начали составлять свои сокровища из разнообразных предметов, связанных внутренним смыслом. Так — самые новейшие картины могли комбинироваться с теми мастерами, которые в свое время проявляли яркое горение к обновлению смысла творчества.

В новейших собраниях можно видеть таких гигантов обновленных исканий, как Эль Греко, Джорджоне, Питер Брейгель и вся благородная фаланга не боявшихся в свое время оказываться искателями и новаторами.

И как убедительно среди новейшей живописи оказывались формы романского характера, и сотрудники Джотто и Чимабуэ, и новгородские иконы, и древние китайцы.

Все условности разделения и разграничения спадали, и перед вами, как маяки, светились сопоставления творческих и духовных находений вне условных границ народов. Если же обстоятельства не позволяли вносить в дом самые оригиналы, то или эскизы или даже толково исполненные воспроизведения могли вводить в мир возвышающий, позволяющий светло мечтать о завтрашнем дне.

Мне уже приходилось писать о трогательных собирателях, начавших свою творческую деятельность еще со школьной скамьи. Вероятно, многие художники вспомнят также, что приходилось испытывать и мне, когда иногда совершенные малыши приходили ко мне на выставки и, скромно протягивая один доллар, просили дать им взамен какой-либо набросок.

Другой случай был еще более трогательным, когда учащиеся одной школы между собою сделали подписку на приобретение картины. Значит, где-то уже зашевелилась и обозначилась Дей-

ствительность, и вместо словесной легкомысленности они хотели перейти к факту, к осязательному действию. Без этого повелительного импульса к осязательному действию сколько легкокрылых мыслей-бабочек опалается в порхании.

В разных странах мы можем помочь опытом и советом в вопросах начинающегося собирательства. Это одно из наших ближайших обязательств — открыть дверь робко стучащимся. И еще раз не только открыть, но и разъяснить им, чтобы они стучались бодро — без предубеждения, что пользование искусством лишь удел богачей. Нет, это прежде всего удел светлых и бодрых духом, которые стремятся украсить существование свое и вместо мертвенного азарта игры решили усилить себя проявлениями человеческого духа, который, как бесконечное динамо, животворяще напитывает все сделанное им. Сколько радостей на этом пиру творчества! Сколько потемок в жизни может быть так легко заменено сияющими лучами восхищения. Наша святая ответственность — помочь этому.

Мы говорим о собирательстве. Кто-то усмехается: время ли? Когда даже наиболее богатые страны подавлены ужасом от общего кризиса, время ли говорить о художественных ценностях? Но ответим ему твердо и сознательно — именно время.

По нашим последним сведениям, несмотря на жестокий кризис в Америке, цены на художественные произведения не упали, и мы не удивляемся этому и даже считаем это характерным признаком действительности кризиса.

Мы видели, как во время самых суровых потрясений в России, в Австрии, в Германии именно художественные цены сравнительно стояли твердо. В некоторых случаях именно художественные ценности вывели целое государство из финансовых затруднений. Мы бережем этот неоспоримый факт как доказательство истинной валюты человеческого духа. Когда все наши условные ценности потрясены, сознание людей инстинктивно обращается к тому, что среди эфемерного является относительно более ценным.

И духовные творческие ценности, пренебреженные во время торжества желудка, опять являются прибежищем. Поэтому говорить о росте духовного творчества, утверждать о собирании и о хранении всегда уместно, но особенно нужны они, когда эволюция переживает трудные моменты, не зная, как решить наросшие проблемы. А решить их можно только в Духе и в Красоте.

В 1921 году в адресе о значении искусства я указывал формулы, потом вошедшие в мотто Международного Художественного Центра Музея. Говорилось: «Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания Культуры при-

близилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже земные люди поняли действительное значение Красоты».

А кончалось это обращение: «Не на снежных вершинах, но в суете города теперь мы произносим эти слова. И чуя путь истины, мы с улыбкою встречаем грядущее».

Говорилось это на основании тридцатилетнего опыта. Сейчас прошло еще десять лет. Изменились ли данные формулы? Нет. Опыт многих стран подтвердил и даже усилил сказанное. А ведь мы должны основывать все заключения именно на опыте. Теория для нас — лишь следствие практики. И та же практика подсказывает нам ту счастливую улыбку, которою мы должны встречать будущее. Если бы именно улыбка знания и мужества сделалась бы знаменем наших собраний! Для приложения знания мы объединяемся, и каждая крупинка знания пусть одухотворяет нашу улыбку.

1931

CANIMUS SURDIS

«Canimus surdis!» — скорбно восклицает великий поэт Италии. Опять целый ворох сведений! И все о том же!

Вот приостановление издательства в Германии. Вот денежные затруднения в научном мире Голландии. Вот нужда в Болгарии. Вот конец журнала в Калькутте. Вот временное закрытие музея в Детройте. Вот потрясающие цифры безработных в Америке. За один последний месяц в одном Чикаго разрушилось тридцать восемь банков. Вот трудности в Швеции. Вот невозможность существования прекрасно задуманного детского театра. Вот невозможность увековечить историческое событие. Вот прозорливый Уэллс предупреждает о спешной необходимости строить новый Ноев Ковчег для спасения Культуры и цивилизации. Бесконечна подавленность. Бесконечны сведения несчастья из писем и газет. Всюду какие-то темные силы обрушиваются прежде всего на культурные проявления. Точно бы именно Культура мешает им довершить адски задуманное разложение мира.

* Поэм глухим (лат.)

Среди этих всплесков хаоса раздаются единичные голоса, мечтающие, чтобы все по мановению стало по-прежнему. Болдвин советует: «Покупать мудро и широко!». Нью-Йоркский «Тайме» помещает крупные заголовки: «Возрождение торговли необходимо, чтобы положение безработицы улучшить», «Требуется нормальная покупка». Глава советует: «Покупайте автомобили». Чего лучше?

Именно, пусть положение десяти миллионов безработных улучшится! Пусть водворится радостное приобретение. Но ведь эти призывы пенятся, как волны о скалы. Из пены может быть выделен ценный продукт! Может быть, но пока хлещут волны новых бедственных сведений, ревущих в свирепости своей против Культуры.

Даже доброхотные обыватели начинают шептать: «О Culture ли думать?», «Где тут цивилизация, когда есть нечего». Большие, сильные люди борются с океанскими волнами культурных невзгод. Посмотрите, что пишет кровью сердца известный прекрасный писатель: «Наше личное положение неописуемо тяжело. Однако бьемся из последних сил, храня веру и дух бодрости и любовь к искренним друзьям. Единственный плюс в нашем положении — это полное отсутствие боязни завтрашнего дня, потому что он хуже сегодняшнего быть не может. Но изнемогли и постарели еще на десять лет. Все же стоять и быть под ярмом долгов сплошь восемь лет и не иметь возможности делать то, что главнее всего, — это надо быть какими-то железными или задубелыми в упорстве. Гибель мира надвигается».

Этому сильному славному подвижнику отвечено: «На перекрестке были спрошены прохожие, чем они строят век будущий? Один огрызнулся: «ядовитыми газами». Другой прошептал: «подводными лодками». Третий захохотал: «понижением фондов». Четвертый: «гольфом». Пятый: «наркотиками». Шестой: «на мой век хватит». Седьмой утвердил: «Культуру».

Разве не чудо, если из семи прохожих один все-таки вспомнил о Culture. Не только вспомнил, но и не постыдился сказать такое для некоторых неудобное слово. Может быть, одним этим словом прохожий навлек на себя гонение?

Но все же чудесно, если даже среди сутолоки перекрестка произнеслось это священное, вдохновляющее, ведущее ввысь понятие.

Мой друг думал, что на сотню прохожих не более одного вспомнит о той основе, которая создавала все расцветы, все радости, все благосостояние, все мужество и все подвиги.

Если бы давалась эта панацея без труда, не на краю пропасти, не у креста, не у чаши яда — она и не была бы тем драгоценным камнем, основой жизни. Если благословенны труд-

ности, то прежде всего благословенны они во имя Культуры, воплотившей и Свет, и Служение, и неуклонность подвига, и красоту, и познание.

Если препятствия хранят в себе потенциал возможностей, то именно трудности во имя Культуры расцветают серебряным Лотосом. Лишь бы не обронить Камень и не расплескать Чашу. Беспредельность не имеет конца. Не отвлеченность, но жизнь. Сейчас несчастий больше, чем удач, ибо человечество отступилось от Культуры. Человечество перевело насущность Культуры в роскошь. Никто не признает, что сейчас нормальное время. Даже разбойные рэкетеры, и те понимают аномальность условий и ухищряют свои грабительские уловки, чтобы использовать час затмения. Но ведь молодых сердец, откликающихся на все светлое, немало. Только нужно осознать, насколько спешно необходимо обратиться ко всему Культурному, облагораживающему вкус и все стремления жизни. «Хоть, и не часты сознательные борцы за Культуру, но тем больше признательности и чести им, хранящим истинные сокровища человечества. Они, как антенны, звучат по миру и воспринимают, и шлют зовы благородства, утонченности и созидательства».

«Вспоминаю, когда в Монголии экспедиция чудесным образом вышла из опаснейшего положения, то седой бурят, торжественно подняв руку, закричал: «Свет побеждает тьму». Это уже не отвлеченность, не мечтание, но прозорливый житель пустыни понял реальность Великого Света и понял, что в конце концов тьма осуждена на поражение. И так идущие со Светом все-таки победят, но колеблющиеся могут быть втянуты в бездну тьмы».

Неужели же столько глухих?

Часто кажется, точно бы пути Культуры и условия обихода разошлись. Но если разошлись рычаги одной и той же машины, то, естественно, нельзя же ожидать полного хода, — нельзя же избавиться от губительных перебоев.

Даже детский разум понимает, что просвещение, образование, Культура составляют огонь, топливо двигателя.

Троглодит вопит: «К черту культуру, деньги на стол». Но на то и троглодит, на то его место в пещере, но не в трапезной Культуры.

Троглодит даже среди разорения находит золото, чтобы купить себе кровавое зрелище боя быков, петушиного боя, зрелище разбития скул, вывихов рук, похоти, конской гоньбы. Для этих развлечений деньги найдутся. Даже найдется лицемерное оправдание в бормотании о физическом здоровье. Но как только подойдем к вопросам облагораживания вкуса, творчества, к восхождениям духа, тут и уши, и глаза закрываются. И вы понимаете, откуда произошла старая французская поговорка:

«Особенно глух, кто не хочет слышать». Знал таких глухих и венузинский поэт, восклицавший «глухим поем».

В то же время проскальзывают сведения о новой пуле, пробивающей любую броню, о новых наспинных щитах для подползаний, о новых, особенно смертельных газах и о прочих «человеколюбивых» приспособлениях.

На тех же страницах раздаются голоса возмущения против всего братоубийственного. Но троглодит хохочет, ибо ему удалось разъединить провода двигателя. Мрачные Альберих и Миме думают, что пришло их царство, когда все связанное со Светом будет посрамлено, а сатана, даже не трудясь восходить на гору, получит все им желаемое.

Появление троглодитов страшно. Оно не преувеличено. Объявления бальных платьев, празднества, и обеды, и призы скачек не покрывают несчастий. В каждой газете пестреют сведения о сокращениях и прекращении культурных мероприятий.

Троглодиты торжествуют этим, думая, что их доктрина брюха и похоти, наконец, восторжествует поверх прочих условий. Складываются особые интернационалы Света и тьмы. Никакие призовые фанфары не заглушат Армагеддона.

Но разве не последний час именно теперь объединиться всем, для кого Культура не звук пустой? Разве не последний час, чтобы остановить пресечение ценного, творческого, молодого?

Если речь пойдет о желудке, похоти, спекуляции, то, пожалуй, еще вас признают искренним, но всякая попытка обратиться к Красоте, Знанию, смыслу жизни будет сопровождена недоверием, подозрением в неискренности. Вы скажете, что поговорка «человек человеку волк» тоже не от вчерашнего дня, и луна и солнце все те же.

Правда, другой поэт давно сказал: «...Равнодушная природа красую вечною сиять» и «К добру и злу постыдно равнодушны». Но ведь это строки о равнодушии относились к людям, знавшим, казалось бы, гораздо меньше людей нашего времени.

Сейчас даже и природа не совсем-то равнодушна. Даже в далеких горах толкуют о необычных землетрясениях, извержениях, о солнечных пятнах. А институт, учреждаемый в Ницце, почти астрологическим языком толкует о воздействии на людей солнечных пятен, если верить последнему сообщению «Матэн».

Но не от солнечных пятен современное гонение на Культуру. И пятна на людской совести за безответственность вовсе не от солнца. От тьмы, от невежества эти пятна безответственности.

«Невежество — величайшее преступление» — так сказано в древнейших заветах. Тот, кто решается сказать: «К черту Культуру», — есть величайший преступник. Он есть растлитель грядущего поколения, он есть убийца, он есть сеятель мрака, он есть самоубийца. «Глухим поем», — скорбно ужасается поэт Италии. Но поэт «Бэды-проповедника» отвечает космической бодростью:

Замолк грустно старец, главой поникая.
Но только замолк он, от края до края
«Аминь» ему грянули камни в ответ.

1932

КАЧЕСТВО

«Если хочешь опередить свою тень, обратись лицом к солнцу, брат, делай все лучше, трудись радостнее».

В известный период синтеза деятельность должна сконцентрировать качество выявления. Количество, как известные массовые вестники, может быть иногда допустимо, но движение Культуры никогда не запечатлевалось ни количеством, ни большинством.

Высокое качество и изысканное меньшинство всегда были двигателями настоящих достижений Культуры. Очень часто даже в хороших речах и писаниях о Culture проскальзывает, что Культура начинается там, где люди знают, как использовать досуги свои. Это может быть верно лишь постольку, поскольку мы условимся в понятии досуга. Если под досугом мы поймем все время вне нашей рутинной работы, как мы иногда называли ее — временем труда — пранаямы, тогда так называемый досуг явится лишь средоточением на изыскании высокого качества всей нашей деятельности. Сконцентрированные качественные удары собранной энергии, прекрасно звучат они в пространстве и пробуждают звучанием своим сердца народов.

Качественность пробуждает и другую, столь необходимую в эволюционных процессах особенность: она пробуждает действительную ответственность за все исходящее, хотя бы в одном утверждении или предупреждении, хотя бы оно являлось новою фазою утончения чего-то, казалось бы, уже известного. Величайшая драма часто скрывается в этом будто бы уже известном. Это «известное» попадает в тот разряд общепринятости, о ко-

тором люди более и не помышляют, иначе говоря, не только не утончают, но и не возвышают более эти понятия.

Устремление к качественности обратит нас ко многим аксиомам жизни, которые придется опять вернуть к проблемам, настолько они требуют утончения, обострения и устремления с новых точек нашего бытия, «Non multa, sed multum», этот мудрый совет давался тоже в известные периоды деятельности. Нельзя начинать знаменование Культуры с молчания. Молчальники-отшельники уходили от мира лишь после известной деятельности, когда само их молчание являлось уже громовым духовным зовом и целением немощей.

Как прекрасно сосредоточенное ответственное движение резца ваятеля, который после грубого оформления подходит к выявлению тончайших покровов, причем малейшее отступление верности руки наносит непоправимое искажение. Пока ваятель находится в сфере первобытных оформлений, рука его может позволить себе иногда или слишком углубленный или поверхностный, извилистый удар резца. Но когда он подходит к окончательному выражению, преступить которое значило бы вернуться к хаосу, то творческий энтузиазм его возвышается и великою ответственностью за каждое движение его руки. В это время ваятель, может быть, еще чаще отойдет от своего произведения, чаще взглянет на него с разных углов зрения, чтобы, приблизившись, запечатлеть неповторяемое прикосновение. Там, где в первые дни работы ваятель мог и словесно выражать свои намерения, там при завершительных ударах он больше молчит, углубляется, зная, что он ответит за все им завершённое.

Качественность, воздвигнутая всем комплексом обстоятельств, вносит в дело строения особую духовную радость. Переходящий горный поток не может позволить себе ни единого неверного движения. Также следуя по струне через бездну, мы как бы даже теряем часть нашего физического веса и, сердечно прикрепленные к духовным нитям, почти перелетаем гибельные пропасти.

Назовете ли это энтузиазмом, или возвышением духа, или совершенством качества всех движений и помыслов, или высочайшею торжественностью всех чувств наших — безразличны эти наименования. Тот, кто не поймет торжественности в любви, торжества качества, тому и все прочие наименования будут лишь камнями, грохочущими в горном потоке.

Не в грохотании звонких слов лежит суждение о высоком качестве. В собранной торжественности сердца решается это судбище вечности. Если мы дерзаем произносить слово Культура, значит, прежде всего мы ответственны за качество. Корень слова Культура есть высшее служение совершенст-

вованию, но это и есть наше обязательство по отношению к бытию.

В накоплении качества ничто не будет не предусмотрено, ничто не будет забыто и, конечно, ничто не будет своекорыстно извращено. Крупное ли, мелкое ли своекорыстие так внедрено в жизнь человечества целыми веками извращений и отрицаний, что своекорыстие является одним из главных врагов всего совершенного поверх личного качества.

Как-то рассуждалось в печати о том, не было ли в подвигах, запечатленных человечеством, какого-то своекорыстия? Вопросалось — не было ли в действиях пастушки Жанны д'Арк какого-либо движения самости, когда она утвердилась на мысли о спасении целого народа? Эти соображения могут приходить в голову лишь людям, в существе своем своекорыстным. По их мнению, не только подвиги, но даже и дела повседневного благотворения, конечно, вызваны лишь разными степенями самости и своекорыстия.

Таков закон людей бессердечных, которые, судя по себе, полагают, что все доброе творится или для своекорыстия, или для каких-то земных личных возвышений, забывая, что эти земные цветы однодневны, как и пышные цветы кактуса. Бросая всему обвинение в своекорыстии, прирожденные своекорыстники начинают безумствовать и над Культурою. Они говорят: «Нам недоступны пути святости», точно бы обязанности перед Культурою уже были какими-то святыми достижениями.

Кощунственники всегда будут ненавистную им реальность забрасывать за облака недостижимости, чтобы тем легче навсегда отвязаться от нее. Они же охотно будут покровительствовать кулачным боям, бою быков, состязанию на скорость, доведенную до бесцельности. Они выдвинут все физические грубейшие выявления, лишь бы хотя отчасти стереть значение всего изысканно творящего. Они готовы передать Храм в руки торгашей, надеясь, что, по нашим временам, некому будет изгнать их из Святилища и поддержать то, чем жив дух человеческий.

По счастью, пути совершенствования и высокого качества в существе своем лежат вне рук торгашествующих. О качестве мыслит меньшинство. О качестве может мыслить молодое сердце, пока не загрязнено. По каким бы закоулкам ни вздумало бродить человечество, процесс качества все-таки будет совершаться! Все-таки совершится, ибо подвижничество живет в сердце утонченного духа. Вне опубликованных законов находятся накопления утончения.

Но не будем входить в сферы несказуемые. Сейчас нужно твердить именно о вполне сказуемом понятии качества во всех

действиях, во всей производительности. Не устремленные к качеству пусть лучше и не говорят о Культуре.

Культура вовсе не модное, стильно фешенебельное понятие. Она есть глубочайший устой жизни, скрепленный высшими серебряными нитями с Иерархией Эволюции. Потому-то осознавшие стремление к качеству не боятся насмешек и повторяют словами Апостола Павла: «Когда вы думаете, что мы мертвы, мы все-таки живы». И не только живы, но каждый, устремленный к Культуре, иначе говоря, к качеству, находит в себе неиссякаемый источник сил и противостояние всему злобному и разрушительному. Он-то может повторять мудрое изречение: «Благословенны препятствия, ими растем». Для него каждое выявление препятствия есть возможность возвышения качества.

Чем же будет преоборена грубейшая форма, как не излучением духа, сказавшимся во всем качестве, в качестве каждого действия, каждого дня, каждого помысла. Итак, стремясь к высшим формам цивилизации, дерзая мыслить даже о Культуре, не забудем, что жизненность стремления создается из высокого качества всех действий.

Не мечтать во снах, но выявлять в жизни обязывает нас ответственность перед Культурой. И эта ответственность, поистине, распространяется не на какие-то заоблачные мечты редких праздничных дней, но должна быть запечатлена во всей каждодневности. Качество, красота, торжественность в любви во всей неустойчивости и беспредельности ткнут несломимые крылья духа. Качество, качество, качество! Во всем и всегда!

Конечно, всегда найдутся и сатанинские твари, которые на все духовное, на все прекрасное прошипят: «К черту культуру, деньги на стол». Но не завидна мрачная участь таких сатанистов. По счастью, «Свет побеждает тьму».

Но какие же сердечные выражения приветия послать тем, кто бескорыстно, самоотверженно борются за Культуру! Как не приветствовать тех, кто благородною борьбою своею помогают государству вписывать незабываемые страницы лучших достижений! Ведь эта борьба, как борьба с самою сгущенною темнотою, необычайно трудна, но зато она и составляет тот истинный подвиг, который запечатлевается навеки и составляет лучшие путеводные вехи молодым поколениям.

Благородное стремление создает и неиссякаемость сил и растит тот светлый энтузиазм, о котором горят глаза и звучит сердце человеческое. Во имя бездонной Красоты сердца человеческого и сойдемся и укрепимся в светлой победе Культуры.

1932

ТВЕРДЫНЯ ПЛАМЕННАЯ

В книге «Сердце» старая китайская сказка говорит о великане заоблачном и о карлике-пересмешнике. Уявлен великан, стоящий головою выше облаков, и карлик насмехается, что великан не видит мира земного. Но великан сносит все насмешки, говоря: «Если захочу, могу ползти по земле, но ты никогда не заглянешь за облака».

На одном университетском торжестве Крукс сделал известный доклад свой о мировоззрении с точки зрения великана и карлика. Ученый провел замечательные параллели преломления законов в возможностях антиподов. Также антиподные суждения образуются и около понятия творчества в личном преломлении. Но, как и во всем, лишь наибольшие меры соответствуют вершинному понятию жизни. Мысля о творчестве, надо признать наибольшее, наисветлейшее и наисвязующее.

Субстанция есть чувство. Также и творчество есть выражение сердечной энергии. Как прекрасно, когда эта могущественная энергия осознана, воспитана и приведена в действие. Сколько неосознанных и непримененных возможностей расплескивается в бездну хаоса! Не часто люди отдают себе отчет, что творчество выражается не только в механических проявлениях, но гораздо больше, могущественное вечное мысленно изливается во благо мира. Стрелы благие и прекрасные часто понимаются лишь как какой-то древний символ! О значении и мощи мысли начали думать так недавно! О сердце и излучениях наука лишь начинает мыслить!

«Дети, любите друг друга», — так заповедуют Высшие и Лучшие. Для любви надо открыть и воспитать сердце. Но где же доступ, кроме ключа Прекрасного? Духовность, религиозность, подвиг, героизм, доброжелательство, мужество, терпение и все прочие огни сердца — разве не расцветают они в Саду Прекрасном?

Не для слез и отчаяния, но для радости духа созданы красоты Вселенские. Но радость должна быть осознана, а без языка сердца где же раскинет радость светоносный шатер свой? Где же, как не в сердце, твердыня радости?

Осознавший область сердца неминуемо пристаёт к берегам творчества. Как бы этот путник духа ни выражал свое творительство, оно будет в основе своей тем же единым самоцветным камнем, о котором поют все лучшие сказания человеческие. Благочестивый мейстерзингер Вольфрам фон Эшенбах поет о том же драгоценном камне, о котором говорит и незапамятная мудрость Дао.

Ведь неизбежно нужно где-то и как-то встретиться! Ведь когда-то нужно покинуть звериные привычки. Ведь сердце-то тоскует по Храму Прекрасному, по Иерусалиму Небесному, по Светлому Китежу и по всем горним Обителям Духа.

Каждое отвращение от Прекрасного, от Культуры приносит разрушение и разложение. Наоборот, каждое обращение к Культурному строительству создавало все блестящие эпохи Ренессанса.

«Повторять об одном и том же мне не тягостно, а для вас полезно», — пишет Апостол Павел. И звучит эта черта знания духа человеческого не как гробовой укор, но как улыбка мудрости. Именно, до рисунка на мозгу нужно твердить о насущности Культуры. Нужно твердить во всех возрастах, во всех положениях, во всех народах.

Пока Культура лишь роскошь, лишь пирог праздничный, она еще не перестроит жизнь. Может ли сознание среди каждодневности обойтись без книг, без творений красоты, без всего многообразного Музейона — Дома Муз?

Культура должна войти в ближайший, каждодневный обиход как хижины, так и дворца. В этом очищенном мышлении понятно станет, где оно самое нужное, неизбежное и где лишь наносы проходящих волн. Как благостно касание крыла Культуры, благословляющего колыбель на подвиг и несущего отходящего путника в просветленном сознании! В несказуемых, неизреченных мерах облагораживается он касанием Культуры. Не смутный туманный оккультизм и мистицизм, но Свет Великой Реальности сияет там, где произошло просвещение Культуры.

С песнею входит друг. Художник являет качество духа своего в картине. Взаимно убеждаемся и радуемся на всех проявлениях творчества.

Если даже звери преклоняются перед звучанием, то насколько же оно нужно сердцу людей и в звуке, и в цвете, и в форме.

Не может человечество продолжать низвергаться по пути расчленения и ненависти, иначе говоря, спешить к одичанию. Стойте, стойте, уже и пропасть близка!

Соберемся вокруг понятия Культуры, вокруг Великого Служения Свету. Познавая единость Высшего Света, найдем и способность не укорять, не унижать, не злословить, но славословить Красоте Всевышней.

Разрушительная критика дошла до пределов. Словарь зла, и поношения, и унижения возрос до непереносимости. Но дух человеческий и в темнице своей взывает о радости, о строении, о творении.

Помню, как Пюви де Шаванн находил искреннее, благое слово для самых различных произведений. Но не забуду, как известный художник Р. обходил выставку лишь с пеною поношения. Однажды бросилось в глаза, что Р. останавливался гораздо дольше около поносимых им произведений. По часам я заметил, что три четверти часа ушло на ругательство и всего одна четверть на радость. Провожая художника, я заметил: «Знаю, чем задержать вас дольше! Лишь ненавистными для вас вещами». При этом ругательства Р. были весьма изысканны, а похвалы очень бедны и сухи. Конечно, в творчестве Пюви де Шаванн был несравненно выше Р. Не из благодати ли творческой исходила благость суждений Пювиса?

Зачем разделяться и злодействовать там, где заповедан общий восторг, общая радость творчества?

Бесчисленны от незапамятных времен Заповеди о Прекрасном. Целые государства, целые цивилизации складывались этим великим Заветом.

Украсить, улучшить, вознести жизнь — значит пребывать в добре. Всепонимание, и всепрощение, и любовь, и самоотвержение создаются в подвиге творчества.

И разве не должны стремиться к творчеству все молодые сердца? Они и стремятся. Нужно много пепла пошлости, чтобы засыпать этот священный пламень. Сколько раз одним зовом «Творите, творите!» можно открыть новые врата к Прекрасному.

Сколько дряхлости сказывалось в ледящей программе: сперва научусь рисовать, потом перейду к краскам, а уже затем дерзну на сочинение. Бессчетно успевал потухать пламень сердца, прежде чем ученик доходил до запретной двери творчества!

Но зато сколько радости, смелости и бодрости развивалось в сознании с малых лет дерзнувших творить. Как заманчиво увлекательны бывают детские сочинения, пока глаз и сердце еще не поддались всепожирающим условиям стандарта.

Где же условия творчества? В непосредственности, в повелительном трепете сердца, позвавшего к созиданию. Земные условия безразличны для призванного творца. Ни время, ни место, ни материал не могут ограничить порыв творчества. «Хоть в тюрьму посади, а все же художник художником станет», — говаривал мой учитель Куинджи. Но зато он же восклицал: «Если вас под стеклянным колпаком держать нужно, то и пропадайте скорей! Жизнь в недотрогах не нуждается!». Он-то понимал значение жизненной битвы, борьбы Света с тьмою.

Пришел к учителю с этюдами служащий; художник похвалил его работы, но пришедший стал жаловаться: «Семья, служба мешают искусству».

«Сколько вы часов на службе?» — спрашивает художник. «От десяти утра до пяти вечера». — «А что вы делаете от четырех до десяти?» — «То есть как от четырех?» — «Именно от четырех утра». — «Но я сплю». — «Значит, вы проспите всю жизнь. Когда я служил ретушером в фотографии, работа продолжалась от десяти до шести, но зато все утро от четырех до девяти было в моем распоряжении. А чтобы стать художником, довольно и четырех часов каждый день».

Так сказал маститый мастер Куинджи, который, начав от подпaska стада, трудом и развитием таланта занял почетное место в искусстве России. Не суровость, но знание жизни давало в нем ответы, полные сознания своей ответственности, полные осознания труда и творчества.

Главное, избегать всего отвлеченного. Ведь, в сущности, оно и не существует, так же, как и нет пустоты. Каждое воспоминание о Куинджи, о его учительстве, как в искусстве живописи, так и в искусстве жизни, вызывает незабываемые подробности. Как нужны эти вехи опытности, когда они свидетельствуют об испытанном мужестве и реальном созидательстве.

Помню, как после окончания Академии художеств Общество поощрения художеств пригласило меня помощником редактора журнала. Мои товарищи возмущались возможностью такого совмещения и прочили конец искусству. Но Куинджи твердо указал принять назначение, говоря: «Занятый человек все успеет, зрячий все увидит, а слепому все равно картин не писать». Помню также, как однажды Куинджи раскритиковал мою картину «Поход». Но полчаса спустя он, сильно запыхавшись, вновь поднялся в мастерскую: «Вы не должны огорчаться, пути искусства бесчисленны, лишь бы песнь шла от сердца», — улыбаясь, говорил он.

И другой мой учитель, Пюви де Шаванн, полный благожелательства и неистощимого творчества, мудро звал всегда к самоуглублению, к труду и к радости сердца. Не погасла в нем любовь к человечеству и радость творения; а ведь первые шаги его не были поощрены. Одиннадцать лет его картины не были принимаемы в Салон. Это был достаточный пробный камень величия сердца!

И третий мой учитель, Кормон, всячески поощрял меня к самостоятельной работе, говорил: «Мы становимся художниками, когда остаемся одни».

Благословенны Учителя, когда ведут они благою, опытною рукою к широтам горизонта. Сладостно, когда можем вспоминать Учителей своих со всем трепетом сердечной любви.

Учительство старой Индии, углубленное понятие Гуру — Учителя, особенно и трогательно и вдохновительно. Именно вдохновительно видеть, что свободное, осознанное почитание

Учителя существует и до сего дня. Истинно, оно составляет одну из основных красот Индии. Без сомнения, то же понятие жило и среди старых мастеров Италии и Нидерландов, и среди русских иконописцев. Но там сейчас оно уже в прошлом, тогда как в Индии оно еще живет и не умрет, надеюсь.

Всякое духовное обнищание стыдно. Из тонкого мира печально смотрят великие мастера, жалея о неразумно затрудненных возможностях. В *«Духовных ценностях»*, в *«Переоценке»*, в *«Огне Претворяющем»* мы достаточно говорили обо всем том, что не должно быть утеряно на перепутьях и перекрестках. Но не могу не вспомнить покойного друга моего, поэта Блока, и его глубокие слова о *Несказуемом*. Блок прекратил посещение религиозно-философского общества, ибо «там говорят о Несказуемом». Именно, есть предел слов, но нет границы чувств и вместимости сердца. Всюду прекрасное. Все путники добра, все искатели искренние приставали к этому берегу. Как бы ни ссорились, как бы ни озверели люди, они все же объединенно замолкают при звуках мощной симфонии и прекращают препирательства в музее или под сводами Парижской Богородицы.

Та же любовь сердца вспыхивает, когда мы читаем о молниях красоты во всех заветах.

Трогателен персидский апокриф о Христе: «Когда проходил Христос с учениками, на пути оказался труп собаки. Отшатнулись ученики от тления. Но Учитель и здесь нашел красоту и указал на белизну зубов животного».

В час отхождения вспоминает Будда:

«Как прекрасна Раджагриха и скала Коршуна! Прекрасны долины и горы. Вейсали, какая это красота!».

Каждый Бодхисаттва среди прочих своих выявлений должен быть совершенен и в искусстве.

Говорит рабби Гамалиель: «Изучение закона есть благородное дело, если оно соединяется с каким-либо искусством. Занятие ими отвлекает нас от греха. Всякое же занятие, не сопровождаемое искусством, ни к чему не приводит». А рабби Иегуда добавляет: «Не учащий сына своего искусству готовит из него грабителя на большой дороге». Спиноза, достигнув значительного совершенства в искусстве, поистине, отвечал завету гармонизации и облагораживания духа.

Конечно, и высокие заветы Индии утверждают то же основное значение творческого искусства. «В древней Индии искусство, религия, наука были синонимами Видья, или Культуры». «Сатьям, Шивам и Сундарам, или Вечное Троичное выявление Божественности в человеке, Непреложное, Благостное и Прекрасное».

Вспомним Музейон — дом Муз — Пифагора, Платона и всех тех великих, которые понимали краеугольные камни основ жизни. Плотин — о Прекрасном!

Из глубин тяжких переживаний Достоевский взывает: «Красота спасет мир!». Ему вторит Рескин, одухотворяющий камни прошлого. Знаменитый Иерарх, смотря на картину, восклицает: «Молитва земли небу!».

Старый друг всех творящих искателей Леонардо да Винчи говорит: «Тот, кто презирает живопись, презирает философское и утонченное созерцание мира, ибо живопись есть законная дочь или, лучше сказать, внучка природы. Все, что есть, родилось от природы, и родило, в свою очередь, науку о живописи. Вот почему говорю я, что живопись внучка природы и родственница Бога. Кто хулит живопись, тот хулит природу.

Живописец должен быть всеобъемлющ. О художник, твое разнообразие да будет столь же бесконечно, как явление природы. Продолжая то, что начал Бог, стремись умножить не дела рук человеческих, но вечные создания Бога. Никому никогда не подражай. Пусть будет каждое твое произведение как бы новым явлением природы».

«Упрямая суровость» Леонардо, разве не была она укреплена ясною радостью о дальних мирах, непоколебимою молитвою сердца в Беспредельности?!

Сколько лучших людей утверждало о молитве сердца, о молении красотой, о красоте творчества, о победах Света! Со всех земель, от всех веков все заповедует о значении творчества как ведущего начала жизни. Древние памятники сохранили славные лики Египта, Индии, Ассирии, майев, Китая; все сокровища Греции, Италии, Франции, Бельгии, Германии разве не являются живыми свидетелями о значении высокого творчества!

Как чудесно, что и сейчас, среди всяких духовных и материальных кризисов, мы можем утверждать царство Прекрасного. Притом можем это не как отвлеченные идеалисты, но именно вооруженные опытом жизни, укрепленные всеми историческими примерами и духовными заветами.

Вспомнив о значении творчества, человечество должно вспомнить и о языке сердца.

Разве не этим языком созданы притчи Соломона, и псалмы, и «Бхагавад-гита», и все пламенные заветы отшельников синаитских.?

Прекрасно сознавать, что все заветы ведут не к разделению, не к ограничению, не к одичанию, но к восхождению, и укреплению, и очищению духа!

Д-р Бритон напомнил мне, что, отъезжая из Америки в 1930 году, я сказал ему: «Берегитесь варваров». С тех пор многие варвары ворвались в области Культуры. Под знаком фи-

нансовой подавленности совершались многие неисправимые злодеяния.

Списки темных подавителей, как скрижали стыда, неизгладимо запечатлелись на хартиях образования и просвещения. Некультурные ретрограды бросились урезать и искоренять многое в области образования, науки, искусства!

Стыд, стыд. В Чикаго будто бы нечем заплатить городским учителям. В Нью-Йорке церковь продана с аукциона. В Канзас-Сити продан с торгов Капитолий. А сколько музеев и школ закрыто! А сколько тружеников науки и искусства выброшено за борт! Но все-таки на скачки приехало пятьдесят тысяч человек! Стыд, стыд!

Камни древних памятников могут возопить против всех отступников от Культуры, которая была истоком всего благословенного и драгоценного. Попиратели Культуры, разве не попирают они свое собственное благосостояние? Даже слепые видят больше этих затемненных слугителей тьмы.

«Берегитесь варваров!»

Все же не на изменчивом денежном знаке можем сойтись. Все-таки можем соединиться лишь на ступенях Культуры, во имя всего вдохновенного, творческого, прекрасного. Все же благим и благородным делом будет поддержание всего творческого и просвещенного. Входя на эти ступени, мы и сами просвещаемся.

Собираясь вокруг знака Культуры, вспомним, как мы обращались к Женщине: «Когда в доме трудно, тогда обращаются к женщине. Когда более не помогают расчеты и вычисления, когда вражда и взаимное разрушение достигают пределов, тогда приходят к женщине. Когда злые силы одолевают, тогда призывают женщину. Когда расчетливый разум оказывается бессильным, тогда вспоминают о женском сердце...».

И теперь трудно во всемирном доме Культуры. И опять надеемся, что сердце женщины поймет боль, о творчестве, о Культуре. Поймет она боль о духовных сокровищах и придет на помощь во всех областях Прекрасного.

Молодежь не должна воспитываться на воплях отчаяния. Когда мы писали о сужденных садах прекрасных, мы вовсе не завлекали в призрачные области. Наоборот, мы звали в твердыни, утвержденные жизнью.

Особенно в дни трудные мы должны твердить молитву сердца о прекрасном. Мы должны помнить об общедоступности этого прекрасного.

Стать из пастушонка почитаемым мастером, как Куинджи, или из захолустного крестьянина светилом науки, как Ломоносов, ведь было нелегко. Ничто не помогало, казалось бы! Наоборот, все были против, и тем не менее «Свет победил тьму».

В детстве мы любили книгу Гастона Тиссандье «Мученики науки». Должны бы быть изданы книги «Мученики духа», «Мученики искусства», «Мученики творчества».

Жизненные драмы Ван-Гога, Гогена, Райдера, Врубеля, Мареса и множества мучеников за Прекрасное составили бы еще один незабываемый завет, ведущий юношество.

Когда перелистываю книгу «Строители Америки», сколько прекрасных, убедительных примеров встает навсегда в памяти. Эдисон, Белл, Форд, Армор, Карнеги, Истман, Шифф, Хаммонд — целое воинство самоделов и самоцветов. Сколько земных потрясений прошли они, лишь утверждая истину непобедимости труда и творчества. Раскрывая историю искусства Америки, разве не умилился сильным характерам Райдера, Сарджента, Уистлера, Тера, Беллоуза, Рокуэлла Кента, Джайлса, Дэвиса, Мельчерса и всех тех, кто своим творческим достижением складывал стены Капитолия Славы Америки.

«Признательность есть добродетель больших сердец». Не только вспомним славные имена с благодарностью, но вооружимся всем их опытом для противостояния всем разрушительным силам тьмы.

Опыт творчества кует те непобедимые «оружия Света», о которых говорит Апостол.

Сейчас именно час спешный, когда нужно запастись всем бывшим опытом, чтобы не отступить от твердынь Культуры.

Сейчас время осознать все духовное сокровище творчества, чтобы этим «оружием Света» отразить темные силы невежества и двигаться безбоязненно.

Разве не радость, что мы можем, не стесняясь фракциями, обращаться к каждой искренней художественной группе с сердечным приветом, говоря:

«Все-таки теперь, после всевозможных разъединений, дух человеческий опять оборачивается к положительному построению, в котором ценно каждое искреннее сотрудничество. Разве не растут на весеннем лугу цветы всевозможные, великолепные своим разнообразием? Это творческое разнообразие в аромате своем разве не являет Праздник Весны, почитаемый всеми народами от времен незапамятных!

Ничто не заменит Божественного разнообразия. Также и в земном отражении Божественности, в искусстве, разнообразие означает щедрость народного духа. Среди смятений человечества тем яснее ощущаем ценность творчества.

Пусть звучит строительство и прекрасное желание Блага, иначе говоря, то именно, что должно лечь в основу всех действий Культурного человечества. Каждому мыслящему тесно в условиях разделенных, страшных в ничтожестве своем, душно

от смрада невежества, от яда некультурности, которые разлагают и отравляют все сущее.

Все, кому дорого достоинство человеческое, все, кто стремится к поистине сужденным совершенствованиям, естественно, должны работать вместе, отбросив, как постыдную ветошь, словарь злобы и лжи и памятуя, что в словаре Блага много не отвлеченных, но действительно жизненно применимых понятий. И как неотложно должны прилагаться понятия в жизни, чтобы слово перестало быть звуком пустым, но являлось бы действенным укрепителем творческой мысли.

Каждый стремящийся ко Благу знает, насколько ценны и все так называемые препятствия, которые являются для мужественного духа силомерами и в нагнетении вырабатывают лишь новую и преображенную энергию.

Ведь не вчерашний день утверждается. Можно утверждать лишь осязательность Будущего. Покуда сами мы, в сердце своем, не убедимся в этом светлом, созидательном Будущем, до тех пор оно будет оставаться в туманной отвлеченности. Для Будущего насаждались деревья при путях и ставились путевые вехи. Не стал бы строитель пути складывать памятные столбы, если бы в сердце своем не знал, куда должен вести путь этот.

Говорим — путь поведет к знанию, к Прекрасному, но ведь знание это будет освобожденным от предрассудков, будет нестесненно преследовать цели Блага. Говорим — путь этот поведет к Красоте; и не роскошь, не прихоть, но надобность ежедневную, воздух сердца составят стремление и осуществление Прекрасного на всех путях. Не убоимся понятия действительности. Устремившиеся мужественно знают все условия пути.

Как говорят Мудрые, перед отходом не произносят дурных слов. Слабые скажут: истомилось сердце, но не истомится и не переполнится то, что живет в Беспредельности любви, в ведущем познании, в дисциплине духа и во всей Красоте. Нагнетением, нагружением сердца умножаем опыт. Будем напутствовать себя словами Прекрасной Мудрости Востока:

«Утомляйте Меня ныне, нагружайте лучше, подав тягость Мира, но умножу силы.

Слышишь ли: тягость расцветет розами, и трава облечется радугою утра.

Потому утомляйте Меня. Когда иду в Сад Прекрасный, не боюсь тягости».

В Мудрости все реально — и утро реально, и Сад Прекрасный реален, и нагружение, и тягость Мира, и преображенный подвиг тоже действительны.

Нельзя лучше заключить настроение о творчестве, как словами обращения гр. А. Толстого «К Художнику»:

*Слух же духовный, сильней напрягай и духовное зрение.
И как над пламенем грамоты тайной
Неясные строки вдруг выступают,
Так выступают пред тобою картины.
Станут все ярче цвета, осязательней краски,
Стройные слов сочетанья в ясном сплетутся значеньи.
Ты ж в этот миг и смотри, и внимай, притаивши дыханье,
И созидаю потом, мимолетное помни виденье.*

1932

ОГНИ ОЧАГА

Когда Армагеддон гремит,
Когда столько стрел ненависти, разделения, разрушения,
разложения пронзают пространство, разве тогда мы не должны беречь
каждую искру дружелюбия?

Когда в невежестве поносятся самые высокие понятия, разве не
должны мы собрать к очагу духа все священные лампы?

Когда ложь и суеверие пытаются загрязнить все самое чистое,
лишь бы увеличить поле хаоса, разве не должны мы в лучших
летописях искать свидетельства истинного сотрудничества?

В древнейшей хронике говорится как высшая похвала Киевскому
князю Ярославу: «И книгам прилежана и почитая е часто в нощи и в дне, и
списаша книги многи; с же насея книжными словесы сердца верных
людей, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное. Книги бо суть
реки, напоюще вселенную, се суть исходища мудрости, книгам бо есть
неисчетная глубина».

Так мыслила хроника древних. Действительно, одно дело
допустить книгу и совершенно другое полюбить книгу в полной
преданности к просвещению.

Вспоминается. В приемном кабинете некоего президента двое
ожидающих. Стены старинной комнаты обделаны массивными дубо-
выми книжными шкафами. Из-за зеркальных стекол заманчиво
поблескивают корешки богатых переплетов. Хоть и не старинный
переплет, но густо золоченый. Видимо, любитель книг. И как хорошо,
что во главе предприятия стоит такой собиратель, не пощадивший денег
на заманчивые переплеты.

Один из ждущих не удерживается от соблазна хотя бы перелистать книгу, хотя бы подержать в руках это сокровище духа. Шкаф оказывается незапертым, и, подняв руку, любитель пытается вынуть один из томов, но, о ужас, вся полка валится ему на голову и оказывается фальшивыми корешками без всякого признака книги. Оскорбленный в своем лучшем желании любитель книг дрожащими руками ставит на место эту недостойную подделку и шепчет: «Уйдем поскорее, от такого шута разве можно ожидать что-нибудь путное!». Другой посетитель усмехается: «Вот мы и наказаны за пристрастие к книгам. Ведь вам не только прочесть ее, но подержать в руке — и то уже счастье».

Сколько же таких фальшивых библиотек рассеяно по миру! Строители их, кого они обманывают — друзей своих или самих себя? В этой подделке скрыто какое-то необыкновенно утонченное презрение к знанию и какая-то изысканная оскорбительность к книге как к свидетелю человеческого преуспеяния. И не только само содержание книги отрицается, но в таких подделках, как вещественных, так и словесных, отрицается само значение произведения духа, как такового.

«Назови мне твоих врагов, и я скажу, кто ты есть».

Одно из самых утомительных занятий есть отыскание новой квартиры. Но среди этого невольного вторжения в десятки разнообразных жилищ вы выносите несомненные наблюдения о фактах жизни. Вы проходите целый ряд сравнительно зажиточных помещений, еще наполненных обстановкою. Где же он, книжный шкаф? Где же он, письменный рабочий стол? Почему же комнаты заставлены иногда такими странными уродливыми предметами, но этих двух друзей существования — письменного стола и шкафа для книг — не видно? Есть ли место поставить их? Оказывается на поверку, что небольшой стол еще можно вдвинуть, но все стены вычислены так, что места для книжного шкафа не оказывается.

Хозяйка квартиры, заметив ваше огорчение, указывает на маленький внутренний стенной шкафчик, с сожалительной улыбкой снисходя к вашей требовательности, и говорит: «Если у вас много книг, то вы сможете отнять этот шкаф от других домашних вещей». При этом вы видите, что крошечные размеры шкафа кажутся царственными для такой роскоши, как книги.

В этом сожалительном снисходительном отношении к книге, как таковой, вам вспоминаются те ценнейшие библиотеки, которые оказывались выброшенными на толкучий рынок. И вы еще раз с горечью вспоминаете все рассказы о том, как селедки и огурцы оказывались завернутыми в ценнейшие листы, вырванные из редчайших изданий. Когда же вы смотрите на крошечный шкаф, вам предлагаемый, и сооб-

ражаете, что в нем даже сотня томов с трудом поместится, то опять житейские мудрецы вам скажут — зачем же держать дома такое множество книг? И при этом они почти повторяют слова знаменитого мусульманского завоевателя, который приказал уничтожить ценнейшие библиотеки по причине их бесполезности, ибо в одном Коране все сказано, что нужно для человека.

Отсутствие письменного стола объясняется совершенно основательно, указывая, что письменный стол стоит в конторе. При этом мелькает ясный намек, что кроме конторы, никаких умственных занятий и не бывает. А вечерний досуг существует для веселого времени, которое не должно обременять мозги. И тем самым так называемый досуг, который должен бы являться ценнейшими часами накопления и утончения сознания, рассыпается, как жемчуг, в пыли улицы.

И так книга в современном обиходе становится предметом какой-то роскоши. Библиофилов, таких роскошествующих маниаков, «здравый рассудок» сожалеет. Среднее сознание вообще разучивается читать, в чем иногда совершенно добродушно даже признается. «Не могу читать длинных книг», «Не могу сосредоточиться», «Не хватает времени», — говорит человек, отправляющийся созерцать кулачный бой или чтобы бросать шарики в пространство, или просто занятый перемыванием костей ближнего.

И время есть, и деньги есть, чтобы иметь дома сокровища знания, но мысль об этих сокровищах просто уходит из обихода. Чем люди живы? Многими предметами, но познание как таковое и сама прелесть книги как творения уходит из жизни.

Так же точно вы можете наблюдать характер и сущность приятелей по состоянию данных им книг на прочтение. Правда, иногда вы встречаетесь с самым заботливым, с самым честным отношением к книге, и иногда вы понимаете, почему некоторые тома благополучно дожили от XVII и XV столетий, но, к сожалению, чаще всего книга возвращается в таком неизгладимо поврежденном виде, что болеет душа за оскверненного автора. Закапать книгу чем-то, завернуть страницу, может быть, оборвать угол, а иногда даже вырезать понравившуюся иллюстрацию грехом не считается. Каждый библиотекарь расскажет вам свои горести не только о пропавших книгах, но об искалеченных навсегда изданиях.

Уничтожающий книгу доказывает низкое состояние своего сознания. Пусть это будет трюизм, но кто-то прочтет его еще раз и поопасается испачкать или изорвать книгу. И то уже хорошо. Среди мировых кризисов, и материальных и духовных, отношение к книге будет одним из убедительных показаний. Вот когда мы вновь научимся самоотверженно полюбить книгу,

так же, как и произведение искусства, и сердечно оберечь ее, тогда и некоторые из труднейших жизненных проблем будут решаться сами собою. Без дискуссий, без злоречий и столкновений. И в жилье нашем найдется место и для книжного шкафа, и для рабочего стола, так же как и для Священных Изображений, напоминающих присутствием своим о Высшем, о Прекрасном, о Бесконечном.

Кто-то скажет: это я давно знаю, это для меня не ново. Как хорошо, если он так скажет; быть может, он в силу этого прочтет еще одну книгу и еще бережнее отнесется к этим истинным друзьям каждого дома и, в свою очередь, скажет это, так знакомое ему и еще кому-нибудь. Ведь люди так часто говорят именно о том, что они не исполняют: «Я давно об этом знаю», и им опять приходится сказать — тем хуже для вас.

Книги последних изданий сделались очень маленькими, стали крошечными как размером, так и удельным содержанием. Автор как бы боится: не утомить бы, не наскучить бы, ибо издатель твердит ему во все уши о странных требованиях читателя.

И вдруг вы узнаете, что большинство книг читается бедняками и желание истинного познания живет в людях, с трудом зарабатывающих себе хлеб завтрашнего дня. Когда вы перелистываете Ежегодник мировых сведений, вы с крайним интересом следите за статистикой грамотности и за количеством томов в публичных библиотеках мира. Как несоответственно со многими официальными представлениями распределяется количество книг в этих Народных Хранилищах! Не буду приводить этих поучительных цифр, ибо Уорлд Альманах (Ежегодник) вполне доступен для желающих ознакомиться с последовательностью этих накоплений. Для многих в них будут заключаться большие неожиданности.

Кроме того, не забудем, что грамотность, которая является несомненно ступенью к Культуре, сама по себе еще не обеспечивает чтения и разумно-культурного потребления книг. Если бы взяли другую статистику, а именно статистику — много ли из грамотных людей книг не читают, то результаты были бы очень поучительны. Если же из числа читающих выделить и чтецов бульварных романов, то мы увидим, что вся сумма серьезных книг и изданий ложится на сравнительно очень небольшое число людей из всего населения мира.

Это обстоятельство тем более вопиет о бережливом отношении не только к серьезным изданиям, но и к тем людям, которые делают из них разумное и надлежащее употребление.

Не забываются трогательные эпизоды любовного обращения с книгами. Незабываем рассказ одного небогатого литератора о том, как он желал подарить невесте своей как свадебный подарок, как нечто наиболее ценное в его представлении, книгу-мо-

нографию о творчестве наиболее вдохновляющего его художника. Незабываемо также, когда трогательная любовь к книге самостоятельно вспыхивает в самом детском возрасте. Маленькая девочка в барских хоромах с трудом несет непомерную для детских сил книгу Библии с иллюстрациями Дорэ; не позволена ей эта книга, но она пользуется отсутствием старших не для проказ и шалостей, но чтобы еще раз воспользоваться минутой свободы и приобщиться к Великим Образам.

Дороги нам эти дети, носители лучших Образов, которые по сердцу своему самостоятельно приходят к книжному шкафу и знают этого неизменного друга истинного счастья. Ведь самостоятельно пришел к книжному шкафу Эдисон и сизмальства понял, чем он может благодетельствовать человечество. В инстинкте к приобщению к газетному делу выразилось сердечное устремление к распространению полезного.

Вспомним также великого мыслителя Рескина, с такою же трогательностью отдавшего свои первые устремления и вдохновения великой библейской Эпопее. Вспомним многих славных. Уже давно говорилось о мощи мысли, говорилось об искусстве мышления. Но ведь каждое искусство нужно развивать и питать, и не будет ли очаг этого священного искусства именно около книжного шкафа?

Обернемся к книжному шкафу не только как к утешителю и охранителю, но как и к водителю и жизнедателю. Не от него ли происходит устойчивый творческий ум великих мыслителей? Не от него ли долголетие, не от него ли противостояние всем злым и всем неслыханным, казалось бы, препятствиям существования? И не от него ли творящая радость?

1932

БОГАТАЯ БЕДНОСТЬ

*Paupertas, impulit audax
Ut versum tacerem*

Говорит Гораций: «Бедность устремляла меня к вдохновению». Удивительно вспомнить, что Св.Франциск, покуда он был богатым гражданином, не привлек к себе ничьего внимания. Но стоило ему обручиться с синьорою Бедностью, вступив на духовный путь, как он сделался тем мировым Святым, имя и

облик которого зажигает и устремляет к подвигу множество сердец.

Перелистывая страницы многообразной истории человечества, мы все-таки приходим к тому же непоколебимому утверждению, что богатство не отмечено в истории как лучшее средство достижений. Шах Хумаюн при рождении своего великого сына Акбара был настолько беден, что мог уделить своим приближенным обычные при таком случае подарки лишь в виде нескольких крупинок мускуса.

Очень богаты были банкиры Вавилона, но история не сохранила их имени. Такие имена негодились в рассказе о человеческих достижениях, если не приобщались к просвещению. Летопись движений человечества для непредубежденного наблюдателя все-таки остается чем-то очень замечательным по своей внутренней справедливости.

Современники творят много неправд и несправедливостей, но само время производит по законам бытия знаменательные перестановки. Вопреки современникам эти законы выдвигают все поступательные движения и отодвигают в бездну все призрачное, случайное, временное. История не забывает в конце концов, может быть, и через целые века отдать справедливую дань сердечному человеческому устремлению к Общему Благу.

История человечества в конце концов остается человеческой в полном смысле этого слова. Свокорыстие, себялюбие, злобность и жестокость все-таки остаются на каких-то стыдных местах, и никакое золото, никакие порфиры не могут прикрыть ни невежество, ни разрушение. В то же время каждое творчество, каждое истинное созидательное стремление оказываются все-таки незабытыми. При этом история с трогательной внимательностью, часто неизвестно откуда просочившейся, не забывает отметить все бескорыстное. Отмечается все, хотя бы своеобразно устремившееся во благо человечеству. Та же история доносит до нас множество самых неожиданных сведений, которые при сопоставлении составляют необыкновеннейшую мозаику, из которой каждый может черпать массу поучительного для жизни.

Вспомним о самом условном знаке жизни человеческой — о монетах. История Китая и в этом вопросе, как и во многих других, дает незабываемый пример. Во время движения нашей экспедиции по дальним областям Китая нам пришлось встретиться с необыкновенно странным положением денежных знаков. Мы были, прежде всего, предупреждены опытными людьми, чтобы не принимать серебряных слитков, хотя бы и снабженных государственными печатями, ибо очень часто внутри серебряной плитки искусно вкраплена медь. Также немало смущений доставили нам современные серебряные монеты, кото-

рые принимались и оценивались совершенно своеобразно в разных местностях. В одном городе любили голову Ли Хун-чана с шестью буквами, а в другом желали иметь семь букв. Одни хотели иметь монеты с женским изображением, а другие вообще не желали китайских знаков, требуя рупии.

Наконец, нам предложили как разменную монету какие-то деревянные палочки с нарезками, при этом утверждая, что эти знаки самые лучшие, ибо они выпущены местным игорным домом. Таким образом, поверх всех голов Ли Хун-чана обыватели вдруг поверили палочкам игорного дома, находя в них неоспоримую ценность. При всем разнообразии китайских монетных знаков все-таки палочки игорного дома остались непобитыми в своей оригинальности.

Идя по истории Китая вглубь, мы действительно можем встретить всевозможные затейливые формы монетных знаков, но после современных палочек игорного дома, пожалуй, наиболее неожиданной и знаменательной формой будут монеты-ножи Чжу (715–431 гг. до н.э.). Среди множества странных монетных форм, соответствовавших разнообразным видам торговли, форма ножа нигде нам не встречалась. Пожалуй, в наше время всяких упадков, подавленности, провалов бюджетных внутренних смысл монеты-ножа был бы очень знаменательным. Должник говорил бы кредитору: «Погодите, уж я вам отдам ножами». Или: «У меня для вас немало ножей припасено». Сколько недоразумений при всевозможных комиссиях Лиги Наций происходило бы из-за таких ножевых дискуссий. Но и в китайских монетах-ножах сохранилась вековая китайская изысканность. Форма их очень красива, а кольцо на ручке показывает, что они могли привязываться или нанизываться на что-то и были носимы при себе. С нашей судебной точки зрения сколько недоразумений могла бы создать такая монета в руках грабителя, который стал бы уверять, что это просто перочинный ножик.

Но знаменательно, что изысканная фантазия древних считала возможным соединять понятие денежного знака именно с ножом. Ведь никто не применял как денежный знак какое-либо священное изображение, как таковое. Правда, на монетах бывали изображения божеств, но они употреблялись как символы, как хранители известного города или страны. Кто знает, может быть, какому-то из наших современных банкиров облик ножа-монеты был бы особенно увлекателен и близок.

Так история человечества, как точно какие-то предостерегающие знаки, доносит до нас сочетания символов. Нож больше всего является символом жестким, колючим, жестоким, но ведь и денежный знак, во всей условности своей, тоже не будет божественным.

История не забыла рассказать нам, что даже Конфуций, великий своим миролюбием и справедливостью, был настолько преследуем современниками своими, что даже должен был держать наготове запряженную колесницу и большинство жизни провел в вынужденных переездах. Но история отбросила в бездну имена этих невежд-преследователей. А Конфуций не только остался в памяти, не только прожил через тысячелетия, но имя его еще более укрепляется и в теперешнем современном сознании.

Говорить о преследованиях современников и о последующих справедливых оценках значило бы, прежде всего, изложить историю сравнительных религий, историю всех учений света, историю всех творческих устремлений. Мы уже не раз напоминали, что должны были бы быть изданы наряду с книгой «Мученики науки» и книги «Мученики искусства», «Мученики творчества», «Мученики блага». Еще недавно мы видели, как Эдисон за свое одно из поразительнейших открытий был назван в собрании одной Академии шарлатаном.

Это же название даже в издании изысканных энциклопедий еще недавно было применяемо к именам очень почтенным и замечательным. Поучительно было наблюдать, как в последовательном издании эти наименования смущенно стирались. Сама история уже начинала выдвигать оценку неоспоримую, и условное невежественное суждение современников стыдливо стиралось, уступая место более приличным наименованиям.

Во всех проявлениях жизни постоянно видим мы эту кристаллизацию ценностей, произведенную уже космическим сознанием. Одни знаки и символы почему-то стираются, а другие даже через все потрясения и бури проходят невредимо и остаются поучительно. Древние мудрые китайцы почему-то соединили символ монетного знака с символом ножа, и этот символ время донесло до нас неприкосновенно.

Так же неприкосновенно и ярко донесло до нас время и великий образ Св. Сергия и всех тех мощных духом подвижников, которые, презрев условности несовершенного земного быта, устремились к ценностям истинным. И великий поэт Гораций не только не устыдился, но с полным достоинством помянул о значении бедности для его вдохновений. И замечательный художник Ван Гог, посылая своему домовладельцу отрезанное свое ухо, как бы напоминал об ухе, имеющем услышать. Если бы только люди поняли, где истинные ценности, им действительно нужные, где живет та щедрая бедность, которая богаче всяких богатств!

Конечно, никто не скажет, что торговля не нужна. Наоборот, всякий обмен в Культурных пределах должен быть приветствован. В нашей Всемирной Лиге Культуры потому-то

включено участие промышленных предприятий, лишь бы они двигались по Культурным путям. Но следует всюду заметить, что капиталу и торговле не может принадлежать то краеугольное место, которое часто утверждается за ними в наши смятенные дни. В истинном сотрудничестве с Культурными ценностями всякий труд, всякая производительность лишь умножит Сад Прекрасный.

Вагнер в своем «Кольце нибелунгов» дает многие космические моменты. Останется незабытым и знаменательный разговор Вотана с Миме, когда Вотан предлагает Миме задать ему три вопроса. Вотан ответил на все заоблачные и подземные хитроумности Миме, но, блуждая далеко, Миме забыл спросить о самом ему нужном. Вотан говорит Миме: вот ты блуждал далеко, подымался к облакам и спускался под землю, но о том, что тебе так нужно, ты не спросил, и теперь будешь ты мой. Разве в блужданиях своих и в шатаниях человечество не забывает спросить и подумать о том, что для него действительно неотложно?

Книга «Мир Огненный» говорит:

«Итак, темные силы довели планету до такого состояния, когда никакое решение земное не может вернуть условное благосостояние. Никто не может считать, что земные меры вчерашнего дня пригодны на завтра. Так нужно человечеству снова понять смысл своего кратковременного пребывания в земном состоянии. Только основным определением своего существования в плотном виде и пониманием Тонкого и Огненного Мира можно укрепить бытие свое. Не нужно думать, что призрак торговли может хотя бы временно дать прочное пребывание. Жизнь превратилась в торговлю, но кто же из Учителей Жизни был торгашом? Знаете великие символы об изгнании торгашей из Храма, но разве сама Земля не Храм? Разве Маха Меру не есть подножие Вершины Духа? Так можно указать жителям Земли на сужденные вершины».

«Не забудем, что каждое мгновение должно принадлежать Новому Миру. Мир Мысленный составляет живую связь между Тонким и Огненным, он входит как ближайший двигатель Мира Огненного. Мысль не существует без Огня, и Огонь превращается в творящую мысль. Явление мысли уже понятно, также осознаем и Великий Огонь — Оум!»

Та же книга напоминает:

«Народ утверждает, что перед войною или бедствием бывают лесные и всякие пожары. Безразлично, всегда ли они бывают, но знаменательно, что народное поверие судит об огненном напряжении перед мировыми потрясениями. Народная мудрость отводит Огню замечательное место. Бог посещает народ в Огне. Та же Огненная стихия избиралась как высший Суд.

Уничтожение зла производится Огнем. Явление несчастья сопровождается сожжением. Так во всем течении народной мысли можно видеть пути Огненные. У народа зажигаются лампы, и народ несет светильники, уявленные на служении. Торжественна Огненная стихия в народном понимании!».

«Искреннее самоусовершенствование не есть самость, но имеет мировое значение. Мысль об улучшении не будет касаться лишь самого себя. Такая мысль несет в себе пламень, нужный для многих зажиганий сердец. Как Огонь, внесенный в помещение, наполненное горючим веществом, воспламеняет непременно, так огненная мысль вонзается в пространство и неминуемо привлекает к себе ищущие сердца».

1932

ОСТРОВ СЛЕЗ

Самая тяжкая необходимость есть необходимость отказов. Тех отказов, когда к вам приходят с самыми лучшими намерениями, решениями, когда просят о поддержании чего-то очень хорошего, уже существующего, а вы совершенно не в силах помочь. И не только вы не можете помочь сами, но, оглядываясь по всему горизонту, вы даже не знаете, куда же направить этих страждущих, где бы могли быть утолены их прекрасные нужды. Собрание всевозможных обращений о помощи есть истинный остров слез.

Иногда вы можете догадаться, что некоторые из этих людей еще продержатся до каких-то новых обстоятельств, но нередко вы чувствуете, что этот зов был последним призывом и что в запасе уже нет не только средств физических, но исчерпались и средства духовные, а это самое прискорбное. Кроме множества несчастий личных, ужасно видеть, как отсекаются всевозможные образовательные и просветительные Учреждения. Происходит именно то, чего человечество должно бы особенно опасаться в текущее время. Происходит ускорение роста Культуры, именно той Культуры, которая в расцвете своем должна давать истинное — и духовное и всякое благосостояние.

Вот перед нами просьба о школе. Если она не осуществится, то многие детишки останутся без должного образования. Здесь же приложен и снимок с целой многочисленной группой этих детей. И какие славные, милые лица! Несмотря на бедные одежды, сколько здорового элемента чувствуется в

этих маленьких телах, готовых для пищи духовной! И спрошенные деньги на эту школу совсем не велики, но и их взять неоткуда.

Вот просьба о поддержании Журнала и полезнейшего Издательства. Все, уже изданное этим Издательством, ценно и, безусловно, полезно. Это не какие-то абстрактные мечтания. На столе лежат нужнейшие книги, которые сообщают молодым поколениям прекрасные, обоснованные и укрепляющие факты. Именно такие Журналы и Издательства, полные строительства, должны бы не только существовать, но и расширяться во имя неотложно нужного совершенствования. И опять спрошенная сумма так мала, так несоответственно мала с полезнейшими уже явными достижениями Издательства. Но все-таки и этой суммы нет. И опять приходится писать: «Будем ждать лучших времен». Будут они, эти лучшие времена, но ведь до тех пор нарушится весь темп уже налаженной работы. Весьма вероятно, что работа даже прервется, а вы знаете, что значит налаживать работу вновь. И таких просьб от издательств и журналов много. И вовсе не из одной страны они, и вовсе не являются они следствием несчастья одного народа. Разнообразие народов, мест и всех условий сводится к одной объединенности, а именно к объединенности факта усекновения ростков Культуры.

Вот перед вами целое уже заслуженное историческое Учреждение. Результаты плодотворного издательства и работы налицо. Список сотрудников включает в себе целый ряд ценнейших научных имен. О нужности этого Учреждения никто не спорит. Местное правительство посильно поддержало его. Но для существования нужна еще сумма, смешная в своей малости сравнительно с программой Учреждения, но даже и этой суммы нет. И сколько ценнейших усилий, сколько невознаградимого времени отнимается от нужнейших научных исследований на бесплодные поиски, лишь бы двери Учреждения вообще не закрылись. А закроются они, тогда поди, собери опять весь нужный комплекс сил и условий. Неужели же дух человечества стал настолько расточительным, чтобы слепо бросаться прекраснейшими накоплениями и нужнейшими изучениями?

Вот в таком же положении медико-научное Учреждение, уже достигшее определенных результатов и приветствованное научными центрами, и тоже смешно мала нужная сумма, но и ее нет. Точно нож гильотины! Вот стариннейший Музей, национальная гордость, принужден искать даже самых малых сумм, чтобы поддерживать свое существование. И опять тот же нож гильотины! Вот поиски о построении Храма, так нужного, когда болеет дух человеческий. И вместо построения нож гильотины!

Вот кружки молодежи, собиравшиеся во имя прекрасных созидательных Начал, ради самых высоких Имен и Понятий. Ценнейшие кружки молодежи, трудящейся, с трудом пробивающей свое личное затрудненное существование. И сколько ни озираются эти искатели лучших духовных укреплений, не могут найти даже минимальной суммы, чтобы закрепить существование своего единения. Обессиленные, они разбегутся, гонимые нуждою, и когда же опять удастся соединить их, таких ценных, так радующих дух и сердце?

Вот Культурное Общество, устремленное к задачам Просвещения, Воспитания, Материнства, к укреплению всех тех начал, которые если не будут осознаны и устроены, то мы вновь будем терпеть крахи и духовные, и материальные. Они просят совсем немногого, чтобы просуществовать. Они и так отдают все свое, что может быть только отдано. Но эти прекраснейшие примеры самопожертвования разбиваются о те леденистые потоки, о которых говорилось в «Огне Претворяющем».

Известный писатель, широко приветствованный, не может даже взяться за перо, ибо нет средств к существованию. Разве в этом не сказывается безумная расточительность человечества духовными силами? И не только все те множества просьб о поддержании прекраснейших начинаний остаются, по необходимости, неотвеченными, но мировой уклад продолжает идти по той же пагубной линии пресечения лучших культурных намерений и стремлений человечества. И главное, что это не относится к одной стране или даже к одной группе стран, нет, эти, к сожалению, неоспоримые сведения поступают со всего мира.

Кто-то скажет: но ведь школы все-таки существуют, ведь университеты существуют, ведь и музеи существуют. Так, но посмотрим, во что постепенно превращаются бюджеты всех этих сохраненных, хотя бы ради долговременности, учреждений. Мы читаем ежедневно о закрытии целых отделов научных музеев, о прекращении исследований, о приостановлении раскопок, о пресечении построек, о сокращении штатов, причем столько нужных незаменимых молодых сил отсекаются, чтобы навсегда затеряться в беспощадном океане Хаоса. Царят «нет» и «нельзя». Царят отрицания, пресечения, даже без особых обсуждений, что наиболее необходимо. Даже в самых, казалось бы, обеспеченных учреждениях мы видим небывалые ранее объявления о невыполненных изданиях, об отложенных планах и о тех же урезаниях, хотя бы и самого насущного.

Конечно, мы должны думать о будущем, в этом никто не будет особого мнения; даже любой производитель производит

не для вчерашнего дня. И вот среди, казалось бы, все же существующих помыслов о будущем, люди сами самым жестоким образом начнут пресекать все то неотложно нужное, хотя бы даже для каждого производства.

Земля пережила много крахов и потрясений. Но нет ли каких-то отличительных признаков свалившегося сейчас на человечество духовного и материального несчастья? Такой признак есть. И этот признак страшен, если на него не обратить особого внимания. Это признак всемирного несчастья. Прежде несчастья были национальные или групповые, но сейчас произошел неслыханный интернационализм несчастий. Нет такой страны, нет такого удаленного острова, которые бы не повторяли речей о несчастье.

Чем больше вы приходите в соприкосновение с самыми разнообразными народностями, тем больше вас потрясает эта универсальность несчастья. Малые группы рантье, закрывших от себя мир в призрачной обеспеченности, становятся совершенно незначительными. Любой из них, почти еще не пострадавший лично, уже твердит о несчастье. И во всех этих несчастьеносных утверждениях и действиях получается какое-то губительное вызывание несчастий, точно какие-то незримые сеятели несчастий проходят по разным странам и бросают в пространство губительные, мертвящие формулы.

А за ними появляется настоящий танец смерти: «отсечь, прекратить, убить, омертвить» — на самых разных языках, в различных формулах несутся по миру эти мертвые слова. Призрачная экономия породила армии безработных или сделала размер содержания не отвечающим даже самым нищенским потребностям. Перед нами тоже лежат цифры разных заработных плат, и нужно сознаться, что эти цифры ужасны.

Ясно одно: если человечество будет продолжать гипнотизировать себя вызываниями несчастий, оно нарушит самое ценное, ради чего оно существует, оно нарушит Культуру, оно нарушит ход и накопление того, что при иных условиях невозвратно или потребует многих веков для врачевания.

Ужас отказа, ужас убивания живых ростков не может продолжаться долее. Совершенно необходимо, отбросив личные предрассудки и личные соперничества, сообща подумать о будущих поколениях, для которых основа Культуры есть единственная твердыня духа. Вместо вызываний несчастий рано или поздно, и лучше пусть будет рано, нужно обратиться к призыванию основ положительного построения. Если мы утвердимся мысленно и действительно на основах строительства, тем самым начнут разрешаться и многие, казалось бы, неразрешимые проблемы. Многолетен был Эдисон, многолетен был Майкельсон, и никто из этих творцов мысли не думал о само-

убийстве. Творческая мысль была тем аккумулятором высоких энергий, которые питают все соки жизни. Высокие энергии творчества являются великим жизнедателем, вечно искомым людьми. Вот этот жизнедатель и подсказывает каждому желающему помыслить, что необходимо от пагубных вызываний несчастий обратиться к настойчивому вызыванию благого культурного строительства. И если мы все вместе закричим о необходимости развития познания и облагораживания, то этот клич уже будет первым камнем в новом построении положительной твердыни человечества.

Мы начали от ужаса необходимости отказа, кончим же сердечною радостью о реальной возможности построений, если только хотя бы временно, хотя бы частично будет отставлена злоба разрушения и разложения. Созидание от мысленного претворяется в действенное, и потому так хочется сказать всем работникам Культуры, получившим за последнее время столько отказов и отсечений: «Продержимся, не будем рассеиваться, призовем хотя бы остатки дружелюбия и покроем отказы этими зернами Блага». Превращать Остров Слез в Сад Прекрасный, в Сад Труда и Познания — разве это не есть первая основа всех положительных Учений Мира?

1932

ЭКСПЕДИЦИЯ СИТРОЕНА

Возвратилась вторая экспедиция, устроенная Ситроеном. Получили мы газеты с первыми сведениями о результатах. Видели первые снимки второй выставки привезенных экспонатов. Сердечно мы пожалели потерю экспедиции в лице ее безвременно погибшего начальника Харда. Но и порадовались, что остальные участники этой экспедиции — Луи Одуэн-Дюбрейль, Ж.Хакен, О.Тейяр де Шарден и другие вернулись невредимыми и привезли новые поучительные отчеты. Мы радовались, слыша о прекрасных новых рисунках Яковлева. По себе знаем, насколько трудны такие пути и как нужно ценить каждую удачу в этих отважных достижениях.

После второй экспедиции, устроенной Ситроеном, нельзя не подвести некоторый итог и отметить своеобразие этих предприятий. Мы не видели первой выставки, результатов Африканской экспедиции, но зато знаем и отчеты о ней, и превосходное издание путевых работ Яковлева, выразившего неповторимый характер пройденных стран.

Обе экспедиции, как Африканская, так и Азиатская, вызывают определенные соображения, так нужные при современных движениях Культуры. Рассматривая состав экспедиции, можно радоваться необыкновенно удачному и разнообразному подбору сотрудников по всем специальностям. Каждая отрасль была представлена одним из самых живых и характерных в ней деятелей. А ведь это случается не часто, и каждый знает, что подобрать такое многообразное созвучие нелегко.

Мы знаем о многих экспедициях, которые не только не доходили до цели, но разваливались по пути вследствие непростительного человеческого взаимного антагонизма. Но в случае экспедиции Ситроена мы видим не только преоборение трудностей, но и живой, убедительный, многообразный результат.

Автомобиль как одно из самых могучих средств сообщений в этом случае напомнил, что он явился объединяющим предметом для изысканий научно-художественно-культурных. В этом смысле прихождение индустриального фактора как объединительного и соединительного звена прямо драгоценно.

Задачи Культуры, о которых сейчас так много говорится, требуют и своих современных выражений. Культура как таковая исключает всякую завистливую антагонистическую сепарацию. Если верхи цивилизации и высшие области Культуры прежде всего являются синтезом всех завоеваний человеческого гения, то ведь и средства к выполнению этих расширенных задач должны быть поистине современны. Именно широкие горизонты Культуры как поднятие общего уровня мышления зовут нас ко всем современным открытиям и усовершенствованиям.

Мотор, радио, телевидение, все подводные и надземные сообщения должны вести к взаимопониманию и объединению. Именно коллективные экспедиционные задания так особенно ярко выразились в экспедициях Ситроена и могут напоминать нам о задачах сотрудничества, основанного не на туманных отвлеченностях, но на открытиях сегодняшнего дня. Посетители выставок Ситроена, читатели отчетов об этих экспедициях будут благодарны за то коллективное целое, что живо переносит их не только в другие страны, но и действительно расширяет их сознание своим многообразием.

Когда-то, как замечательно было отмечено у Анатоля Франса, люди боялись всякого синтеза, всякого обобщения и тем упирались в неминуемое ничтожное, ожесточенное разобщение. Вся Культура последних дней, как в ее индустриальных проявлениях, так и в духовных поисках, стремится к выражению истинной кооперации. Человечество усиленно ищет формулы,

на которых можно бы сойтись для мирной, созидательной работы. Все новые Конференции, новые Общества, Учреждения в той или иной мере имеют в себе эту задачу Культурного объединения и взаимопонимания.

Если раньше могло казаться, что Культурное объединение может выражаться преимущественно в каких-то областях, научных или художественных, то сейчас особенно делается ясным, что эти объединения гораздо шире отдельных областей. Они выражаются в общем подъеме уровня мышления в смысле общенародного творчества во всех областях жизни.

Вот во имя Культуры, от лица Лиги Культуры и хочется благодарить все предприятия, подобные просвещенным заданиям экспедиции Ситроена. Именно хочется благодарить и самих вдохновителей, строителей и сотрудников всех подобных предприятий, которые самоотверженными трудами шевелят человеческое мышление и, конечно, возводят его на новую ступень. Без этих отважных находений человечество опять погрязло бы в рутине каждодневной вульгарности. Мы знаем все трудности передвижений и по горным тропам, и по пескам Такла-макана, и по льдистым нагорьям.

Мы встречали на путях много доброжелательных местных рассказов о замечательном исследователе Свене Гедине и воспоминания о Пржевальском, и о миссии Пельо, и о многих, приносивших из глубин пустынных новые соображения, новые толчки человеческой мысли.

Не будем жалеть, что поэтический верблюжий караван уступает свое место мотору, аэроплану, железным путям. Не будем огорчаться, что «длинное ухо» Азии передает свои возможности телеграфу и радио. Но будем думать, что все эти усовершенствования уживутся не только с цивилизацией, но и войдут благостно в Культуру, не обесценивая никаких духовных ценностей.

Ревниво оберегаемая наука, чем скорее она распространится, тем принесет больше блага. Правильно истолкованные народные предания и тысячелетняя традиция в новом свете исследований дадут лишь новые блестящие возможности, и при истинном сотрудничестве не может возникать ничего враждебного, ничего мешающего или умаляющего. Все разрушительное и разлагающее останется в пределах невежественности. Но каждый шаг кооперации и объединения будет означать движение к истинному просвещению.

Эти соображения появляются, когда мы видим перед собою коллективные труды последних экспедиций. Хочется поблагодарить устроителей и участников их за ту бодрость мышления, которую, несомненно, вносят они в человеческое сознание, сейчас так смятенное и так утесненное. Ведь поистине новым

шагом к прогрессу будет то обстоятельство, что самые последние усовершенствования подали руку науке и искусству. Это коллективное творчество дает ту бодрость духа, в которой так нуждается молодое поколение.

Искренний привет!

1932

СПЕШНОСТЬ ЧАСА

Подражание и заимствование являются признаками спроса, подделка есть ответ на потребность. С самого начала наших Культурных Учреждений мы не сомневались в том, что при успехе их мы увидим всякого рода подражания и заимствования. Таким способом человечество выражает свое внимание. В то время, когда темные, некультурные силы будут явно протестовать против всего, напоминающего им ненавистное для их существования понятие Культуры, прочие элементы, желая как-нибудь приобщиться к Культурным движениям, начнут подражать тому, что уже выявилось в жизни. Ограниченное мышление часто сердится на подражание и заимствование, но именно это было бы недостойным при осознании Культуры. Наоборот, нужно радоваться каждому заимствованию и подражанию. Пусть растут всевозможные радиоцентры. Пусть одни из них будут богаты деньгами, другие будут расти углубленным сознанием и огнем сердечным. Пусть каждый двигается по-своему, лишь бы избежать мертвящих ограничений.

Страшны не заимствования и не подражания, которые мы уже замечаем и которым мы будем радоваться. Страшны те гнезда невежества, где запрещают произносить слово «Культура», где по ограниченности ума хотели бы уничтожить всех, кто о Культуре мыслит и выражается. Прискорбно, что существуют такие окаменелые чудовища доисторических эпох, которые всеми своими темными силами пытаются повредить Культуре и тем, кто за нее. К сожалению, мы имеем доказательства тому, что такие темные силы существуют. И не только прозябают они, прикрываясь случайно доставшимся им общественным положением, но и пытаются назвать себя общественным мнением, тем самым возводя на человечество тягчайшее и несправедливое обвинение в невежестве.

Общественное мнение есть выражение народного сознания. В существе своем это сознание всегда прогрессивно, ибо имен-

но им создавалась всякая цивилизация. Конечно, под народным сознанием мы не будем понимать только количественность, качественно оно нагнетается и выражается в меньшинстве. Но такое меньшинство как бы является выразителем скрытого потенциала человечества, и потому эти вожди, эти священные дружины Подвижников должны, поистине, почитаться сокровищем народа. Именно, народное сознание со временем всегда выдвигает и опирается в трудный час на этих Носителей их всенародных сердечных желаний.

Существуют особые признаки этих средоточий сердечных помыслов народа. Темные силы, в основе которых, прежде всего, заложено разъединение, разрушение, возвращение к хаосу, особенно бывают возмущены этими яркими проявлениями Света. Костер Жанны д'Арк, гильотина Лавуазье, сожжение Джордано Бруно, мученичество Ипатии и все бесчисленные проявления необъяснимой ярости против героев Культуры являются верными признаками признания со стороны темных сил грозящей их мрачному царству опасности.

Пора иметь списки не только друзей Культуры, но и врагов ее. Забвение их недостаточно обрисовывает действительное положение вещей для истории. Мало лишь предполагать, что темные, антикультурные силы были активны, нужно знать их распределение. Вдруг среди них окажутся имена, известные в разных отраслях жизни. Такое осведомление облегчит точность будущего исторического очерка. Полезно, что история сохранила губительное имя Герострата.

Не рискуя впасть ни в трюизм, ни в сентиментальность, мы должны признать, что смятение настоящего часа губительно угрожает всем культурным зародышам. По печальному обыкновению общий финансовый или материальный кризис прежде всего отражается на всей области просвещения. Люди не дерзают сократить или уничтожить производство ядовитых газов, но с необычайной легкостью они готовы прикрыть просветительные учреждения или, по крайней мере, срезать оплату тяжелого труда по образованию. Можно приводить множество самых прискорбных для истории человечества примеров, как уродливо нарастало количество безработных и голодающих, а в то же время уничтожалось драгоценное зерно и закрывался доступ к естественным богатствам из-за боязни перепроизводства. Между тем само перепроизводство есть не что иное, как признак мелкого мышления и ненаблюдательности. Но условные стандарты настолько потрясены, что даже Золотой Телец — Золотая Валюта сметается без замены каким-либо другим условным знаком. Потрясение такой твердыни условности, как золото, лишь показывает степень обуйавшего смущения и смятения.

Именно теперь, несмотря на все нападения темных сил, мыслящие круги человечества должны спешно обратиться к осознанию Культуры. Всем труженикам и искателям Культуры не время допускать между собою какие бы то ни было разделения. Не время впадать в догматические рассуждения или соревноваться и состязаться на спинах друг друга. Спешно время для сложения, для строительства, для собирания всего, что хотя бы отчасти, хотя бы несовершенно, но уже может мыслить и действовать во имя Культуры. Следует забыть всякие шероховатости, толчки и уколы. О том ли думать! Нужно всеми силами спешить, заменяя обветшавшие стандарты жизненными и неувядающими основами творчества и высокого качества. Грустно видеть, как иногда несомненно могущие мыслить воедино пытаются воскресить в памяти своей какие-то омертвелые вредоносные обиды и соревнования. Тот, кто найдет в себе духовную мощь забыть все мелочи и неудобства ради общего строения, тот выразит этим наиболее насущную потребность настоящего дня. Нужды жизни, которые, может быть, когда-то могли измеряться годами, сейчас в спешности своей дошли до дня, может быть, даже до часа. Так же быстро должно измеряться и стремление к объединению всех тех, кто может мыслить о Culture; кто не отвлеченно мечтает, но чувствует в себе потенциал приложить эту творящую мысль к действию, не боясь всех звериных усмешек и отравленных стрел и палиц современных дикарей.

И так тот, кто найдет в себе силы строения и объединения, тот выразит стимул времени.

1932

БУДЬТЕ БЛАГОСЛОВЕННЫ!

Доктор Роберт Харше состоит не только директором крупнейшего художественного института Чикаго, но и является виднейшим знатоком и лидером художественных движений Америки. Потому его недавнее письмо, в котором он определенно говорит, что всякий вред нашим учреждениям был бы «национальным бедствием», является для нас, поистине, историческим документом.

Если мы вспомним все письма и заявления, сделанные в пользу учреждений во время нашествия варваров, то величайшим воздаянием будет видеть, как даже сравнительно посторонние нам люди и лидеры художественного и общественного

движения называли наше учреждение Гордостью Страны; и другие признавали, что каждый ущерб нашим Культурным Дела́м был бы несовместим с достоинством Америки.

Таким образом, нашествие варваров, о котором доктор Бринтон так своевременно напомнил, служит как бы пробным камнем достижений Учреждений наших. Мы не сомневаемся, что каждая дальнейшая попытка со стороны варваров и всех темных сил будет вызывать такой же противовес и напряжение благих энергий. Каждый, кто прочел трогательную речь нашей слепой ученицы Леонтины Хирш, конечно, почувствовал и то глубокое отношение, которое было создано в сердцах наших учащихся и сотрудников культурными задачами Учреждений.

Все наши сотрудники должны почувствовать ценность своей работы, которая могла возбудить такие искренние отзывы в момент варварского нашествия. Все призывы и письма миллионных женских организаций, письмо Президента Франклина Рузвельта, письменные протесты студентов Колумбии, наших учащихся, многих кружков молодежи, письма таких известных культурных лидеров, как проф. Оверстрит, Радославович, проф. Пэтти Хилл, вице-губернатор Леман, Воган, миссис Сутро, генерал Де Леон, Чарльз Флейшер, О'Хара, Косгрэв, Х.Барнс, Руфь, С.Дени, Дабо, Гребенщиков, В.Лун и все множество светлых поборников Культуры, будут необыкновенным историческим свидетельством победоносной борьбы Света с тьмою.

Не сомневаемся, что все драгоценные заявления поборников Культуры держатся в строгом порядке, в особом портфеле, ибо впоследствии они составят из себя ценнейшую историческую книгу. Эта же книга запечатлеет как поучительный факт для будущих поколений также имена представителей темных сил, имена разрушительных варваров, имена низких, антикультурных духов, пытающихся всевозможными темными уловками нанести глубокий ущерб Культурным делам. Зная, что эти темные силы действовали вполне своекорыстно, прибавим к этой будущей книге документы и все данные судебного следствия, все свидетельства и показания даже совершенно посторонних лиц, возмущенных подпольною темною интригою.

Потому храните во всевозможном порядке все эти драгоценные документы. Ведь по многообразию своему они могут находиться в разных Отделах Учреждений. Но их следует собрать воедино, чтобы ни один прекрасный голос, зазвучавший во имя Культуры, не остался неприведенным среди памятных свидетельствований. Можно было наблюдать и своеобразное отношение прессы. При этом мы могли убеждаться, что лишь очень немногие органы не выступили знаменательно на защиту Культуры. Большинство же прессы, к чести ее будет сказано, до-

стойно и справедливо отзывалось на все варварские извращения и инсинуации.

Как всегда, можно было заметить, что некоторые шатающиеся, слабые духом люди, даже и среди сотрудников, вместо непреклонной уверенности в победу дел Культуры, заколебались и начали думать о всяких постыдных отступлениях. Другие же, по мерзости природы своей, начали злорадствовать и даже усугублять лживые свидетельствования варваров. Оба эти явления также не должны быть забыты.

Мужество испытывается в бою за правое дело. Истинные светлые воители лишь укрепляются трудностями. Всякая трудность вызывает в них напряжение истинного священного огня. Именно так и совершались те исторические победы Культуры, которыми сейчас изумляется, гордится и живет человечество. Можно только пожалеть, что шатающиеся, уклончивые, боязливые люди вынимают имена свои из анналов Культурных Достижений. Они уклонились от благородных действий и по закону справедливости история уклонится от них.

Итак, наш случай, так же как и некоторые предыдущие, развернулся в общественное явление чрезвычайной знаменательности. Не только в истории Культуры Америки, но и в культурном понимании многих других стран отзовется дело наших Культурных Учреждений. Мы видим уже, как отзываются представители многих других стран. Мы видим, как многие из них благородно отзываются и в трудный момент нападения лишь усугубляют свою дружбу и содействие. Были и немногие другие, которые считали, что финансовое положение одного дома перевешивает значение всех культурных идей. Запомним и этих недорослей духа, которые были готовы так легко отступить и поцеловать окровавленный меч варваров. Запомним и этих трусливых помощников сил темных.

Многочисленны сознательные силы темные, но еще более бесчисленны бессознательные их сослужители, так легко преклоняющиеся перед темною грубою силою. Это явление чрезвычайно опасно, ибо врата крепости могут быть легко открыты низкопоклонниками варваров. На воротах Вердена была многозначительная надпись, имевшая в виду всех врагов: «Здесь не проходят». И геройский дух защитников подтвердил смысл этой надписи, тогда как весь мир иногда уже готов был, хотя бы и с прискорбием, сдать эту твердыню.

Есть вещи в Мире, которые в существе своем недопустимы. Всякая низость, всякая уступчивость темным силам есть почти что такое же преступление, как и действие самой мрачной силы, силы разрушительных варваров. Область Культуры представляет из себя именно ту светоносную твердыню, которую нельзя сдать ни в коем случае. Могут быть многие

тактические действия, но сдачи, как таковой, не может быть и не будет!

По счастью, Культура зиждется не на денежном знаке. Если даже многие Культурные проявления могут быть временно затруднены или несколько сокращены, то Культурное духовное сокровище не может быть нарушено никакими мировыми кризисами, если только предатели во тьме ночной не будут открывать врата неприятелю. Потому остережемся всякого предательства; употребим для этого всю зоркость, поглядим во все подзорные трубы.

Найдем в себе силы отбросить все мелочи дня вчерашнего и объединиться лишь во славу и на пользу Культуры. Пожалеем об ошибках дня вчерашнего и улыбнемся светлой возможности еще крепче соединиться. Великое понятие Культуры поможет нам презреть все недостойные мелочи обихода, которые могут, как песчинка в колесе, вносить раздражающий диссонанс. Выполним прекрасный опыт духовного объединения, который безмерно умножает силы и утончает находчивость и прозорливость.

Именно: «Пусть будут благословенны препятствия, ими растем». Пусть будут и благословенны имена всех друзей Культуры, которые не утрастились в час испытания дать о себе такие славные свидетельства. На узловых поворотах жизни создаются моменты, когда именно не отвлеченные слова, но мужественные геройские действия необходимы только; такие действия могут быть прочными ступенями будущего прогресса.

Какое же самое сердечное слово можем сказать мы всем тем, кто, поистине, заботится о будущем, кто понимает, что лишь созданием и укреплением молодого поколения страны преуспеют и этим путем все «неразрешимые проблемы» мощью культурного мышления обратятся в новое достижение!

Если трудности выявляют истинных друзей, если трудный час, как труба мужества, собирает воедино лучшие сердца, то как же не благословить эти часы, в которые проявляется самое прекрасное и самое благородное! Благословенны все те, для кого Культура не роскошь, не пустой звук, но единая основа Бытия.

Благословенны, благословенны, благословенны все светлые воители на Великом Служении Культуры!

Агни Йога в книге «Сердце» заповедует:

«Где же то чувство, где же та субстанция, которой наполним Чашу Великого Служения? Соберем это чувство от лучших сокровищ. Найдем части его в религиозном экстазе, когда сердце трепещет о высшем Свете. Найдем части в ощущении сердечной любви, когда слеза самоотвержения сияет. Найдем среди подвига героя, когда мощь умножается во имя человечества.

Найдем в терпении садовода, когда он размышляет о тайне зерна. Найдем в мужестве, пронзающем тьму. Найдем в улыбке ребенка, когда он тянется к лучу Солнца. Найдем среди всех уносящих полетов в Беспредельность. Чувство Великого Служения беспредельно, оно должно наполнить сердце, навсегда неисчерпаемое. Священный трепет не станет похлебкою обихода. Самые лучшие Учения превращались в бездушную шелуху, когда трепет покидал их. Так среди битвы мыслите о Чаше Служения и принесите клятву, что трепет священный не оставит вас».

1932

ЗВУЧАНИЕ НАРОДОВ

Давно сказано, что душа народов звучит не только в самих словах, но именно в звуках. Это и есть то подлинное звучание, которое выражает сущность, ибо каждый звук есть и цвет, есть и вся эссенция Бытия. Сравнительная фонетика наречий даст прекрасное зеркало души народов. Конечно, очень часто первоначальное звучание изломалось в Вековых перестановках. Недаром говорится, что каждый язык меняется трижды в столетие, но если бы мы услышали язык в его чистоте, в произношении людей, прирожденных в этом наречии, то несомненно, что истинное звучание языка объяснило бы нам многое и в самом характере целой нации.

Упомянув нацию, мы должны безбоязненно определить, что есть национализм. Если это какое-то понятие, связанное с человеконенавистничеством, то оно будет попросту вредно и должно подлежать уничтожению, как и всякая ненависть, злоба, самость и невежество. Но в понятии национализма есть такие ценные основы, что, поняв его в чистейшем звучании народов, в их высшем проявлении, мы увидим еще один фактор прогресса.

Никто не будет возражать против индивидуальности как выражения неповторенного ценнейшего комплекса чувств и творческих способностей. Если же существует всеми ограждаемая индивидуальность личности, то и в каждом коллективе, будет ли это коллектив семьи, государства, народа, отображается своя индивидуальность — значит, и это качество должно быть охраняемо. Таким образом, национализм вместо чего-то обедневшего в своей самости делается лишь необходимым новым созвучием в хоре всех народов земных.

Пусть не только личная душа, но и великий коллектив души народной выражает свое лучшее, свое самое ценное, возвышенное и прекрасное. Если это выражение будет действительно прекрасным и возвышенным, то и всякие недопустимые в своей ограниченности понятия, вроде шовинизма, не найдут себе места в этом очищенном мощном хоре истинного прогресса.

Национализму, обедневшему в условностях и предрассудках, последнее время противопоставляется интернационализм, но всякое противопоставление часто содержит в себе самом угрозу противоположной условности. То же случилось и с современным понятием интернационализма.

В стремлении найти какие-то общие формулы, в поисках стирания условных границ интернационализм сам обратился во что-то стертое, смутное, избегающее высоких характерных выражений. Один ярый интернационалист говорил, что мировое уравнение должно разрушить всякую личность, и если бы разница мозгов препятствовала такому заданию, то следует посредством какой-то операции уравнивать мозги, сравнивая их по какому-то среднему уровню. Такое абсурдное стирание мозгов было предложено человеком с университетским образованием. Мы могли бы не обращать внимания на эту формулу уничтожающей ярости, но мы видим, что во многих своих выражениях интернационализм со всеми его новейшими суевериями начинает клониться в сторону обезличения и стирания всего ценного.

Менее всего нам хочется критиковать. И то уже во взаимокритике люди дошли, попросту говоря, до клеветы, в таком размере, что идти дальше, пожалуй, уже некуда. Но, по счастью, во все трагические моменты человеческой истории вырастало какое-то ценное и всеобъемлющее понятие, которое примиряло ужасы обезличения с самостью ожесточившейся личности.

Если сейчас так упорно во всех частях света на различнейших наречиях заговорили о Культуре, то в этом своеобразном СОС человечества заключается истинное спасение. Никогда нельзя было найти такого одновременного хорового повторения слова «Культура», как сейчас. Перед нами лежит множество книг, и периодических изданий, и газетных статей, где именно это слово произносится во всевозможных спасительных и предохраняющих пониманиях.

Вот французский академик, рассуждая об истинном национализме, говорит о Культуре, полной человечности. И вы понимаете, что национализм этого выдающегося историка не есть шовинистическое ненавистничество, но именно лучшее выявление достойнейшей сущности народа. Никто из образо-

ванных людей не может не согласиться с тем видом национализма, который в формуле своей имеет культуру всечеловечности. Вот из другого конца света прекрасный философ и писатель обсуждает религию и культуру. И опять от совершенно других сердечных источников он приходит к тому же, а именно к оживлению религии культурой и жизненному возвращению человеческих возможностей и обязанностей. Вот из противоположного конца Индии, в Образовательном обозрении Мадраса ученый индус непосредственно подходит к теме наболевшей и дает интересную статью «Культура и национальность». В прекрасных выражениях автор оформляет понятие Культуры как нечто живое, возвышенное, вдохновляющее и украшающее. Не знаю этого автора, но в силу одного и того же закона Бытия мы начинаем говорить с ним на одном и том же языке, зовущем к постоянному обновлению и улучшению жизни человеческой.

И в других странах в самых разных комбинациях произносится слово «Культура». Но везде как нечто неотложное, как истинное прибежище человечества. Вероятно, поборник Культуры индус живет в своем национальном наряде; вероятно, поэт китаец, думающий о Культуре, не лишает себя китайских традиций. Сын Кавказа мыслит в благородной красе своих великих вершин. Ученый Франции остается во всех тех прекраснейших исторических традициях, в которых многие поколения сложили Культуру очень человеческую. И последователи Шекспира, и Данте, и Гете, и Сервантеса понимают романтизм в своих доспехах, и новоизбранный Президент Соединенных Штатов Рузвельт знает сложный комплекс американского прогрессивного национализма.

Именно в понятии Культуры как живой каждодневности, зовущей к преуспеянию, все мы сходимся и радуемся каждому национальному проявлению. Именно укрепленные широкими понятиями Культуры, мы обоюдно оберегаем ценности гения человечества. Та же Культура поможет нам не только оберегать их как музейное достояние прошлого, но одухотворить эти сокровища как вехи светлого будущего. И национализм, и Культура, и даже стертый интернационализм — решительно все человеческие понятия указывают нам, что нельзя дальше идти по стезе человеконенавистничества. Газета каждого дня в бездонном укре бросает нам обвинения в бесчеловечности и невежественности. Несмотря на всякие условные и часто мертворожденные договоры, человечество доходит до какой-то страшной изысканности в преступлениях ненависти. Как бы мы хотели, чтобы сказанное было преувеличением. Но оно не только не преувеличено, но недосказано по бедности выражений.

Все человечество сошлось и на другом крике: оно вопит о кризисе и старается под порогом дома спрятать в чулке хотя бы кусочки золота. Но в то же время люди отлично понимают, что эти золотые обломки не надолго могут сохранить их хлеб насущный. Если человечество закроет и минирует все пороги домов, то, может быть, лишь завтра оно не пойдет на рынок и, может быть, неделю согласится пробыть без взаимоознакомления. Цивилизация предъявит свои требования. Но она в своей механической условности никогда не поймет, что такое есть истинный национализм, что есть характерное звучание народа, полное творческих возможностей. Как следующая за цивилизацией ступень приходит стремление и тоска по Культуре. Ценности национализма нужно синтезировать, для сокровищ творчества нужны опора и понимание.

И вот зазвучали народы о Культуре. Каждый по-своему начал сопоставлять это благословенное понятие со всевозможными общественными заданиями. Все ожесточенное и утесненное начинает вспоминать, что ведь не для взаимоуничтожения сошлись мы здесь. Каждый народ хочет развиваться и преуспевать в настоящем самоусовершенствовании, иначе говоря, делать то, для чего мы и существуем на Земле. И невежественное понятие самости претворится в подвиг достижения, если будут осознаны живые понятия истинного национализма и действительной Культуры как основ, неразрывно между собою связанных.

После мирового бедствия прошлой войны оказалось, что за целое десятилетие ровно ничего не улучшилось в быте человеческом, но, наоборот, все побледнело, обеднело и еще более ожесточилось. Как реакция войны люди бросились искать единение в Лиге Наций, начатой с самыми благими намерениями, но оказалось, что единения не только не хватило даже для половины мира, но Лига часто является источником всевозможных новых недоразумений. Неоднократно все слышали, как именно в Лиге Наций ссорились державы, географически и духовно ничего между собою общего не имеющие.

После нарастающего разочарования в Лиге Наций начались обособления тарифные, паспортные и всякие прочие. Мыслители и вожди отлично понимают, что на абсолютном обособлении тоже далеко не уйдешь. И в то же время они страшатся быстро стершихся монет интернационализма. Но рядом стоит чучело национализма, увешанное всякими первобытными орудиями обихода. Но ведь это чучело не есть душа народа, это не есть истинное звучание всех ценнейших созвучий. Истинные сокровища опять безбоязненно должны быть открыты. Только настоящее проявление души народной, не связанное никакими невежественными предрассудками, пока-

жет высоты творчества. В творчестве этом народы будут стремиться к мирному самоусовершенствованию, иначе говоря, они обратятся к воссозданию Культуры своей. Этот прекрасный хор Культур народных, всех прекрасноразноцветных проявлений национализма, даст то творчество, которое ответит на запросы сердца человечества.

Когда сердце человеческое жалеет и сострадает, никто не заботится, будет ли это выражением интернационализма или национализма. Если же сердце может сострадать лучше в одеянии страны своей — пусть оно и облечется в лучшие ткани, лишь бы оно не забыло, что есть сострадание и что есть любовь.

Когда мы говорим о задачах Культуры, пусть это будет не аптека с ярлыками химических препаратов. Пусть это будет то взаимопонимание, то сострадание, которые могут взаимно помочь выйти из теснин губительного кризиса. Кризис, как материальный, так и духовный, обратился в свирепую эпидемию.

Люди закричали в ужасе: *нельзя, невозможно!* Но о том, что именно *можно* и что именно *должно*, они оставили помышление. Пусть же помышление о Culture, о народностях всего мира, о душе народа явится тем живым стимулом, который поможет выйти из пределов грозного кризиса и вновь приступить к самоусовершенствованию, со всем терпением, состраданием и любовью к ближним.

Пусть зазвучат народы!

1933

ПЕЧАТЬ ВЕКА

Каждому изучавшему историю человечества, конечно, бросался в глаза необъяснимый, но яркий факт особой печати каждого века, которою отмечалась жизнь человеческая на самых удаленных материках, когда не могло быть и речи ни о каких сношениях и сообщениях. Возьмем ли мы древнейшие периоды каменного века, не поразит ли изумительная аналогичность вещей этого периода как в Европе, так и в Египте, и в Америке, и в Азии. Мы не знаем, говорили ли эти праотцы на одном языке, но, конечно, они мыслили одним путем, ибо иначе они не могли бы сложить те же самые формы и применить ту же технику во всех ее особенностях. Перейдем ли мы к бронзовому веку, мы найдем те же объединительные

формы, тот же обобщающий смысл человеческого обихода. Мы говорим — меч бронзового века, и часто даже не произносим никакого имени народности, ибо предмет ярко принадлежит веку, а народность стирается как нечто второстепенное. Если мы пойдем по всем последующим векам, то, несмотря на явное расхождение мышления, мы все-таки усмотрим типичную печать века. Романский стиль, готика, ведь это тоже век, отзвучавший и в самых отдаленных землях. Возрождение ведь многоцветные формы его облетели не только христианский, но и мусульманский и прочие миры. Не странно увидеть ту же технику как в русских иконах, так и в итальянских примитивах, и в персидской миниатюре, и в китайской, и в тибетской живописи. Та же печать века, тот же знак человеческой мысли, которая без радио и телеграфа владела миром и эволюцией его.

Лишь бы не инволюция как противоположность эволюции. Лишь бы мейстерзингер и цеховой мастер даже темного средневековья не имел повода возгордиться, сравнивая качество своего производства со стертыми формами нашего века. Средневековому мастеру часто даже не нужно было подписывать имя свое, ибо само качество и характерность вещи, созданной им, являлись его лучшей печатью. А что если печать века, этот почетный вековой герб, для нашего времени обратится в клеймо века? Как бы ни произошел тоже объединяющий знак времени, когда по недоумению стиралось все характерное и сердце человеческое клеймилось терновником стандарта.

Нам скажут: «Не будет ли самомнительно предрешать какие-либо печати века нашего? Ведь те, которые творили уклад человеческий прошлых веков, не думали ни о каких печатях века, а просто пытались сделать как лучше, как достойнее». Ответим на это: «Конечно, было бы несовместимым самомнением думать об установлениях печатей века, но каждое мыслящее существо не может не обратиться мысленно к тем образцам искреннего человеческого творчества, которые самым своим существованием влекут мысль нашу к сопоставлению».

Действительно, как же без размышлений и сопоставлений пройдем мы мимо внутреннего качества старинной работы? Как же не заметить, с каким тщанием выбирался особенный ствол дерева для изображения Мадонны? Как же не оценить применение самое заботливое естественной градации янтаря? Как же не восхититься остроумно обдуманном применением формы жемчужины для тела статуэтки в руках венецианского мастера?

Эта тщательность выбора материала вполне отвечала и даже укрепляла технику самой руки мастера. Уверенно шла

кисть, и твердо следовал резец за творческою мыслью, полной желания сделать как можно лучше, вне жгучих соображений о наживе и других посторонних соображений. Те сильные характеры, которые сквозят в чертах дошедших до нас портретов, складывались также не случайно, но в силу твердой и руководящей мысли, которая в светлом пламени своем сжигала мелкие искры зла, которые, как скользкие насекомые, вторгаются в обиход человечества. Сияние этого светлого пламени освещало и Лоренцо Великолепного и всех тех, которые даже при всех прочих своих несовершенствах сочетались с великолепием прекрасного. Отнимите эти прекрасные искры несокрушимых драгоценных камней творчества, и от многих стран тем оторвалось бы, может быть, самое ценное, что дает им почетное место в Пантеоне Мира. Без этих сокровищ творчества мы не имели бы права мыслить и о Знамени Мира, которое, как бы его ни писать, остается почетным признаком устремления духа.

Умышленно устанавливать печать века не есть дело современников, но думать о лучшем качестве всех производств есть несомненная обязанность каждого мыслящего существа. Мы только что встретились с губительным понятием стандартизации в попытках строения новой жизни. Правильно, жизнь нового века должна отвечать потребностям широких масс. Жизнь должна быть истинно приспособленной для облегчения существования народа. Но кто же сказал, что форма венского стула, прочного для сидения, есть самая желательная? Или кто же в душе может примириться со всеми безличными формами обихода, делаемыми лишь для удешевления, как бы в надежде, что эти вещи, вследствие слабости самого материала, разложатся бесследно? Плоха такая надежда. Правда, очень многие наши книги обратятся в слившиеся кирпичи, наша слабенькая эмаль распадется, и наши металлические сплавы, гордость дешевизны, даже и покрытые корою разлагающихся наростов, все же поразят глаз своим безличным безобразием.

Примитивы дошли до нас в своих блистающих красках вовсе не потому, что создатели в гордости своей хотели делать их вековым назиданием. Вовсе нет, они просто хотели сделать лучше, чтобы само сердце горящее чувствовало в существе своем, как была приложена крайняя мера добросовестности. «Книги есть реки премудрости», «Художество изображения есть высшее художество», «Книга есть дар высокого духа», «Мастер изделия превыше рыцаря меча». Так мыслили старые мастера. На этом здоровом понимании, полные сознания ответственности, росли цехи, иконные дружины и все те многообразные творческие проявления, которые поражают нас и своим «добрым изделием», и благородством устремления.

Правда, масло для картин очищалось десятками лет, прежде чем оно прилагалось для выполнения высокого художества. Делалось это опять же не из гордости, а из опытности. Куда же ушел этот опыт? Кому-то, вероятно, кажется достаточным оправданием упомянуть о быстрой круговорота нашей современной жизни. Может быть, кто-то даже думает, что человечеству уже некогда более мыслить о качестве. В этом была бы тяжкая клевета. Глава производства самых необходимых и прозаичных обиходных вещей как-то признавался, что покупатели прежде всего ценят те вещи, в которых была продумана форма и выражена своеобразная красота. Совершенно верно, нечего пенять на невежество масс. Невежды вовсе не в этих массах. Они, как черная зараза, расползаются по разным кругам, достигая даже высших общественных должностей. И своею [за]разительностью они создают клевету на народные массы.

Ведь и теперь можно заготавливать доброкачественное масло и прочие вещества для выражения духа человеческого. Можно и теперь начать изготовлять их на десятки лет вперед, чтобы достижения химии действительно оправдывали прочность и устанавливали целесообразность применения необходимых составов. Но для этого прежде всего нужно помыслить о будущем, об ответственности современников за все качество века. В этом не будет ни самомнения, ни гордости, но наоборот, будут строгий контроль над ростом сознания и забота о том, чтобы лучшие ступени продолжали лестницу восхождения человечества. Во всех учебных заведениях и просветительных обществах должен быть всесторонне освещаем вопрос о качестве производства, конечно, как внешнем, так и внутреннем. Наряду с установлением Дня Культуры должен быть установлен и «час качества». И как значителен будет этот час для выработки истинной печати века, когда молодые умы, содрогнувшись от возможности клейма века, устремятся к достойной печати, к благородному знаку, который сопровождает все их творческие устремления.

Ясно лишь одно: в момент необыкновенного напряжения мировой энергии все культурные силы должны быть вместе. Именно в такие знаменательные часы должно быть как нельзя более осознано сотрудничество во имя Блага и познание великой мощи мысли творящей.

1931

СИНТЕЗ

Синтез самый вмещающий, самый доброжелательный может создавать то благотворное сотрудничество, в котором все человечество так нуждается сейчас. От высших представителей духовного мира до низшего материалиста-торговца — все согласятся на том, что без синтетического сотрудничества никакое дело не может быть построено. В Культуре целых государств мы видим, что там, где был понят и допущен широкий синтез, там и творчество стран шло и плодотворно и прекрасно. Никакое обособление, никакой шовинизм не даст того прогресса, который создает светлая улыбка синтеза.

Не подумаем, что сказанное есть ненужный трюизм. Именно сейчас множество понятий глубоко извращено в непонимании или в личном желании придать им какое-то случайное значение. От самых высших понятий, можно сказать, от Бога и до мельчайших наших личных ощущений — так часто все злоумышленно перетолковано, искажено.

Что же должно делать человечество в этих случаях явной порчи основных понятий? Не должно ли оно немедленно очищать их и возвращать к их естественному первоначальному значению? Ведь можно создавать совершенно новые понятия и выражения, но приклеивать к вековым понятиям новое эгоистическое обозначение совершенно недопустимо. Таким порядком жизнь вместо улучшения и оформления будет приходить в нестерпимый хаос, в то смешение языков, о котором так символически повествует Библия в образе Вавилонской Башни.

Конечно, все прогрессирует жизнь нуждается в новых определительных для новых открытий и порожденных ими обстоятельств. Мы имеем новые названия лучей, газов, разных энергий и планет и всего того, что не было известно дню вчерашнему. Будем создавать эти новые обозначения, заботясь о том, чтоб они были и выразительны, и звучны, и прекрасны. Может быть, создастся какой-то совсем новый язык. Пусть будет так, во вмещении поймем и его, но подставлять под исконное понятие, созданное и завещанное нам бывшими культурами, наши произвольные и часто самомнительные значения, было бы ошибкой, ведущей за собою плачевные и продолжительные последствия. Ведь это было бы своеобразной работой на разъединение и разложение, тогда как обязанность каждого мыслящего существа думать о сотрудничестве, о синтезе, о строительстве добром.

Было бы целым огромным научным трудом исследование о всех злоупотребленных и извращенных выражениях. Надо думать, что кто-то найдет возможность выполнить и это задание, так необходимое человечеству. Теперь же хотелось бы уточнить определение двух понятий, с которыми ежедневно приходится сталкиваться в обиходе нашем. Многозначительно приходится повторять понятия о Культуре и цивилизации. К удивлению, приходится замечать, что и эти понятия, казалось бы, так уточненные корнями своими, уже подвержены перетолкованиям и извращению. Например, до сих пор множество людей полагает вполне возможным замену слова «Культура» «цивилизацией». При этом совершенно упускается, что сам латинский корень — Культ имеет очень глубокое духовное значение, тогда как цивилизация в корне своем имеет гражданственное, общественное строение жизни. Казалось бы, совершенно ясно, что каждая страна проходит степень общности, т.е. цивилизации, которая в высоком синтезе создает вечное, неистребимое понятие Культуры. Как мы видим на многих примерах, цивилизация может погибать, может совершенно уничтожаться, но Культура в неистребимых духовных скрижалях создает великое наследие, питающее будущую молодую поросль.

Каждый производитель стандартных изделий, каждый фабрикант, конечно, является уже цивилизованным человеком, но никто не будет настаивать на том, что каждый владелец фабрики уже непременно есть культурный человек. И очень может оказаться, что низший работник фабрики может быть носителем несомненной Культуры, тогда как владелец ее окажется лишь в пределах цивилизации. Можно легко себе представить «Дом Культуры», но будет очень неуклюже звучать: «Дом цивилизации». Вполне определительно звучит название «Культурный работник», но совсем иное будет обозначать — «цивилизованный работник». Каждый профессор университета вполне удовлетворится названием культурного работника, но попробуйте сказать почтенному профессору, что он работник цивилизованный; за такое прозвище каждый ученый, каждый творец почувствует внутреннюю неловкость, если не обиду. Мы знаем выражения «цивилизация Греции», «цивилизация Египта», «цивилизация Франции», но они нисколько не исключают следующего, высшего в своей нерушимости, выражения, когда говорим о великой Культуре Египта, Греции, Рима, Франции...

В прошлых статьях о Культуре мне приходилось называть Культуру почитанием Света. В результате мы и не уйдем от этого понимания. Культ всегда останется почитанием Благого Начала, а слово «Ур» нам напоминает старый восточный ко-

рень, обозначающий Свет, Огонь. Но, может быть, я слишком воодушевлен понятием Культуры, потому обратимся к наиболее прозаическим определениям толковых словарей и энциклопедий. Пресловутый Вебстер определяет цивилизацию как акт гражданственности или цивилизованное состояние, относительное преуспевание в социальной культуре. Тот же словарь определяет Культуру как акт улучшения и развития воспитанием, дисциплиной; просвещение и дисциплинирование, полученное умственным и моральным воспитанием; утончение; характерные достижения народов или социальных организаций, как, например, греческая Культура.

Большая Энциклопедия Этики совершенно опускает определение слова «цивилизация», как не входящего в круг высоких этических понятий, и посвящает Culture следующие строки: «Культура. Бэкону мир обязан этим термином, так же как и философией о культуре. (Прогресс учения. 1605 II XIV, 2). Хотя в самом себе понятие культуры достаточно широко выражает все формы духовной жизни человека — мыслительной, религиозной, этической, — оно более всего понимаемо как высшее стремление человечества утвердить смысл своего внутреннего Бытия. Это стремление выражается рядом контрастов по разделению мыслительному и действительному. Наиболее основные контрасты по делению физическому и духовному, с их дуализмом животности и человечности. Идеалами культуры человек устремляется к высокой мыслительной жизни, а не к насилию, стремясь к вышнемуудаленному, а не к ближайшему физически. С общественной точки [зрения] культура противопоставляется промышленным занятиям, различая их по качеству работы».

Как видим, говоря о Culture как о почитании Света, мы лишь синтезировали существующее определение.

Если кто по незнанию будет настаивать, что понятие Culture соединено лишь с культурой физической, он покажет просто свою ограниченность. Если кто-то будет вспоминать какое-либо прежнее неудачное злоупотребление этим высоким понятием, он просто будет пресекать себе возможность к совершенствованию, утончению сознания и вмещению. Нам приходилось встречаться с очень определенными пониманиями этих двух понятий среди народов. Народ считает каждого, надевшего белый воротничок, цивилизованным человеком, для этого даже коверкая это где-то услышанное слово; каждый грамотей уже цивилизован; так, хотя и в примитивных формах, правильно понимается начало первой гражданственности. Но решительно все народы поверх этой гражданственности, легко всем доступной, чувствуют существование чего-то высшего, к чему неизбежно стремится каждый ищущий дух человеческий. Для этого

высшего обозначения у каждого, даже примитивного, народа существует свое слово, которое скажет вам о высшем взаимопонимании, о высшей духовности, о знании высшем и о радостях духа. Это не будут чисто клерикальные понятия, они будут соответствовать именно нашему понятию, наследованному нами от великих находений Латинской Культуры. Может быть, мы могли бы взять такое же понятие из китайской или даже из тибетской письменности, но Запад просветился латинским обозначением этого понятия; потому мы не можем извращать его лишь в угоду кому-то, кто хотел бы своевольно применить или извратить его.

Почему-то все очень легко понимают обозначение «Всемирный День Культуры», но всемирный день цивилизации может быть истолкован очень странно и даже несколько комично. Пример соотношения этих двух так принятых понятий Культуры и цивилизации напоминает нам, как много в таких же соотношениях или забыто или перетолковано. Мы знаем, сколько старинных заветов нуждаются в новом переводе, ибо многие определения нашего ближайшего прошлого оказываются или неопределяющими или примитивными, ибо не забудем, что конец XIX века не очень послужил к утончению и уточнению научных и философских терминов. Но сейчас мы находимся в преддверии очень знаменательного времени, во времени сознательного Синтеза, когда никакие обветшавшие условные нагромождения не должны мешать стремиться к Свету и к ничем не стесненному познанию.

Кто-то подумал о том, что само произнесение слова «Культура» уже включает в себе самомнение и гордость. Но ведь это не так; ведь каждое стремление и совершенствование есть нечто как раз обратное самомнению. Самомнящий удовлетворяется и не двигается, но ищущий стремится и готов ко всяким невежественным выходкам со стороны, лишь бы только протолкнуться по пути к Свету. Ведь этот Свет не есть отвлеченность; ведь находения наших великих ученых говорят нам о тех близких возможностях, которые еще четверть века тому назад казались несбыточной утопией и вызывали даже в тогдашних научных учреждениях лишь улыбки сожаления. Но мы счастливы видеть, как эволюция человечества, хотя бы даже в своеобразных путях, но очень быстро изменяет смысл всей цивилизации. А за этим актом будет происходить и накопление Культуры. И если люди начнут мыслить о Культуре, начнут вводить в обиход свой это священное понятие, они вовсе не будут самомнительными, но лишь покажут себя готовыми к высшему вмещению.

Благодетельный Синтез поможет и ввести в обиход жизни оздоравливающие высокие понятия и научит вмещать то многое, что еще вчера казалось или пустою отвлеченностью, или не-

применимою неуклюжестью, или просто смешным, с точки зрения условных привычек, предрассудков и суеверий. Не суеверие ли, не предрассудки ли испортили так многие прекрасные понятия? И приходится теперь молодому поколению бесстрашно поднять забытые сокровища во имя лучшей и светлой жизни!

MUTATIS MUTANDIS*

История в своих древних периодах дает нам многочисленные примеры последствий игры в кости и в другие азартные игры. Даже очень значительные страницы истории полны указаний, как властители обращались в рабов, проиграв в кости не только жен и детей, но и все свое государство. Многие поэтические и драматические произведения основаны на этих пагубных увлечениях. Даже само славное поле Курукшетры в основе великой битвы имело проигрыш в кости.

Казалось бы, все условия жизни с тех пор изменились. В основу положены новые кодексы законов, предусмотревшие массу деяний и последствий. Но все-таки пресса приносит странные сведения о том, что ввиду конских скачек, связанных с крупной игрою, переносится на другой срок день рождения короля. Если историк с изумлением убеждается в гигантских размерах последствий игры в кости, то когда-то другой историк с тем же удивлением и осуждением отнесется к такому явному предпочтению принципа игры перед почтением главы государства. Та же история отмечает давнишнее благословение оружия для смертной борьбы во имя того же самого Бога. Еще недавно мы были свидетелями, как многочисленные страны заклинали одного и того же Бога помочь им уничтожить врага. Когда-то мы встречались с фактом, что главы государств возили с собой особого повара во избежание отравления и имели особое лицо для отвеживания яств. Не к тому же ли самому приходится и теперь прибегать выдающимся представителям государственности.

Подобные сопоставления можно приводить нескончаемо. Все они вызовут одно и то же удивленное восклицание: «Но ведь это то же самое, происходило ли оно в глубокой древности или в несколько измененном виде и костюме происходит сейчас. Значит, мы никуда не ушли». Может быть, даже в древнос-

* Изменив то, что следует изменить (*лат.*).

ти оно происходило более откровенно и более картинно, чем до известной степени искупалось внутреннее лицемерие и гнусность. К тому же в древние времена меньше было написано о лицемерии, и законы Ману, Хаммурапи и первых законодателей были много кратче, хотя во многих случаях в сжатости своей были много внушительнее.

С тех давних пор много государств успело возникнуть и вновь уйти в небытие, так много властителей переменилось, что рекордам истории не угнаться было за этими сменами, и только свидетельства художника, донесшего до нас на монете, медали или стеле новое имя, дало нам намек об исчезнувшем еще одном победителе. Но эти смены не могут поражать, когда перед нами колоссальные смены всей планетной поверхности. Когда помимо полулегендарной, но уже осознанной теперь Атлантиды, мы имеем целый список исчезнувших в сравнительно недавнее время совершенно исторических островов. Целая сказка превращений.

Остров Фалькон в Тихом океане был впервые замечен много лет тому назад и занесен на карту, но через несколько лет исчез под воду. Теперь, приблизительно год тому назад, он снова появился на поверхности.

В легендах о короле Артуре рассказывается об исчезнувшем острове Авалон.

Много рассказов сохранилось также о таинственном острове Св. Брендано.

К западу от Ирландии находился еще остров, о котором сохранилась только отметка на старинной венецианской карте и который одно время назывался остров Бразилия, а несколько позже был переименован в Терчейра. Он исчез незаметно под воду и о нем, кроме легенд, ничего не сохранилось.

Легенды о короле Артуре сохранили память еще об одном острове — «Львица», — лежащем где-то возле Корнуолла. На этом острове жил Тристан. Старинные английские хроники подробно описывают этот остров, его обитателей и его трагическую гибель.

Одни острова исчезают, другие пики поднимаются, кажущаяся нам незыблемая почва движется немного менее океанской волны в своей относительности. Казалось бы, к движению этому человечество за свою долгую жизнь должно было уже привыкнуть. Именно этот принцип относительности и движений должен был бы, наконец, обратить людское внимание и на свою собственную эволюцию. Еще просвещенный Марк Аврелий писал очень мудрое наставление: «Изучай движение светил как принимающий в них участие». Но этот мудрый совет пока что остается совершенно без применения. Если бы человечество

в мыслях своих могло бы вознестись до дальних Миров, то какая быстрая и блестящая эволюция была бы уже осилена.

Знаю, вы скажете о всех новейших открытиях, полагая их как венец эволюции. Вы скажете об одиночных блестящих теориях, которые иногда на досуге прочитываются. Наконец, вы скажете о приемах так называемой цивилизованной жизни, которые дают широким массам то, что когда-то принадлежало лишь властителям и верховным жрецам. Правда, наши города, отравляя человеческий организм и создавая искаленное поколение, уже дают несколько возможностей пользоваться новыми открытиями. Но ведь мы говорим не о канализационной системе цивилизации. Мы говорим не об овощах в жестянках и не жестяной музыке, мы говорим о том, что движет лучшие решения человечества.

Ведь мы только что пережили ужасную и нелегкую войну. Мы только что заметили, что за десятилетие следствия войны не только не изгладились, но наоборот, они кристаллизовались и выросли в настоящее бездействие. Разрослись в такое почти непоправимое бедствие, что только неожиданные в существе своем меры Культуры могут помочь ему. Сколько раз на школьной и университетской скамье мы слышали старый «*mutatis mutandis*» — перемените то, что надлежит переменить. С тех пор множество совершенно варварских фактов как военного, так и мирного времени нахлынуло; человечество еще раз могло убедиться, как в то самое время, когда честнейшие элементы погибали на полях сражения и в мировых смятениях, подлое приспособление предательски набухало на чужой крови. Какая дьявольская изобретательность была выражена этими темными, чтобы изобрести тысячи мер к наживе, отлично зная, как губительно отзовется грабительство это на подрастающих поколениях. И теперь, если вы произведете какой-то совершенно тайный опрос, кто за войну и кто против, то еще совершенно не известны будут результаты этого тайного голосования. Конечно, множество женщин подадут голос против войны; конечно, Культурные круги несомненно восстанут против этого бедствия, так же как многие рабочие массы. Но не будем думать, что число черных записок будет мало. Как многообразно разветвляются корни подлости и какие грустные и забавные доводы будут приведены, чтобы опять вернуться к безответственному времени, когда все позволено и все можно объяснить лицемерным участием в общем деле. Жутко вспомнить о тех преступнейших поставках и гнилого, и вообще несуществовавшего материала. Ужасно для достоинства человеческого оглянуться на подложные документы, преступные отписки и приказы, вследствие которых погибали многие тысячи людей.

«Но ведь это прошло», — скажете. С тех пор мы имели уже такое количество пактов, конференций и финансовых постановлений. Исполнился план такой-то и такой-то, а в результате усилившееся разорение, разоружались и даже уничтожались ни в чем неповинные корабли, чтобы заменить их еще более вредоносными сооружениями. Даже в магазинах мы позаботились озонировать воздух, в то время как научные лаборатории изощряются в изобретении новых удушливых газов. Не мирную ли премию мечтает получить по химии ученый, изобретший газ наиболее смертельный? Ведь кто-то и сейчас, в эту самую минуту, мечтает о таком достижении науки, чтобы сразу одной братоубийственной посылкой умертвить целые населенные местности. А, может быть, другой просвещенный ученый мечтает о «счастливом» отравлении всех вод, чтобы все живущее погибло. На это мне скажут — это не ученые выдумывают такие убийственные вещи, это техники, инженеры. Нет, милые, без ученых познаний такой убийственной мерзости не выдумаешь. И разве не был ученым открывший луч смерти, но по велению пространственной справедливости отправившийся в преисподнюю вместе со своим злобным изобретением.

А ведь дело могло бы значительно упроститься, если бы ученые, подобно клятве медиков, поклялись не выпускать из лаборатории никакого вредоносного открытия, тем более, что многие из этих ужасных газов и лучей, может быть, только одним ингредиентом, могут быть обращены на истинную пользу человечества. «*Mutatis mutandis!*» В дни наибольших глубоких смятений надо спешно переменять то, что подлежит перемене. И прежде всего надо начать переменять то, что во вред, и то, что на пользу. Не прикидывайтесь дурачками, будто вы не знаете то, что есть на пользу. Каждое сердце человеческое в глубине своей отлично знает, где есть польза общая, польза ближним, а вместе с тем и польза самому себе. Ибо в созидании нигде не сказано о саморазрушении. Истинная общая польза есть польза и самому себе, ибо сам-то он будет часть общественности.

Заменяя в пользу то, что было во вред, то есть заменяя преступное разрушение созиданием, мы и сделаем то, что нужно для эволюции. Мы сделаем то, что нужно не для эволюции цивилизации, но для эволюции Культуры. Некто в безумии старался измыслить такое акционерное общество, которое бы предприняло на экваторе шахту самой бездонной глубины и, наполнив ее новейшими веществами ужасающей взрывчатой мощи, неслыханным взрывом попыталось бы расколоть планету. План безумный, но в радикальности своей он, пожалуй, заслуживает большего внимания, нежели изобретение новых

смертоносных газов. А тайное покровительство наркотикам, разлагающим целые поколения, умертвляющим целые нации, славные в своем прошлом! Разве же этот бич человечества, куда больший, чем сифилис, рак и чахотка, разве он не должен быть изъят из жизни? И разве каждый из нас не может назвать множество проблем, заслуживающих немедленного изъятия из обихода?

Какие-то лучшие, какие-то просвещенные должны неотложно объединиться для воздействия на тьму невежества, извращение и предательство. Должны объединиться во всех странах эти лучшие, не во имя полицейских мер и вызывающих противодействие запретов, но во имя Света и просвещения, как такового. Очувствовав в сердце своем всю неотложность эволюции Культуры, эта светлая Лига Культуры должна сойтись, отбросив все мелкие условности, и должна действительно во Благо человечества переменить то, что надлежит изменению.

КУЛЬТУРНОСТЬ

У друзей наших живет Тизи-Визи. Это не человек, а попугай, притом птица очень исключительная. Помимо прочих философских воззрений, Тизи-Визи, прослышав об успехе нудистов, решил последовать их примеру. Он сбросил все свое разноцветное оперение. Даже и не пощадил длинного зеленого шлейфа хвоста. И начал разгуливать нагишом, вовсе не заботясь о несоответствии своего гигантского клюва с тщедушным тельцем. Ведь это и у нудистов случается. Тизи-Визи настолько проникся идеями нудизма, что каждое появившееся перышко он немедленно выщипывает. Среди разнообразных разговоров с хозяевами своими Тизи-Визи иногда престранно свистит, точно бы хочет скандировать слово «Культура».

Ох, часто, очень часто и свистом и писком твердится это священное слово. Скоро, как нудизм и прочие моды, кто-то сочтет вполне модным двадцать раз в день повторять это звучное слово, немало не стыдясь всех своих прежних привычек.

За долгие времена так называемой цивилизации человечество так привыкло не соединять поступки свои с произносимыми понятиями. Люди ходят в церковь, умиляются словами высокого Учения, восхищаются проповедью о нестяжании и, приговаривая: «Все мы скоты перед Господом», идут домой, чтобы неотложно объесться, опиться, отравить себя всякими наркотиками и сквернословить. Люди идут в театр, плачут над

суровою судьбою героев, проникаются самыми возвышенными идеями и спешат домой, чтобы готовить ту же судьбу героям современности. Люди слушают музыку, даже пытаются внести ее в обиход свой, но посмотрите на этих знатоков звука, когда биржа не отвечает их вожделениям!

И так мы ухитрились наполнить жизнь самыми невероятными противоречиями, но с одной оговоркою — подъемы духа бывают очень кратковременны, так как озверение бывает вполне естественным пополнением жизни. В неискренности люди приходят даже к некоторому утончению. Так, некий обманщик, собираясь обмануть, всегда наполнял глаза свои слезами. А другой, удушая множество людей, пытался застроить поле свое храмами и великолепными зданиями, надеясь, что души удушенных не расшатывают фундамент. И в других областях, даже близких науке и искусству, можно было неоднократно встречаться с прирожденным лицемерием. Когда становилось модным углубляться в старину, сколько внешних и скользких по поверхности слов было произнесено. Новые знатоки готовы были теоретически охранять ее, ту очень далекую старину, но когда касалось дело до старины близкой, зависящей от них самих, то весь вчерашний энтузиазм куда-то испарялся. Старина опять становилась чем-то скучным, а может быть, и какие-то «срочные дела» отвлекали вчерашних идейных апологетов!

Когда мы обращаемся к понятию Культуры, к понятию такому близкому, насущному, неотложному, невольно вспоминаются все лицемерные экскурсии человечества, в которых, как вчерашняя гроза, быстро забывается даже самое неотступно стучащееся. Иногда становится жутко, а что если Тизи-Визи начнет отчетливо пищать слово «Культура»? А что если некто, твердя это слово, изобретет новые возможности удушения? А что если конференции против наркотиков благословят продажу наркотического сырья, благочестиво твердя против вредоносности отравления? Возьмите за год любую газету, и вы найдете самые необычайные примеры лицемерия, ханжества и лживости под предлогом высоких задач.

Конечно, все эти экскурсии лицемерия уже достаточно усложнили современную жизнь. Люди запутались. Пробовали вводить пушки в христианские соборы для благословения. Но и это экстренное средство не помогло. Люди священного звания пробовали говорить о недействительности обязательств, ибо оно было произнесено только устно. Но и эти отчаянные не улучшили ни своего положения, ни своей паствы. И среди всей этой противоречивой неразберихи вдруг и как-то повелительно вырос девиз Культура. Нужно сознаться, что зов этот вдруг широко проник в массы. В те массы, которые всегда

вызывали наши лучшие ожидания. Образовались целые организации, посвящающие себя исканию и стремлению к Культуре. Мы знаем подобные организации, где трудящаяся молодежь вместо пошлого водевиля обращается к героическим подвигам улучшения жизни, во имя самых высоких имен и понятий. Никакие обвинения в лицемерии или попугайничестве не коснутся этих искренних и устремленных людей. Значит, перед всеми нами лежат две определенные задачи. С одной стороны, нужно всячески помочь и объединить, и облегчать судьбу искренних искателей Культуры. С другой же стороны, нужно доглядывать с огнем в руке, чтобы драгоценное понятие Культуры не попало в число модных заголовков. Не сделалось модным, хотя и неосознанным понятием болтливых гостиных.

Предстоят две работы — просветительная и охранительная. Значит, кружки, общества, организации, осознавшие ценность и смысл Культуры, должны доглядеть, чтобы никакая вульгаризация и опошление не начали бы разлагать это ценное и спасительное понятие. Конечно, не охранники, но просвещенные воины Культуры должны собираться и поддерживать друг друга, цементировать пространство самым высоким, самым прекрасным, проталкивая эти действительные ценности в жизнь. Нудисты во имя своей идеи не стыдятся всенародно показывать свое безобразие. Пусть же деятели Культуры тоже не постыдятся показать, но не безобразие, а Красоту Духа.

Когда мы инкорпорировали Учреждение Лига Культуры, трудно было предусмотреть, как двинется эта организация. Но поднялось Знамя Мира: осозналось, что это Знамя нужно не только во время войны, но еще более повседневно. И безотчетно, стихийно связалось понятие Знамени этого с представлением о Лиге Культуры.

Всемирный отбор лучшего, сознательного, просвещенного! Как сон: еще недавно могли бы мечтать о таком единении? Но видимо, колесо жизни вращается очень быстро, и незыблемый закон опять обращает нас к равнению по лучшему. Трогательно отметить, что пока, в добрый час, это единение происходит без всякого опошления. Людям хочется сойтись получше и духовно и внешне, это стремление кверху содержит в себе и разрешение множества социальных проблем, ибо в просветительном соединении искореняется пакость, стирается ржавчина и вдохновенным духам нечего опасаться безобразия. Мы только что укоряли в безобразии нудистов; если бы они как-то избегали безобразия, то половина нападков на них исчезла бы. Но носители Культуры, обнажая прекраснейшие стороны духа своего, совершат необычайное преображе-

ние жизни. Ведь обязано же человечество отойти от безобразия. В самом слове «безобразие» заключена безобразность, непроявленность, мохнатость. А ведь дух-то наш стремится к стройным построениям, к ясности, к Свету. Кто же работает во тьме?

Итак, убережемся от попугаев, убережемся от извратителей и сквернословцев. Ибо нам неместно возвращаться в птичье состояние и неместно огрызаться по-звериному. Столько неотложной работы перед нами. Такие глубокие прошедшие провода нужно найти и соединить с проводами будущего. Так добросовестно и устремленно нужно научиться уважать друг друга и в этом научиться уважать человеческое достоинство. Ведь в обиходе это не умеют делать, и умеют гораздо лучше затруднять, нежели облегчать и помогать.

Широка программа Лиги Культуры. Все прекрасное, все познавательное и просветительное. Это не внешняя интеллектуальность, — это сердечное стремление к Свету, к взаимной помощи и пользе. Кто-то усмехнется, вспоминая старый цинизм: «Человек человеку волк». А на это нужно сказать: «Тогда и убирайтесь к волкам и помните, что заветом «падающего толкни» вы вышли из моды и стали смешными. А что может быть безобразнее, как «впасть в ридикюль»?».

Вот Лига Культуры прежде всего и будет бороться против безобразия, рыхлости, гнилости, влезших в жизнь нашу. Для удобства поступательных действий нужен прежде всего порядок, организация, свободно осознанная духовная дисциплина. Но ведь Культура, как таковая, в самом существе своем уже содержит утонченность, понимание, созидательность. А там, где возносится строение во имя просвещения, там некогда ни оглядываться, ни вздыхать, ни сожалеть. Опять вспомнили: «Когда постройка идет, все идет». И не забудем, что каждая постройка содержит в себе уже радость. Вот во имя этой строительной радости мы и сходимся, и уважаем друг друга, и можем смело смотреть друг другу в глаза, желая благо.

Когда искали клады, то главным напутствием было: «Не оглядывайся». Так же и тут скажем: «А ну их к шуту, все смятения, все передряги и прокислые счета. Когда постройка идет, все идет».

ИЗУЧЕНИЕ ЖИЗНИ

*Речь слушателям Института Жизни, Мудрости
Нью-Йорк, 13 апреля 1934 года*

Мои дорогие друзья, вы не можете себе представить, как часто я упоминал о вашем Институте и в Индии, и во Франции, и во многих других странах. Мне было радостно упоминать вашу организацию, когда я говорил о сотрудничестве, о дружбе, о созидательстве. Все вы чувствуете, как значительно наше время, как близки знаменательные явления. В ваших сердцах вы понимаете, что ничего нет отвлеченного, но все реально в полном смысле. Ведь все отображено здесь, на Земле. В ежедневном труде вы сотрудничаете с высочайшими энергиями принесений на Землю новой и счастливой эры.

Очень часто высочайшие понятия, прекраснейшие поучения были понимаемы как нечто отвлеченное. Очень часто величайшие пророчества принимались как нечто, может быть, небесное, но не для человечества, не для Земли. Но здесь, на Земле, все для людей, все для всех, и каждый в сердце своем от земного приближается к высочайшему.

Потому-то каждый несет на себе прекраснейшую, необходимейшую и великую ответственность прилагать все свои силы к лучшим строениям и тем вносить возможность счастья новой эры. Мы должны чувствовать, что наибольшая необходимость прежде всего выражается в совместном труде.

Ваша организация и своевременна и нужна. Вы трудитесь в течение дня на многих разнообразных поприщах работы, а затем вы ходите на ваши лекции и собрания как на духовный праздник после ежедневной работы, и часто очень тяжелой работы. После каждодневного труда вы успеваете приодеться и приумыться, так как справедливо считаете ваши занятия в Институте духовным праздником. Потому-то эти ваши занятия так и успешны, потому что между вами нет нетрудящихся. Между вами нет не преоборовших жизненные трудности, и таким путем вы приобретаете истинную опытность в земных испытаниях. Только через такие труды вы близитесь к небесным и к надземным возможностям.

Конечно, каждый из вас понимает значение сроков, и сейчас, начиная от древних пророчеств, от наследий библейских и до Оксфордского Движения, вы всюду слышите о 1936 годе. Разве не удивительно, что весь мир произносит этот срок? Что же это значит? Это значит, что нечто предчувствованное в ты-

сячелетиях кульминируется в наши дни. В этом много чудесного, и мы знаем, сколько пламенности в этом сроке, когда прекрасный элемент добра огня как бы приближается к нашей планете. Как же должны мы принять эту мощную огненность? Огонь может быть благотворно творящим или же поедающим. Дано нам, дано каждому решить в сознании своем, как и где приложить и претворить мощь наиболее творческой и наиболее благотворной. Эта миссия перед Вами.

Часто говорилось о мозгах и рассудке. В механике условной цивилизации люди старались опереться более всего на рассудок, но изучающие принципы жизни должны понимать, что в основе земного строительства может лежать только сердце. Лишь через сердце мы можем опять приобрести неиссякаемое творчество и решать проблемы современных кризисов. Каждый чувствует всемирный кризис. Но некоторые недаленовидные думают, что это материальный кризис. Ничуть не бывало! Это духовный кризис. Человечество забыло истинные ценности, которые стоят в основе жизни и не могут считаться отвлеченными.

Условные ценности вчерашнего дня уже ушли — само золото потрясено. Во время поездки сюда я хотел заплатить разменными долларами. Кондуктор в ужасе воскликнул: «Я не могу принять их!». Я спросил — почему, ответ был: «Потому что это золото!». Как недавно люди мечтали иметь золото, а сейчас они боятся даже прикоснуться к нему. И так вместо золота мы должны прикасаться к истинному сокровищу — к труду.

Физические условия Земли изменяются на наших глазах. Мы уже знаем, как передвигаются материки. Мы видим необыкновенные землетрясения, тайфуны, засухи и наводнения. Ученые замечают изменение климата; планетарные условия как бы изменяются в какой-то постепенности. Каждый вдумчивый ученый скажет Вам об этом. Сами болезни видоизменяются. На смену благо уже побежденным к человечеству приходят другие, еще более опасные — всякие менингиты, сердечные болезни, воспаление гортани, давление крови, уже не говоря об ужасах рака; все это еще раз напоминает о планетарных сдвигах. И, поистине, люди должны прилагать открытия не к разрушению, но к благу, иначе можно вызвать опаснейшее разрушение стихии. Люди не должны позволять темным силам, силам хаоса, вторгаться и разрушать, тогда как основное назначение человечества — сознательно сотрудничать.

Ваша организация приводит к достижениям. Молодежь сходится не для «приятного» времяпрепровождения, но ради великого времени. Довольно было времяпрепровождений! Они

довели до времен трудных, и теперь мы опять должны обратиться к основам. Мы уже не можем разрешать нахлынувшие проблемы отвлеченною наукою. Опять следует обращаться к познанию ценностей не абстрактных, но реальных.

В биении нашего пульса мы получаем напоминание о работающей энергии, которая близка Высшей энергии. Вы, молодежь, особенно поймете все упоминания о сердце и о любимом творящем труде. Вы знаете, что пока вы живете устремлением к духовным ценностям, — вы не почувствуете усталости. Несмотря на трудную работу, Вы все-таки сходитесь на вечерние собрания. Вы стремитесь сюда, побуждаемые какою-то мощью. Откуда она? В сердечном сотрудничестве усиливается ваша энергия.

Каждый из вас слышал не раз, как распались общежития. Сокрушались они, ибо сердце в них отсутствовало. Но в вашем случае мне приятно было убедиться, что не только вы работаете в сотрудничестве, но многие из вас живут общежитиями. И какие это славные общежития! Как там чисто и физически и духовно. И не допущены там ссоры и брань. И укрепляйтесь вы на взаимном доверии и труде. А ведь нечасто можно встречать теперь такое взаимопонимание. Хвалю и радуюсь.

Также слышу я, как вы уважаете Вашего ближайшего руководителя д-ра Кетнера. Это прекрасно, ибо именно теперь часто с темной стороны раздаются мнения: «Долой учителей, долой руководителей, да здравствует одно мое я!». Вы же ответите, во-первых, не «я», но «мы», и во-вторых, «мы чтим учителей и руководителей». Каждый момент мы следуем за ними. В писаниях даны великие символы, и мы знаем, что, следуя путем Света, мы получаем величайшие возможности. Итак, мы не хотим изолироваться нашим себялюбивым «я». Мы ищем содружества и сотрудничества, среди которых радость приходит к нам.

Часто мы слышали, что люди могут понимать друг друга даже без слов, без земных выражений. Помню, однажды я видел долгую такую сердечную беседу между тибетцем и брамином. Они ехали в одном вагоне. Они не знали языка собеседника; каждый говорил на своем языке, и все-таки они понимали один другого, ибо понимали они не рассудком, но сердцем. Кроме того, они и желали понять друг друга. Сами же знаете: кто позволяет ненависти наполнить сердце его, тот произведет лишь яд! Это не отвлеченное предположение, но нечто очень реальное. Каждый врач подтвердит вам, что гнев и раздражение образуют яд в нашем организме. Кто же творит этот яд, вредный и для себя, и для окружающих? Сами люди. И действительно, вредят они не только самим себе; этот яд очень заразителен, он заражает окружающее пространство.

Каждый человек, преисполненный ядом ненависти, заражает им все окружающее, потому наша духовная обязанность не вредить нашим соседям и не заражать пространство, ибо кто может угадать губительные границы зараженной атмосферы?

Также часто мы мало думаем, как далеко распространяется сила нашей мысли. Конечно, наша мысль гораздо более могуща, нежели наиболее сильное радио, и, наверное, она может достигать очень далеких сфер. Тем более, имеем ли мы право заражать все сущее злобой и ненавистью? Ведь люди сами могут заражать пространство и вредить на большие расстояния.

Прискорбно видеть, как после тысячелетий цивилизации, и, казалось бы, даже Культуры, люди все же не понимают смысла сотрудничества, и зломышления устремляются к разъединению. Стыдно, стыдно! Также часто люди вообще не различают разницу между цивилизацией и Культурой и легкомысленно думают, что эти два понятия одно и то же. Между тем, вы знаете, что это совсем не так. И каждый из вас, конечно, хочет быть Культурным работником. Пусть цивилизация поднимает внешние пределы общественной жизни, но ведь Культура всегда будет сущностью бытия, сущностью качества жизни, и для этого духовного качества, для постоянного утончения и очищения сознания мы должны устремляться. Высокое качество должно проникнуть во всю повседневную жизнь. Высоким качеством будет наполнено каждое мастерство, ибо в этом высоком уровне качества мы будем преобразовывать и очищать наш дух.

Вот уже пять лет, как вы сотрудничаете. В вашей работе видно истинное стремление к качеству. Во имя этого качества я приветствую вас. Во имя его и благодарю вас. Сегодня хороший вечер, полный высоких настроений, и в этом тоже сказывается высокое духовное качество. Не забудем об этом часе взаимного дружелюбия. Не забудем, как близко будущее и как велика наша ответственность перед этим будущим. Не стройте будущее как туманную отвлеченность. Стройте будущее здесь как яснейшую реальность. Ведь вы все — работники будущего, и тем самым каждый из вас ответственен за будущее; и мы все в одинаковой мере ответственны. В этой радостной ответственности я приветствую вас и верю в успех ваш.

1934

СЛОВО ДРУЗЬЯМ

Ответная речь при отъезде из Нью-Йорка

И в сердцах и в уме — в этой последовательности выражен величайший закон. Поистине мы должны выражать нас самих прежде всего в наших сердцах и действовать через наши сердца. Лишь временно и ограниченно мы можем думать, что мозговая основа достаточна, но уже в следующий день придет просветление, что лишь основа сердца может вести к истинному преуспеянию. Мы знаем много славных понятий — единение, братство, мир... В наших сердцах сохраняются эти великие понятия и, обращаясь к ним, мы все-таки чувствуем, что в чем-то мы еще не преуспели, что-то еще отсутствует.

Что же случилось, что это значит? Мы достаточно слышали об ужасах настоящего времени, и поистине Армагеддон гремит вокруг нас. Если мы чувствуем это, то мы именно понимаем, что силы тьмы, силы разрушения очень организованы. Каждый из нас имеет достаточно доказательств, насколько они ловки и находчивы, но те, кто верят в Свет и взывают Света, все еще находятся в разъединении и в недисциплинированности.

Для примера обратите внимание на ежедневные газеты. Что же мы видим на первых страницах? Мы видим огромные заголовки о новостях войны, преступлений, разрушений, ненависти! А если же нечто касается религии, красоты, познания и созидательства, то оно будет помещено даже не на последней странице, но потонет в самом мелком наборе, наиболее неприметных средних частях газеты. Не значит ли это, что лишь новости об убийстве, о разрушении, об ужасах представляют общественный интерес современности? При таком порядке не только народ, но и молодое поколение от младенчества воспитывается на том, что война, человеконенавистничество, убийство, отравление и всякая преступность заслуживают громкие названия и занимают первые страницы, а все позитивное как бы не имеет общественного значения. Улыбнемся горько! Если что-нибудь об искусстве или науке попадает на первую страницу, то не будет ли это известием об украденной картине или фальшивом открытии? На многих аспектах действительности мы можем убеждаться, насколько организованы темные силы, насколько они понимают друг друга и подчиняются какой-то своей незримой, неуловимой иерархии. Потому именно сейчас, именно спешно и неотложно доброе желание и строительство во благо должны войти в мировое сознание, и мы должны понять, казалось бы трюизм, что и силы добра должны быть

организованы; мы должны понять, что эта организация не должна быть чем-то отвлеченным. Вследствие прискорбных недоразумений люди часто приучаются думать, что добро есть нечто отвлеченное, нечто — поверх земных условий; но не забудем и другую простейшую истину, а именно, что идеализация есть нечто действительно практичное.

Обратите внимание, как только мы заговорим об идеализации, о положительном, так немедленно нам кто-то уже старается помешать; какие-то неожиданные телефонные звонки мешают говорить, но если мы будем настойчивы, то все непрошено вторгающееся отстанет. Вы видите, что друг наш уже прекратил несносные звонки.

Таким образом, осознаем же в сердцах наших, насколько наступило время, чтобы признать значение мощной энергии взаимного понимания. Очень стара аксиома, что все мы братья и сестры, где только и как только не повторялась эта истина, и все же сейчас она может быть особенно далека от жизни. Мы должны поклясться, что мы, каждый в своих средствах, не будем допускать разрушений, войны, жестокости, разложений и всяких ужасных и невежественных разъединений. Народы еще не понимают разницы между цивилизацией и Культурой. Тем не менее, если мы назовем кого-либо цивилизованным работником, он не удовлетворится этим названием, тогда как титул культурного работника его справедливо обрадует. Казалось бы, всем должно быть понятно, что цивилизация обозначает нечто в пределах внешней общности, но Культура прежде всего имеет в виду духовные ценности. Итак, именно Культура есть истинная реальность и должна быть внесена в жизнь в строгой организованности.

Сегодня я чувю истинный огонь в ваших сердцах. Пусть этот огонь сохранится. Пусть он не затемнится и не смутится, когда вы сейчас выйдете в уличную толпу. Пусть этот огонь сердца останется ярко возжженным во славу Вышнего Творца, во славу Бога. Сохраним в сердцах наших ясность сознания, что каждый момент мы предстоим пред Ликом Высшим; именно этим ясным сознанием рассеются мелкие злобные мысли, которые отягощают мир. Ведь в Великом Присутствии ложь не может существовать. Благородное дело внесения религии в жизнь есть дело прекрасное. Итак, утвердим всеми силами духа это благородное понятие именно в жизни каждого для укрепления его сознательной организацией. Тогда на первых страницах наших газет не будет сведений о войне и убийствах, но именно светлые новости о благе созидательного прогресса и подвиге.

Я уезжаю от вас лишь в теле, ибо в духе мы не разъединимся, и я сохраню яркое воспоминание о ваших пылающих дружеских сердцах.

1934

КУЛЬТУРА-ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА

Итак, вам понравилось мое определение Культуры и цивилизации. Надо отдать справедливость, что и в Индии и в Китае такое определение понятия Культуры и цивилизации было понимаемо очень легко и приветствовано как нечто вполне естественное.

Но так было не везде. Иногда мне вообще предлагалось исключить слово «Культура», так как «цивилизация» будто вполне выражает оба понятия. Мне приходилось доставать с полок всякие толковые словари, чтобы даже формально доказать различие этих двух слов. Конечно, оппоненты меня не убедили, но и не уверен, убедились ли они сами. Может быть, в силу каких-то предрассудков они продолжают считать, что цивилизация есть нечто осязаемое, а Культура нечто эфемерное — отвлеченное. Может быть, несмотря на все доводы, кто-то все-таки полагает, что присутствие крахмального воротничка или модного платья уже является залогом не только прочной цивилизации, но, может быть, и Культуры. Ведь так часто внешние, условные признаки легкомысленно принимались за неоспоримое достижение.

Но в Culture нет места легкомысленности. Именно Culture есть сознательное познание, духовная утонченность и убедительность, между тем, как условные формы цивилизации вполне зависят даже от проходящей моды. Culture, возникнув и утвердившись, уже неистребима. Могут быть различные степени и методы ее выявления, но в существе своем она незыблема и прежде всего живет в сердце человеческом. Случайная фраза рассудка может удовлетвориться и механической цивилизацией, тогда как просветленное осознание может дышать лишь в Culture. Казалось бы, уже давно сказано, что Culture есть то прибежище, где дух человеческий находит пути к религии и ко всему просветительному и прекрасному.

Culture есть уже ручательство в невозможности отступления. Если вы где-либо услышите о каких-то торжествах Culture, о праздничных днях, Culture посвященных, а затем узнаете, что на следующий день там же творилось и допускалось нечто антикультурное, то не верьте в эти торжества. Они были лишь суесловием и лжесловием. Они лишь опоганивали светлое понятие Culture. Теперь много где бывают объявленные дни Culture, на которых люди клянутся друг другу в том, что не допустят более некультурных проявлений. Торжественно свидетельствуется преданность всему Культурному и отрицается все грубое, отрицательное, разлагающее. Как

было бы хорошо, если бы все эти клятвы были искренними и неизменными. Но посмотрите через малое время на листы тех же газет, и вы будете потрясены, увидев, что методы выражений и устремлений не только не очистились, но как бы стали еще мерзостнее и лживее. Не значит ли это, что многие из тех, которые только что всенародно свидетельствовали свое причастие к Культуре, вероятно, даже и не понимали истинного значения этого высокого понятия. Ведь клятва Культурой обязывает. Нельзя зря или злоумышленно произносить большие слова. Недаром Апостол напоминал ефесянам: «Также сквернословие, и пустословие, и смехотворство не приличны вам, а, напротив, благодарения». «Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас». Он же предостерегал: «Дорожите временем, потому что дни лукавы».

Как безобразно сквернословить около понятия Культуры! Тут уже ничем не оправдаетесь. Сколько бы ни пытались забывать о самом слове «Культура» и ограничивать ее цивилизацией, все же даже на низших ступенях цивилизованной общественности всякая грубость уже исключается. Кто-то скорбно замечает о существовании цивилизованных дикарей. Конечно, всякие формы одичания возможны. С одной стороны, можно было видеть, как люди, поставленные даже в высшую степень уединения, не только не теряли, но даже возвышали свое человекообразие. И, наоборот, очень часто даже среди так называемых цивилизованных форм жизни люди впадали в одичание, в звероподобность. Не будем называть примеры, ибо таковых у каждого достаточно. Все это лишь доказывает, насколько хрупки признаки цивилизации и как необходимо вспомнить о принципах Культуры. И не для лжедней культуры, но для внесения ее основ в жизнь каждого дня. Нельзя откладывать на какие-то долгие сроки истинные дни Культуры. Иначе лжеторжества могут кому-то показаться уже достаточным. Ведь одно повторение слова «Культура» еще не значит основание и применение этого понятия.

Существует много анекдотов о смехотворном применении разных научных терминов. Также невозможно профанировать и то великое понятие, которое должно улучшить и обновить сумерки современного существования. Если огни кинематографических вывесок яркие, если газетные отчеты изобилуют оценкою ударов, то ведь это еще не значит, что дни Культуры приблизились.

Молодежь часто имеет полное право спросить старших о степени культурности их времяпрепровождения. Это не будет какой-то недозволенный бунт молодежи. Это будет просто вопрос о благообразном построении жизни. Часто именно моло-

дой ум пытливо устремляется за пределы условной цивилизации. Часто дети неутолимо хотят знать о том, о чем они получают такие скудно формальные ответы старших. Да еще иногда будет прибавлено «ergo bibamus» — итак, выпьем — чем подчеркивается полная несостоятельность мышления.

Жизнь во всех ее новых формах уже перерастает понятие условной цивилизации. Проблемы жизни, нарастающие с каждым днем, повелительно устремляют людей к высшим решениям, для которых уже невозможно отговориться условными, изжитыми формален. Или все вновь преобразенные возможности сочетаются прекрасным, истинным Культурным решением, или пережитки цивилизации потянут слабовольных к одичанию. Тогда никакие лжеторжества культуры не вдохновят и не удержат ложь и разрушения.

Но хотя бы в меньшинстве, хотя бы гонимые, как издревле принято, все же пусть некоторые соберутся и в истинных торжествах Культуры, где без суемыслия, без пышного празднословия они несломимо поклянутся друг другу следовать именно путями Культуры, путями духовного совершенствования. Пусть будет так в разных странах, во всех углах мира, где бьется сердце человеческое.

1934

ПОДВИЖНОСТЬ

Лама Мингиюр уезжает в монастыри. Наверно, опять соберет много значительных сведений и по старым преданиям, и по всяким лекарственным вопросам. Очень хорошо, что он едет. В этой подвижности заключается именно то качество, которое я всегда советовал нашим сотрудникам. Вот и лекарь Дава Тяньзин тоже уходит в горы. Если он не будет обновлять своих запасов, если перестанет встречаться с другими лекарями-ламами, то и его запас скоро оскудеет. Вот и еще двое сотрудников выехали. Одни — в Лагор, а другие — за океан.

Когда мы основывали Институт, то прежде всего имелась в виду постоянная подвижность работы. Со времени основания каждый год происходят экспедиции и экскурсии. Не нужно отказываться от этой уже сложившейся традиции. Если все сотрудники и корреспонденты будут привязаны к одному месту, то сколько неожиданных хороших возможностей замерзнут. Ведь не для того собираются люди, чтобы непременно, сидя в

одной комнате, питать себя присылаемыми сведениями. В этом была бы лишь половина работы.

Нужно то, что индусы так сердечно и знаменательно называют «ашрам». Это — средоточие. Но умственное питание ашрама добывается в разных местах. Приходят совсем неожиданные путники, каждый со своими накоплениями. Но и сотрудники ашрама тоже не сидят на месте. При каждой новой возможности они идут в разные стороны и пополняют свои внутренние запасы. Недаром давно сказано, как один настоятель монастыря, когда братия уходила в странствия, говорил:

«Наша обитель опять расширяется».

Казалось бы, братия уходила, но настоятель считал именно это обстоятельство расширением обители.

Впрочем, сейчас всякий обмен научными силами, всякие экспедиции и странствия становятся уже непременным условием каждого преуспевания. При этом люди научаются и расширять пределы своей специальности. Странник многое видит. Путник, если не слеп, даже невольно усмотрит многое замечательное. Таким образом, узкая профессия, одно время так овладевшая человечеством, опять заменяется познанием широким.

Часто даже, казалось бы, удаленные друг от друга области становятся благодетельными сотрудниками. Конечно, так и должно быть, ибо последние устремления человечества, основанные на сотрудничестве, на кооперации, прежде всего научают синтезу. Еще недавно очень боялись этого объединительного понятия. Помним, как Анатолий Франс и многие другие просвещенные писатели тонко иронизировали над чрезмерною специализацией. Действительно, в природе так все кооперирует, настолько все слито и уравновешено, что лишь сознательное сотрудничество людей ответит этим основным законам всего сущего.

Польза путешествия и всестороннего познания, вероятно, никогда настолько не занимала умы, как сейчас. Скоро земной шар будет испещрен пройденными путями. Но это будет все-таки лишь первичная степень познания. И на каждом этих путях нужно будет и взглянуть высоко наверх, и глубоко проникнуть внутрь, чтобы оценить все разнообразие возможностей, так недавно вообще не замеченное.

Опасно одно, что среди всяких поездок развивается слишком много спортивных поездок и состязаний. В этих чисто внешних механических соревнованиях теряется многое, что нужно было бы особенно наверстать в наши дни. Всякие соревнования на силу, неутомимость, на скорость нужно бы перенести и на скорость и глубину мышления и познания. У каждого в запасе много анекдотов, всяких школьных недоумений и

странностей; не будем их повторять. Но будем очень твердо помнить, что не следует устремляться лишь к техническому образованию.

Всякие ограниченно условные техникумы уже являются пережитком перед опять властно возникающим понятием синтеза. Если техникум где-то упирается в работа, то глубоко осмысленный синтез дает новую широту горизонта. Основывая отделы учреждений в разных странах, мы именно имели в виду, что когда-то и как-то произойдет теснейшее общение всех сотрудников. Они обогатят друг друга, они ободрят друг друга и перекликнутся самыми неотложно полезными понятиями. Если же в учреждениях явится какая-либо возможность для новых познаний, экспедиций, посещений, то пусть эта возможность не откладывается.

Будем продолжать уже сложившуюся традицию взаимных ознакомлений. Будем смотреть на каждое новое посещение мест нашими сотрудниками как на истинное развитие просветительного дела. А для этого прежде всего будем развивать истинную подвижность.

Когда говорим о подвижности, то не будем думать, что она близка многим. Немало людей любит говорить о подвижности. Сидя в спокойных креслах за вечерним столом, они готовы очень легко помечтать, подняться, ехать, творить и работать на новых местах. Но, как только дело дойдет до выполнения этих мечтаний, многие найдут десятки причин, им мешающих. Каждый из нас может припомнить, даже и в недавнем прошлом, поучительные эпизоды, как уже совсем было собравшиеся в путь дальний бессильно опускались в свое насиженное, спокойное кресло. Причины отступления, конечно, были и многочисленны и как бы житейски уважительны.

Когда человек хочет оправдать себя в неделании чего-либо, то, поверьте, он найдет множество помогающих обстоятельств. При этом неподвижность будет оправдана очень многими. А подвижность, т.е. желание нового труда, нового познания — будет очень легко осуждена. Будет сказано и о пустом мечтательстве, о несбыточных стремлениях, о легковерии, мало ли о чем найдет сказать изворотливый рассудок, когда он хочет уклониться от чего-то, подсказанного сердцем.

Сколько раз мы читали письма, полные устремления в даль, полные готовности к обновленному труду, но, как только вы спрашивали сего писателя, когда он может выехать к новому поприщу, как он впадал в престранное молчание. Очевидно, вся бытовая запыленность обрушивалась и приводила к молчанию язык сердца. Выползали всякие рогатые сомнения, выслушивались всякие нелепые соображения и утеривалась еще одна возможность. Мало того, что утеривалась она

лично; она могла отягощать и вредить множеству и близких и дальних людей.

Ради призрачной помощи немногим забывалось сотрудничество и помощь в очень больших делах. Основной же причиной все-таки оказывались неподвижность, прижитость к своему просиженному креслу. А ведь за неподвижностью встает и призрак страха перед каждой новизною вообще. Этот призрак ведет к ветхости и дряхлости. Когда же наступит такое разложение, то никакими внешними мерами уже не помочь.

А сколько раз не что иное, как какие-то несчастные вещи, делали людей неподвижными. Мы сами видели весьма прискорбные примеры, когда люди, казалось бы, интеллигентные, из-за вещей обрекали себя на самое печальное существование. Ох, уж эти вещи! Эти мохнатые придатки пыльного быта. Иногда они начинают до такой степени властвовать, что голос сердца при них кажется не только неправдоподобным, но даже как бы неуместным.

Всегда радуюсь, когда вижу в сотрудниках подвижность.

1935

ВРАТА В БУДУЩЕЕ

Друзья! Разбирая старые бумаги, мы нашли набросок моих мыслей о значении Культурных Учреждений. Перепишем для Вас эту памятку, которую сохраните в архивах. Исполнилось пятидесятилетие нашей встречи для совместной работы, и Вам, знаю, будет близко вспомнить об основных, изначальных мыслях о Культуре.

«Впишем на Щитах Культурных Просветительных Учреждений Заветы старинные, но всегда живые, ибо в них должно быть утверждено единение всех творческих сил, ведущих к преуспеянию. Скажем:

«Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство имеет много ветвей, но корень един. Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство — для всех. Каждый чувствует истину Красоты. Для всех должны быть открыты врата «священного источника». Свет искусства озарит бесчисленные сердца новою любовью. Сперва бессознательно придет это чувство, но после оно очистит все человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное. Дайте же им это. Дайте искусство

народу, кому оно принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем...

Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания Культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже «земные» люди поняли действительное значение Красоты. И когда утверждаем: Любовь, Красота и Действие, мы знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак Красоты откроет все «священные врата». Под знаком Красоты мы идем радостно. Красотою побеждаем. Красотою молимся. Красотою объединяемся. И теперь произнесем эти слова не на снежных вершинах, но в суете города. И, чуя путь истины, мы с улыбкою встречаем грядущее...

Именно только единением, дружелюбием и справедливым утверждением истинных ценностей можно строить во благо, в улучшение жизни. Многие исконные понятия затмились в обиходе. Люди произносят слово «Музей» и остаются далеки от мысли, что Музей есть Музейон, по-гречески, Дом Муз. Обиталище всех Муз прежде всего является символом Объединения. В классическом мире понятие Муз вовсе не было чем-то отвлеченным, наоборот, в нем утверждались живые основы творчества здесь — на Земле, в нашем плотном мире. Так издавна, от самых далеких веков утверждались основы единства. Все человеческие примеры ярко говорят о том, что сила в союзе, в доброжелательстве и сотрудничестве. Швейцарский лев крепко держит Щит с начертанием: «В Единении Сила».

Когда мыслим о созидании школы Объединенных Искусств со всеми к тому образовательными предметами, мы имеем в виду именно дело живое. Всякая отвлеченность, всякая туманность и необоснованность не должны входить в созидательный план. Туманности — не для созидания. Для постройки нужен Свет, чтобы в ярких лучах иметь возможность находить прочные и прекрасные материалы. Каждый труд должен быть обоснован. Цель его должна быть ясна прежде всего самому творящему, трудящемуся. Если труженик знает, что каждое его действие будет полезно человечеству, то и силы его приумножатся и сложатся в наиболее убедительном выражении. Труд всегда прекрасен. Чем больше он будет осмыслен, тем и каче-

ство его вознесется и сотворит еще большее общественное благо. В труде — благодать.

Каждая школа есть просветительное приготовление к жизненному труду. Чем больше школа вооружит ученика своего на избранном им поприще, тем она будет жизненнее, тем она станет любимее. Вместо формального холодного окончания школы ученик навсегда останется ее другом, ее верным сотрудником. Основание школ есть дело поистине священное. Примат Духа заложится среди правильных, освобожденных от предрассудков оснований. Там же, где вознесется прочно Примат Духа во всей своей великой реальности, там произрастут лучшие цветы возрождения и утвердятся очаги, просвещенные Светом Знания Неугасимым.

Школа готовит к жизни. Школа не может давать только специальные предметы, не утвердив сознание учащегося. Потому школа должна быть оборудована всевозможными полезными пособиями, избранными предметами творчества, обдуманно составленными книгохранилищами и даже кооперативами. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно в осознании современного общественного строя. От юных лет легче воспринять условия разумного обмена; легче не погрузиться в корысть, в утаивание и самость. Школьное товарищество закладывается естественно. Дети и молодежь любят, когда им поручается серьезная работа, и потому по способностям каждого должны быть открываемы широко врата будущих достижений.

Начало сотрудничества, кооперации может быть жизненно приложено и в построении самих школьных зданий, этих Музейонов всех Муз. Могут ли быть общежития при школьных зданиях? Конечно, могут. Даже желательно, чтобы люди, приобщившиеся к благим задачам Культуры, могли иметь между собою возможно большее общение. Если бы в таких кооперациях пожелали находиться и вновь подошедшие, посторонние люди, то это должно быть лишь приветствовано. Приобщившийся к Культуре неминуемо должен получить тот или иной дар ее. Таким образом, строение школьное будет не только прямым светорассадником для молодежи, но и сделается широким распространителем знаний для всех желающих подойти. Ведь вне возраста вечное обучение. Познавание беспредельно, и в этом красота беспредельная!

Все должно быть жизненно и потому должно и в плотном отношении стоять прочно. Для этого все расчеты просветительных построений должны быть сделаны с величайшей точностью. Если все города полны бесчисленными доходными домами, значит, строение даже в житейском смысле признается доходным и верным. Если даже без культурных заданий, лишь в желании обогащения строятся дома, то, конечно, при пра-

вильном расчете будут также доходны такие просветительные строения с общежитиями, школами, Музеями, книгохранилищами и кооперативами. Не от великого знания, но от инженерно-финансового расчета зависят соотношения частей таких объединений. Все примеры нашей современности говорят о том, что существуют доходные дома, богатеют издательства, процветают кооперативы, находят средства музеи и школы, существуют галереи для продажи художественных произведений, лекторы получают гонорары и даже существуют платные библиотеки, себя окупающие.

Мы сами на своем веку удостоверились, как одно дело художественных открытых писем в течение самого короткого срока давало огромные доходы. Мы видели прекрасные результаты выставок. Мы знали, как школа взносами части учащихся могла давать бесплатное обучение шестистам неимущим. Мы видели, как процветали в самый короткий срок кооперативы. Можем свидетельствовать, как самодеятельность полезных учреждений не только содержала их самих, но и позволяла широко уделять на благотворительность. Культура не может быть чем-то необоснованным, отвлеченным. Если Культура есть следствие лучших накоплений знаний, есть утверждение Примата Духа, есть стремление к Красоте, то она же будет утверждением и всех правильных расчетов-построений.

Всякая корысть уже некультурна, но заработок и оплата труда есть законное право. Право на жизнь, право на знание, право на достоинство личности. Будут всегда колебаться условные ценности. Неизвестно, какой металл будет признаваем наиболее драгоценным. Но ценность труда духовно-творческого во всей истории человечества оставалась сокровищем незыблемым и всемирным. Целые страны живут этими сокровищами. Всякие перевороты в конце концов лишь подтверждают эти ценности; люди приглашают почетных гостей на эти пиры Культуры. Учреждаются целые министерства во имя этих неизменных ценностей. Разумно люди стараются охранить и сберечь такие всемирные памятники Культуры. Красный Крест бережет здоровье, но будет Знак, берегущий Культуру! Будет Лига Культуры!

Неотложно нужно, чтобы среди мировых смущений и смятений возникали твердыни, маяки Культуры. Если кто-то подумает, что и Школ и всяких Просветительных Учреждений уже достаточно, — он ошибается. Если бы было достаточно просвещения, то человечество не стояло бы на пороге ужасных разложений и разрушений. Все видели достаточно мрачных развалин. Каждая газета говорит о крушениях и о набухающих несчастьях. Издавна сказано, что в основе всяко-

го ужаса и разрушения лежит невежество. Потому-то ближайшим долгом человечества есть внесение усиленного Просвещения. Мир через Культуру. А кто же не стремится в сердце своем к миру, к возможности мирного и творящего труда, к претворению жизни в Сад Прекрасный?

И опять, никакой сад не будет цвести и благоухать, если не было над ним надзора неусыпного. Землю надо улучшить, надо выбрать лучшие сроки для посева, отобрать лучшие зерна и рассчитать лучший день сбора. Следует настаивать на правильных расчетах. Инженер, строитель, знает эти расчеты, чтобы основы башен соответствовали завершению. Сердце человеческое знает и другое неперемное основание. Оно знает, что общественность, народ должны всемерно сочувствовать Культурным построениям. Если благотворительность является священной обязанностью людей, то тем более просвещение как основание здоровых поколений, всей земной эволюции, является ближайшим и священнейшим долгом каждого обитателя Земли. Культура не есть удел богатых, Культура есть достояние всего народа. Решительно каждый в своей мере, в своем добром желании может и должен вносить свое зерно в общую житницу. Сотрудничество как основа бытия является и взаимопомощью. Если один отдел заболевает неустройством, то остальные придут ему на помощь.

Культура не выносит злоречия и злонамеренности. Зло есть грубейшая форма невежества. Зло, как тьму, надо рассеивать. Внесенный Свет уже разгоняет тьму. Каждое сотрудничество во имя Света своим существованием уже противоборствует темному хаосу. Работники Культуры в справедливости должны наблюдать, чтобы никто из приобщившихся к делу Просвещения не пострадал. Отзывчиво и сердечно они должны протянуть друг другу руку истинной помощи. Опять-таки это не будет отвлеченным благожеланием, каждый кооператив предусматривает возможность и надобность такой помощи.

Мы всегда стояли за общественное начало. В свое время в России, принимая руководство обширным Просветительным Учреждением, я прежде всего поставил условием установление Совета Профессоров, облеченного правом решающего постановления. Общее дело должно и решаться общественно. Также и вся финансовая сторона находилась в руках особого комитета, составленного из испытанных финансистов. Кроме того, строжайшая ревизионная комиссия ведала всеми отчетами. Семнадцать лет работы лишь подтвердили, что общественное начало должно лежать в основе общего дела. Сейчас мне приходилось в разных странах встречать наших бывших учащихся. По их настроению и воспоминанию вижу, что бывшее ими оценено сердечно.

Было у нас и издательство, были выставки, были лекции и беседы, были многие мастерские, в которых дети местных фабричных работников получали первые основы своей будущей работы. Была и врачебная часть. Были собеседования и консультации по разным вопросам искусства и педагогики. Был Музей — всегда помню просвещенного директора основателя Д.В.Григоровича. Помните повести его из народной жизни? Эту любовь к народу принес он и в стены Хранилища Искусства, внушая доступность и целебность источников Красоты. Есть о чем вспомнить.

Итак, мысля о строении, вооружимся духом несломимым. Напишем на Щите слова, от которых не отречемся. Будем смотреть на сотрудников, на учащихся, на всех приобщающихся как на ближайших деятелей и друзей. Не будем огорчаться трудностями, ибо без трудностей нет и достижения. И будем всегда твердо помнить, что все труды должны быть истинно полезны человечеству. Потому и качество этих трудов должно быть высоко. Должно быть высоко и качество взаимосердечности, ибо неразделимы сердце и Культура».

На том знаменательном слове кончалась моя запись. Вы знаете, как мы, основная группа сотрудников, вносили эти же основы и в построение Просветительных дел в Америке. Никто не скажет, что мыслили мы о плохом, о ненужном. Основы Этики и Культуры всюду нужны. Без этих целительных оснований угрожает возвращение в звериность и хаос. «С оружием Света в правой и левой руке». Все это не отвлеченность, но великая основная реальность. Сегодня первый день 1936 года. Шлю вам наши старинные мысли как основу новых нерушимых построений. Со всем мужеством в добрый путь!

Дума о Культуре есть Врата в Будущее.

1936

БОРЬБА С НЕВЕЖЕСТВОМ

«Борьба с невежеством должна быть явлением мировым. Ни один народ не может хвалиться, что он достаточно просвещен. Никто не может найти довольно сил, чтобы одолеть невежество в единоборстве. Знание должно быть всемирным и поддержано в полном сотрудничестве. Пути сообщения не знают преград, также и пути знания должны процветать в обмене мнений. Не нужно думать, что где-то достаточно сделано для образования. Знание настолько расширяется, что требует-

ся постоянное обновление методов. Ужасно видеть окаменелые мозги, которые не допускают новых достижений. Каждый отрицатель не может называться ученым. Наука свободна, честна и бесстрашна. Наука может мгновенно изменить и просветить вопросы мироздания. Наука прекрасна и потому беспредельна. Наука не выносит запретов, предрассудков и суеверий. Наука может найти великое даже в поисках малого. Спросите великих ученых – сколько раз самые изумительные открытия происходили в процессе обычных наблюдений. Глаз был открыт и мозг не запылен. Путь умеющих смотреть свободно будет путем будущего. Именно борьба с невежеством неотложна как с разложением и тлением. Нелегка борьба с темным невежеством, оно имеет много пособников. Оно ютится во многих странах и прикрывается различными одеяниями. Нужно запастись и мужеством, и терпением, ибо борьба с невежеством есть борьба с хаосом».

Уже за пять веков до нашей эры с Востока раздались благословенные слова: «Невежество есть тягчайшее преступление». Затем и великие отшельники первых веков христианства заповедали что «невежество есть ад». Действительно, из этой темной пропасти рождаются все братоубийственные преступления, мир наполняется тою ложью и тьмою, которая способствует самым безобразным, самым жестоким и отвратительным деяниям.

Глотать пищу еще не значит жить. Так же точно быть грамотным еще не значит быть просвещенным. Грамота есть естественное питание, но мы видим, что как пища может быть и полезной и вредной, так же и значки грамоты могут служить и Свету и тьме. Просвещение и Культура будут синонимами. Как в том, так и в другом наименовании заключена готовность к беспредельному познанию. В горниле такого постоянного обновления сознания очищается и сущность человеческая. В этом честном и неограниченном труде знания люди облагораживаются и начинают понимать, что есть служение человечеству и миру. Истинный ученый имеет глаз открытый и мысль нестесненную. Но, как и все в мире, глаз должен быть воспитан, и мысль должна быть воспитана. От первых шагов образования светлое допущение и раскрытие горизонтов должно входить в основу начальной школы. Знание должно быть освобождено от условных рамок. Знание есть путь к радости, но радость есть особая мудрость.

Ученый и художник знают значение слова «вдохновение». Они знают, что есть прозрение, в котором открываются им новые утонченные формы и познаются доселе не замеченные, а, может быть, и позабытые высокие энергии. Из далеких веков уже пришло сознание того, что мысль есть энергия, мысль све-

тоносна. Давным-давно некоторые люди знали о том, что мысль может быть внушаема или, вернее, передаваема. Но даже и такая старая истина лишь в самое последнее время, на глазах нынешнего поколения, вошла в обиход ученого мышления. Все мы были свидетелями, как еще совсем недавно невежды глумились над так называемым магнетизмом и гипнотизмом. Доходило до того, что та же сила в разных ее наименованиях воспринималась иначе. Месмеризм был осмеян и осужден, и он же под именем гипнотизма получил некоторое право на существование. Ведь для чего-то некоторые пилюли должны быть позолочены, а склянки лекарств снабжены особыми ярлыками. И можно понять, по каким причинам некоторые химические элементы, теперь вполне признанные, должны были быть прикрываемы алхимиками под названиями орлов, фениксов и другими символами.

Все мы помним, как во время образования проф. Бехтеревым Неврологического института, все, кому не лень было, насмеялись над его опытами передачи мысли на расстояние. Широкая известность имени Бехтерева не избавила его не только от насмешек, но даже и от всяких подозрений. Невежды шептали, что не могло же целое учреждение возникать для исследования процессов нервной системы и мысли. Шептали о каких-то политических затеях или о романтических увлечениях и даже о помешательстве Бехтерева. Вот до каких Геркулесовых столбов доходили судороги невежества. Помню, как при этих злощептаниях мучительно вспоминалась книга Гастона Тиссандье «Мученики науки». Куда же дальше идти, когда еще на нашем веку некая академия обозвала великого Эдисона шарлатаном за его фонограф, а некие университеты не допускали женщин к высшему образованию. Ведь это было, повторяю, не в средневековье, а на нашем веку. Делалось это не какими-то безграмотными дикарями, но людьми, забронировавшими себя мертвым, официальным ярлыком учености. Не будем перечислять бесконечный ряд истинных мучеников науки, но раз мы упомянули о гонениях на женское образование, то вспомним хотя бы гениальную математичку Софью Ковалевскую, которая не могла поступить ни в один университет, а в то же время удостаивалась мирового признания ее работ по высшей математике. А сколько прекрасных ученых и врачей можно бы припомнить, которые, гонимые их невежественными коллегами, должны были даже покинуть свою родину.

Мир гордится великим именем физиолога Павлова, повсюду твердятся формулы его учения о рефлексах и другие его гениальные прозрения. Но даже и эта нобелевски увенчанная всемирная деятельность вызывала в некоторых специфических

кругах пожимание плечами. Среди этих пожимателей плечами тоже ищите невежество. Поистине, никакие мундиры, никакие мертвенные, схоластические ярлыки не прикроют человеконенавистничество, зависть и тупую ограниченность. Бороться с безграмотностью куда легче, нежели поразить мрачную гидру человеконенавистничества со всеми ее атрибутами зависти, сомнения, пошлости, злощептания и тех подпольных кампаний, которые силы мрака умеют так ловко проделывать. Ведь силы зла и с ними силы невежества — позорные синонимы — весьма сплоченны. Из всех чувств — любовь и ненависть являются наиболее объединяющими и сильнейшими.

Конечно, несмотря на все яркие попытки невежества, светлое познание продвигается по всему миру. Вспомним хотя бы недавние сведения, порадовавшие просвещенный мир. Вспомним все замечательные достижения великого биолога Боше [в области науки] о жизни растений. Проф. Комптон заявляет, что мысль человека является самым важным фактором мира. Проф. Метальников дает исследования об иммунитете и о бессмертии одноклеточных. Д-р Котик исследует перенос чувствительности. Профессор Мюнстерского университета В.Стемпель доказывает существование незримых излучений от всех живых существ. Д-р Доблер из Гейлброннского университета утверждает существование еще недавно осмеянных излучений Земли и связь их с человеческим магнетизмом. Гарри М.Джонсон, проф. университета Виргинии, делает поучительные заключения о безумии. Д-р Отриан, заведующий метеорологической станцией в Германии, наблюдает влияние атмосферных явлений. Аббат Морэ, французский астроном, делает интереснейшие выводы о солнечных пятнах. Американский биолог Бернард Проктор изучает условия жизни на высотах. Французский ученый д-р Леви Валенси предостерегает об эпидемиях безумия. Д-р Ризе делает опыты над воздействием ритмов. Д-р Бернард Рид, британский ученый, сближает находения древнейшей медицины с современными исследованиями о витаминах. Венгерский молодой ученый открывает лучи-невидимки. Всем известны опыты профессоров Ришэ и Жиллэ и выводы сэра Оливера Лоджа. Проф. Лейденского университета В. де Хааз исследует абсолютный нуль, доказывая его невозможность. Профессор Гарвардского университета д-р Кеннон делает выводы о значении удачи в научных открытиях. Химик Минглей дает смелый прогноз грядущих открытий. Проф. Гарвардского университета Иосиф Раин и Уильям Мак-Дугалл достигают замечательных результатов по передаче мысли на расстояние. Сколько прекрасных достижений! Итак, в каждой стране имеются светлые искатели, неутомимо и бесстрашно приоткрывающие завесы знания. И все-таки эти ве-

ликие люди остаются единицами и вынуждены каждый в своей области, а иногда и в общественном мнении, преодолевать незаслуженные затруднения.

Можно привести длиннейший ряд произведенных за последнее время работ, расширяющих условные рамки мышления. Сама природа деятельно приходит на помощь каждому мыслителю. Солнечные пятна, со всеми около них выводами, о которых пишут величайшие авторитеты нашего времени, как проф. Джине, Аббот и др., напоминают нам о том, что недалеко время, когда и столь осмеянная астрология окажется не чем иным, как просто формулой астрохимии, и еще одна великая отрасль науки будет освобождена от наветов. И люди поймут, что они живут окруженные великими химизмами и сами представляют из себя утонченнейшую и сильнейшую химическую лабораторию. Все читали о недавно произведенных опытах с химизмом человеческих секретов и излучений из пальцев, причем излучения некоторых людей убивали зловредные бактерии. Так же точно вспомнят и опыты проф. Юревича, подтверждающие, насколько энергия, излучаемая человеком, является проводником и соединителем для иначе не поддающихся сочетанию элементов. И разве не о том же свидетельствовали попытки столь несправедливо преследуемого Килли. Итак, изучение человеческих излучений и психической энергии настоятельно зовет человечество к ближайшим изумительнейшим достижениям.

Невежды очень любят смеяться над индусскими йогами. Для невежд хождение по огню, сидение на воде, глотание сильнейших ядов, остановка или ускорение пульса по желанию, погребение заживо и возвращение к жизни через несколько недель — все это лишь ловкие фокусы и шарлатанство. Но вот в весьма позитивном и распространненном журнале «Модерн ревью» можно прочесть статью с фотографиями о ходящих по огню в Мисоре, о чем журнал сообщает в связи с прогремевшими по всему миру демонстрациями кашмирца Кхуда Букса в Лондоне. Сидение на воде на Ганге было названо шарлатанством, и осторожные люди, даже видевшие это, добавляли: не знаем, не было ли какой-то подводной поддержки. Но сейчас английские газеты оповещают о женщине, настолько меняющей свой вес, что подобное проявление на воде для нее вполне доступно как проявление изменения полярности. По всему миру прошли сообщения о необъяснимых, с точки зрения условий науки, манифестациях баварки Т.Нейман, а сейчас все газеты были полны об удивительном случае с девятилетней девочкой Шанти в Дели. Ряд выдающихся наблюдателей проверили этот замечательный случай.

Из Латвии приходит сведение, описанное в целой брошюре, о необыкновенном случае чтения мыслей восьмилетней девочкой. Недавно зарегистрированы несомненные случаи улавливания радиоволн без аппарата и замечательная способность двух итальянских мальчиков видеть через стены и другие непроницаемые предметы. Конечно, в средневековье все эти злосчастные по необыкновенности своей люди были бы, наверное, сожжены на кострах. Но и в настоящее время человек, улавливающий самосильно радиоволны, все-таки отведет сумасшедший дом.

Не забудем также и замечательные прозрения и яснослышания Жанны Д'Арк, спасшие Францию, но за которые невежественные современники возвели ее на костер. И не только сами обладающие необыкновенными способностями, но даже и наблюдатели их подвергаются со стороны невежд и по сие время всяким гонениям. Вспомним несправедливые насмешки и над Обществом психических исследований. Преследуется каждый зародыш нового беспредрасудочного научного завоевания. Получается необыкновенно уродливое зрелище. С одной стороны, открываются новые учебные заведения, одним видом своим как бы зовущие для последующих познаний, но, с другой стороны, каждое необычное явление, не вошедшее еще в элементарные учебники, оказывается достойным не только насмешек, но и всяких гонений. Значит, гидра невежества не только в безграмотности, но и в окаменелости восприятий и в человеконенавистничестве.

«Всякое отрицание истины невежественно и вредно не только самому отрицателю, но и пространственно. Противоборство против истины заражает пространство; но бывает еще более отвратительное действие, когда люди, однажды познав истину, потом от нее отступают. Безумно такое отступление во тьму! Можно найти случаи в истории человечества, когда уже постигались частицы Истины, но затем по причине крайнего невежества некоторые лжеучителя пытались снова скрыть от народа непреложное положение вещей. Получались акты, которые когда-то будут рассматриваться как позорные страницы истории. При этом не давалось никаких доказательств, но приказывалось отрицать очевидность. Как бы неверие в солнце предписывалось, потому что кто-то по слабому зрению не мог взглянуть на солнце. Кто-то по незнанию и по самости запрещал и другим знать действительность. Пусть люди припомнят, сколько отступлений во тьму происходило в разные века. Может быть, такие воспоминания подвигнут человечество к честности и справедливости».

Итак, каждый, для кого Просвещение и Культура не пустой звук, должен в своей области по мере сил бороться с

невежеством. Пусть никто не скажет, что у него нет возможности к тому, — это было бы неправдой. Невежество, — и явное и тайное — со всей его притворностью и изворотливостью, увы! существует везде. В каждом обиходе ясный ум может усмотреть, какая пыль и грязь должны быть убраны. И сейчас, когда в мире грохочут пушки и конкурируют ядовитые газы, именно тогда всякая борьба с невежеством будет особенно нужна. Будет нужна оборона всего лучшего, прекрасного и просвещенного.

Если даже кто-то и не преуспее в своих благих попытках, то все же это будут попытки, а не только отвлеченные намерения. Кроме того, в каждой попытке уже есть элемент действительности. Потому каждая попытка уже будет добротворчеством. Наверное, какие-то приспешники невежества будут шептать, что именно теперь неуместны слова о Культуре и Просвещении. Это их обычная уловка, чтобы в каждый момент человеческой жизни найти причину, почему именно тогда устремление к Культуре и Просвещению несвоевременно. Этою своею формулою служители невежества и выдают себя. Ведь именно добро, Культура и Просвещение всегда своевременны.

Не может быть такого человеческого состояния, в котором человекообразие было бы неуместным и несвоевременным. Шептать о такой несвоевременности могло бы лишь человеконенавистничество, которое во мраке своей берлоги всегда мечтает обратить род человеческий в чудовищ, взаимно друг друга пожирающих.

Поистине, от мала до велика каждый может и обязан внести свою лепту в дело борьбы с невежеством. Объединяясь в группы и единолично, каждый может где-то пресечь глумливое чудовище невежества. Каждый труд уже заключает в себе попытку к усовершенствованию и к просвещению. Только невежество могло унижать труд, как таковой, и бесстыдно насмехаться над исканиями знания. В справедливом негодовании против каждого проявления невежества, против каждого невежественного отрицания работник Культуры найдет и действительную мысль, и яркое слово и запечатлеет прекрасным действием победоносный путь просвещения.

Слава поборникам Культуры! Слава труженикам! Слава бесстрашным!

1936

ЗНАК ЭРЫ

*«Мы любим ту жизнь, которая
нам являет себя на земле, оттого
что мы о другой ничего не знаем».*

(Еврипид)

Институт психосинтеза в Риме под руководством д-ра Роберта Ассагиоли. Институты парапсихологии в Германии. Институты метапсихические во Франции. Курсы психологии в Дьюк-Университете под руководством проф. Раина в Новой Каролине. Неврологический институт в России. Физиологический институт имени Павлова. Курсы психологии в Цюрихе профессора Юнга. Институт Эранос в Асконе, в Швейцарии. Институт исследований эволюционной биологии в Лондоне. Интереснейшие исследования Лестер-Института в Лондоне. Опыты исландского профессора Колмана по фотографии мысли. Специальная кафедра психических исследований в Стокгольмском университете. Многие разбросанные по различным странам общества психических исследований. Можно перечислять без конца подобные очаги живой мысли, стремящейся познать новые пределы науки. Пусть эти светлые достижения еще далеко не объединены и часто находятся под давлением всяких условных перегородок. Все же каждый непредубежденный наблюдатель может убедиться, насколько за последнее время как истинные знаки эпохи расширяются пути освобожденной науки.

В океане печатного материала трудно охватить количественное и качественное определение происходящего. К тому же и не все пути сообщения доступны самоотверженным работникам, в большинстве случаев не обладающим средствами. Иногда средства приходят в случае очевидной утилитарности опытов. Как в средневековье легче всего находились средства на производство золота из не полноценных металлов, так же и великая руководящая мощь мысли сейчас все еще с трудом укладывается в рамки утилитарно-механического мышления.

Конечно, как всегда полезны всякие съезды, общения, переписки, но и в этом остается столько недомолвок или недоумений, что уже предсужденные выводы опять замедляются. Но все же ясно одно, что так называемое одухотворение науки постепенно укрепляется повсеместно. Выкрики невежественных критиков и всяких против знания злоумышленников остаются отчужденными в своей злобной разрушительности. Правда, эти разрушительные громы невежества все еще оглушительны, но в общественном мнении все-таки просыпается настойчивое жела-

ние борьбы с невежеством. В энциклопедиях можно находить поучительные примеры, как еще недавние суровые осуждения трудов смелых искателей уже сменяются более осторожными суждениями. Итак, все поборники знания, готовые для борьбы с невежеством во всех его проявлениях, могут составлять поучительные и ободряющие списки всего благодетельного, что уже делается сейчас.

Все же борьба с невежеством неотложна. Никто не должен успокаивать себя тем, что уже достаточно знания. В беспредельности познание никогда недостаточно. Чем больше будет попыток к познанию, тем сильнее и отвратительнее будут судороги невежества. Ведь и Парацельс, так оцененный сейчас, в свое время был убит завистниками, не перенесшими его достижений. Еще на нашем веку великий Менделеев не был избран в Академию наук. Не уменьшается число примеров, когда истинные находения бывают оценены далеко от места их зарождения. Вспоминаю замечательные слова Рабиндраната Тагора, произнесенные им после получения Нобелевской премии. Великий мыслитель сказал одной депутации, пришедшей к нему с поздравлением: «Почему вы поздравляете теперь, а не раньше?». В копилке жизни можно находить множество таких примеров, которые в просторах Культуры совершенно неуместны и в ближайшей эволюции не должны быть повторяемы. Организованная борьба с невежеством, самоотверженный поход за Культуру, оборона знания от всех разлагающих попыток — все это должно стать знаменательной печатью века. Мощь мысли! Осознание психической энергии!

«Каждое познавательное движение встретим дружелюбно. Найдем силы отрешиться от личных привычек и суеверий. Не будем думать, что легко обороть атавизм, ибо наслоения физические несут в себе предрассудки многих веков. Но если твердо осознаем тягость таких отложений, то уже один из самых трудных затворов будет открыт. За ним отперется и следующий, когда пойдем, зачем должны приложить в земном мире все действие. Только таким путем дойдем и до третьего входа, где пойдем сокровище вверенной людям основной энергии. Кто научит признать ее, тот будет истинным наставником. Не доходит человек до понимания своей мощи без руководителя. Много всевозможных уловок таится на пути человека. Каждая приютившаяся явленная ехидна надеется скрыть от человека самое драгоценное. Он, как путник заблудившийся, не знает, в какой стихии искать преуспевания, но сокровище в нем самом. Мудрость всех веков указывает: «Познай самого себя». В таком совете обращено внимание на самое сокровенное, которому суждено стать явным. Огненная мощь, временно названная психической энергией, даст человеку путь к счастью будущего.

Не будем надеяться, что люди легко признают свое достоинство, они изобретут все доводы, чтобы опорочить каждое нахождение энергии. Они обойдут молчанием сужденное качество своего продвижения, но тем не менее путь един».

Никогда не откажемся, что мы с большим увлечением следим за достижениями науки. Будь то в Обществе психических исследований или в Дьюк-Университете, по передаче мысли, или в случае замечательной девочки в Дели, или в деле фотографирования Мира Невидимого — решительно во всех проявлениях познания каждый культурный человек должен быть доброжелательно открыт. Записной лист «Борьба с невежеством» написан, точно бы отвечая на некультурные злоумышления. Как Общество психических исследований, так и спиритуализм в его высоких проявлениях, так и все опыты над психической энергией должны быть встречаемы доброжелательно и вызывать тщательнейшее научное исследование.

Только невежды не знают, сколько полезнейших институтов и университетских курсов по изучению психических явлений открыто во многих странах за последнее время. Только невежды не хотят знать, сколько научных книг выдающихся ученых, например, Алекс[иса] Карреля (работавшего с Линдбергом), издано в последние годы. Итак, пусть каждая некультурная атака на познание встречает четкий, обоснованный отпор, чтобы безумные воинствующие невежды садились в ту лужу, которую они заслуживают. Пусть невежды будут выявлены самым ярким способом.

Мы всегда останемся доброжелателями всех искренних познавателей. И теософы, и психические исследователи, и спиритуалисты, и физиологи, к какому бы лагерю они ни принадлежали, они являются пионерами науки грядущего. Психические явления, сила мысли как основа человеческого творчества и прогресса — найдут себе заслуженное место в достижениях эволюции. «Изучай все окружающее», «Познавай без утомлений», «Сердце есть бездна», «Крылатая мысль».

Множество ободрительных призывов несетя из глубины веков. Человеческий кооператив получает поддержку из всех твердынь и древнего и нового познания.

«Излучение прогрессии коллективной энергии может доказать, что единение — не только нравственное понятие, но и мощный психический двигатель. Когда твердим о единении, мы хотим внушить сознание великой силы, находящейся в распоряжении каждого человека. Невозможно представить неопытному исследователю, насколько возрастает собирательная энергия. К такому проявлению надлежит подготовить сознание. Удача опыта зависит от устремления всех участников. Если хотя бы один не пожелает участвовать всем сердцем, то лучше и не

приступать к опыту. Уже в древности знали мощь объединенной силы. Одиночные наблюдения иногда объединялись в общие исследования, получалась целая цепь, и наблюдатели полагали руку на плечо предыдущего. Можно было видеть необычные колебания энергии; при согласованном устремлении получалась напряженная сила. Таким образом, когда говорю о единении, имею в виду реальную силу. Пусть запомнят все, кому нужно запоминать».

«Психическая энергия в древности иногда называлась воздухом сердца. Этим хотели сказать, что сердце живет психической энергией. Действительно, как без воздуха человек не может прожить долго, так и сердце отходит от жизни без психической энергии. Многие старинные определения должны быть пересмотрены доброжелательно. Люди давно замечали явление, которое теперь остается в небрежении».

«Намагничивание воды, поставленной около спящего человека, уже будет показателем выделения его излучений и отложением силы на предметах. Следует весьма внимательно отмечать такие отложения, они могут напомнить об обязанности человека наполнять окружающее прекрасными отложениями. Каждый сон — не только наука для тонкого тела, но и рассадник психических отложений».

«Также показательны опыты над распространением силы отложений. Можно заметить, что энергия испаряется в разной степени. Некоторые сильные излучения могут действовать несравнимо дальше, если они будут посланы чистым мышлением. Итак, чистое мышление тоже не есть лишь нравственное понятие, но реальное умножение силы. Умение воспринять значение нравственных понятий относится к области науки. Нельзя легкомысленно делить науку на материальную и духовную — граница будет несуществующей».

«Наблюдения следует вести не только над согласованными привходящими, но также и над разъединяющими проявлениями. Опыт ценен разносторонний. Невозможно предрешишь при начале исследования, какие именно ингредиенты потребуются для усиления следствия. Можно призвать сотрудничество самых неожиданных предметов, ибо свойства тончайших энергий не могут быть ограничены. Такая беспредельность возможностей несколько не нарушает научности исследования. Можно применить индивидуальные методы и такие новые проявления мужественно принять. Никто не может указать, где кончается мощь человека. При этом не сверхчеловек, но именно самый здоровый человек может окрылиться счастливым достижением. В каждом обиходе может быть изучаема психическая энергия. Не нужно особых, дорогих лабораторий, чтобы воспитывать сознание. Каждый век несет свою весть человечеству. Психичес-

кая энергия имеет назначение помочь человечеству среди нерешимых для него проблем».

«Умейте терпеливо наблюдать, какие условия наиболее благоприятствуют опыту. Могут быть условия космические или на яркую световую окраску, или на минералы, или на явления животных. Можно наблюдать, как присутствие человека в соседней комнате может воздействовать на ток энергии. Ведь человек не дает себе отчета, как он настроен в данное время. Можно наблюдать, что человек будет утверждать наилучшее свое настроение, но аппарат покажет раздражение или другие нехорошие чувства. Не из лжи человек будет скрывать внутреннее чувство, но чаще всего от неумения распознать свои ощущения».

«Кроме исследований психической энергии на цвет, испытывайте ее на звук и аромат. Можно получить показательные воздействия музыки, при этом замечайте и расстояние и самые музыкальные гармонии. Много говорят о воздействии музыки на людей, но показательных опытов почти не производят. Можно заметить воздействие музыки на настроение человека, но это будет общим местом. Конечно, предполагается, что веселая музыка сообщает радость, а печальная — горе, но таких выводов недостаточно. Можно проверить, какая гармония наиболее близка психической энергии человека. Какая симфония может наиболее мощно влиять на успокоение или на вдохновение людей. Нужно испытывать различные музыкальные произведения. Само качество гармонизации даст лучшие указания о путях звука и жизни человека. Также необходимо исследовать влияние ароматов. Нужно приближать как цветы пахучие, так и разные составы, которые должны возбуждать или понижать психическую энергию. В конце концов, можно соединить цвет, звук и аромат и наблюдать сотрудничество всех трех двигателей».

«Люди, наконец, поймут, какие мощные воздействия их окружают. Они познают, что весь обиход их жизни проявляет великое воздействие на их судьбу. Люди научатся внимательно относиться к каждому предмету. Они окружают себя истинными друзьями и уберегутся от разрушительных влияний. Так спасительная энергия поможет в переустройстве жизни».

«Обычно самому главному уделяют наименьшее внимание. Но мы не устанем твердить о том, что неотложно нужно человечеству. Среди таких кажущихся повторений мы утвердим желание познания. Люди слишком привыкли, что за них кто-то думает и что мир обязан взять их на попечение. Но каждый должен внести свое сотрудничество. Умение приложить свою психическую энергию будет постепенным воспитанием сознания».

В семье, в школах, в общественной жизни будет утверждаться познание энергий. Искусство мышления во всей красоте опять сделается любимым спортом, истинными крыльями человечества.

1936

НАЙДИТЕ ПРИВИВКУ

Не слишком ли много об американских «действиях»? Но были письма, и хочется кратко сказать о сущности грабительства редчайшего. Хорш задумывает над Музеем тонко построенное мошенничество. Он вводит правительство в заблуждение и своею клеветою устраивает иск за какие-то налоги с сумм экспедиции, хотя всем ведомо, что экспедиционные суммы налога не подлежат. Эти же экспедиционные суммы, да еще с процентами, Хорш требует себе обратно. В своей темной душе Хорш отлично знает, что он лжет и подделывает, но он настоящий американский гангстер. Он отлично знает, насколько низко грабить целую группу деятелей и выживать их из дела, ими же созданного, но кодекс гангстеризма торжествует. Находятся среди министров, которые по таинственным причинам надоедают судьям по телефону и требуют неправого решения.

Мало ли сказаний о судьях неправедных! Но особенно любопытно, что люди прекрасно знают, что Хорш жулик, понимают все его махинации и фабрикация и все-таки молчат. Является вопрос, возможно ли молчать там, где нарушается Культура, где могут быть вводимы в заблуждение молодые поколения? Не о себе пишу, но для тех, кто шатается под язвами клеветы. Только что о таких слышали из Чикаго и удивлялись этим неверам. Легко верят и вправо и влево, как гнилая тростинка, сгибаются. Что же получится? Одни криводушничают. Другие промолчат. Третьи изобретут компромисс! Точно бы зло и добро могут в компромиссе ужиться. Образуются какие-то компрачкосы, вроде тех, которые уродовали детей, чтобы выгоднее на ярмарке продать уродцев. Сколько фабрик уродства существует, и вовсе не в темноте и в утайке, а на глазах у всех! Владычица Цивилизация их бережет и оправдает за сходную цену. Мать Культура может проливать потоки слез, а Владычица Цивилизация хохотом встретит все попытки блага.

Был такой старинный романс, каждая строфа которого кончалась трагическим криком: «А она все хохотала». Вот этот

хохот гремит по миру. Власти мира сего хохочут на всех снимках, в цилиндрах и регалиях. Ведь хохот считается признаком успеха. И как далек он от светлой улыбки радости! Человек волен погрязать в любой мерзости. На то он имеет свободную волю. Но не имеет он права заражать молодежь. Даже против сифилиса и туберкулеза находят средства борьбы. Не пора ли найти сыворотку против злобной мерзости?

1941

КУЛЬТУРА

Друзья мои!

Скажем кратко, в чем сущность наших задач и стремлений. Все определенное может быть выражено кратко: мы помогаем Культуре. А если кто в минуту дерзновения возьмет на себя бремя сказать: «Мы слагаем Культуру», то он будет недалек от истины. Каждый помогающий разве не является и сотрудником?

Мы просим наших друзей каждый день мыслить, произносить и применять понятия Красоты и Культуры. В этом нет ничего нового, ибо вообще ничего нового нет. Но мы собираем около этих ценных понятий новое усилие, мы стремимся помочь напряжению созидательной энергии. Мы стремимся изучать и воплощать так называемую абстракцию в реальность. Очень легко из каждого действия сделать абстракцию. И в этой отвлеченности утратить возможность действительности.

Мы видим постоянно, что самое реальное учение жизни превращается искусной риторикой в недостижимую абстракцию и для успокоения малодушия передается в неосязаемую облачность. Сделать эти искусственно созданные великие абстракции реальностью и сущностью жизни есть ближайшая задача Культуры. Невозможно представить себе, чтобы истинное познание сущности, истинное учение жизни что-то только запрещало, отсекало и омертвляло.

Истина будет там, где будет явлено беспрепятственное строительное расширение, вмещение и любовь к неустанному подвигу. Враги наши говорят, что мы будто бы образуем из себя какое-то особое племя. Если бы под этим они подразумевали народ Культуры, то, пожалуй, и это вражеское определение, как это часто бывает, явилось бы близким к истине. Этой истины мы и не будем бояться. Если как высшее обвинение отживающий черный век скажет нам: «Вот, собрались

мечтатели и воображают, что они могут помочь человечеству». Ведь именно в этой помощи человечеству нас и укоряют. Но каждый из рассеянных по всем странам соратников наших при этом улыбнется и скажет: «А разве каждый естественный труд не является помощью человечеству?». Ибо мерзко было бы думать, что каждый трудящийся трудится лишь для себя самого. Нет, он трудится для кого-то, ему неизвестного. И тот неизвестный примет этот безымянный труд как некое выражение Благодати, облегчающее ему прохождение земного пути. Не мечтатели, но воплоители мыслей; мечта улетает в безбрежный воздушный океан, но воплощение мыслей творит сущности и цементирует пространство грядущими созданиями. О творчестве мыслью во многообразии говорили все религии, все учения. За многие тысячелетия до нашей эры египтяне знали это творчество мысленное. И еще сказано всюду: «Мысль и любовь». И под видом сердца, и змия, и чаши во всем многообразии благих символов дается то же предназначение мудрое: «Мысль и любовь».

Ведь из мысли, эманации совершенно реально, мы ухитрились сделать отвлеченность. Мы забыли, что не рука, но мысль и творит и убивает. А из любви мы сделали или кислое воздыхание или мерзость блуда. Дошло до того, что некоторые отрасли Христианской Церкви совершенно недавно даже санкционировали аборт. Это несчастное узаконение должно понимать как высшую меру отрицания духовности. Подумайте, если Церковь вместо мудрого распределения сил и воздержания будет рекомендовать убийство, если постоянно говорится о делении мира на созидателей и разрушителей, то ведь эта мера была бы страшным знаком разрушения. Но Культура по сущности своей не знает разрушения, как такового. Она безудержно, беспрестанно создает, она постоянно покрывает новым, высшим куполом несовершенство вчерашнего дня, Но где же тот камень, который не пригодился бы мудрому строителю, берегущему каждую возможность? Истинно, в разных частях света сейчас возникает напряжение строительной энергии. Ряды молодых работников вопиют: «Мы изнемогли от разрушения, мы отяжелели от бессмысленной механизации, мы хотим творить, мы хотим делать ту полезную работу, которая соединила бы нас со светлым будущим». В старых учениях всегда указывался мост, соединяющий старый и новый мир. И нигде не говорилось ни о разрушении, ни о насилии.

Если мыслить о духовности будущего, то ведь эта духовность не будет отвлеченной, но снова она вернется в зримость, в осязательность, в непреложность. И снова Благодать станет вещественною, как вещественна и весома даже мысль. Если кто облагораживает жизнь свою, если кто вместо сорительного зло-

речия старается вернуться к творчеству светлому, разве это смешно? Ведь хихикать будут только невежды, для которых само Знание уже является отвлеченностью, а сама Красота ненужною роскошью и сама Благодать младенческою сказкою. Но самые серьезные ученые уже давно пришли к заключению, что сказка есть сказание. А сказание есть исторический факт, который нужно разглядеть в дымке веков.

Те же ученые показали нам, что Культура и достижение государств строились Красотою. Уберите памятники Красоты, и весь аспект истории нарушится. Живучесть Красоты, вековая жизнеспособность Культуры говорят нам об истинном претворении отвлеченности в явленную жизнь.

Вот и мы, вовсе не мечтатели, но работники жизни, и постулат наш прежде всего в том, что мы стремимся сказать народу: «Помни о Красоте, не изгоняй ее облик из жизни и зови действительно и других к этой трапезе радости! А если увидишь союзников, не отгони их, но найди всю меру благого вмещения, чтобы позвать нас на то же мирное необъятное поле труда и созидания. В Красоте и в духе укрепятся силы твои, и взглянешь ты ввысь и простишь крылья свои, как завоеватель сужденного Света...» В дни особых смятений и содроганий мы будем твердить о том же созидании, о том же благодатном Свете. И нет такого условия, которое могло отвортить вступившего на путь созидания.

Не убоимся во имя Прекрасного и будем помнить, что насмешка невежества лишь толчок для подвига.

Отрешаясь от эгоизма, если будем не только сами стремиться по пути Прекрасного, но и будем всемерно открывать его близким, мы уже будем выполнять ближайшую задачу осветления Культуры — восхождения духа.

1930

К ДАЛЬНИМ

Хочется побеседовать со всеми ведомыми и неведомыми друзьями. Знаем, что большинству из вас, а вернее, и всем нам сейчас тяжело. Ваша культурная работа как бы не нужна. Часто о ней даже и заикаться не приходится. Трудно и морально, и денежно. Самые лучшие начинания неуместны. Отчаиваются соратники. Проползает сомнение. Слова о лучшем будущем кажутся химерами.

По счастью, в глубинах сознания внесрочно и неумолчно звучит голос победы. Много вы передумали, много перечитали, много беседовали, чтобы вызвать и укрепить этот спасительный приказ. Восхищение, восторг, радость тоже должны быть приказаны себе. В этом твердом волеии скажутся познания ваши, накопленные, собранные.

Приказ о радости вырастает из постоянного творческого делания. Будет оно или мысленное или действенное — безразлично. Важно, чтобы оно было, и тогда не обуяет вас отчаяние. Кто-то скажет — опять слова, а действительность больно ударяет нас. Того гляди и череп проломит!

Для кого слова, а кому и утверждение. И если в таком утверждении встретимся, то вместо слов вырастут решения.

Об Армагеддоне достаточно слышали, и потому нечего поражаться. Происходит сложенное человечеством. Гроза, и ливень, и вихрь! Если над вами есть кровля — переждите. Не бросайтесь опретью во тьму. Если бы вы могли по-прежнему общаться, многое могло быть обдуманно на пользу общую. Но ненастье настолько велико, что общения прерываются. «И это пройдет». Даже в трудные дни накопим и научимся. Среди накоплений будет ценным сознание о друзьях невидимых. Говорят, что и больным легче вместе. Также и труждающимся легче сознать о путниках на тех же путях.

О Культуре всегда уместно было мыслить, но теперь особенно. Пусть даже о разных плоскостях ее думается. Все равно — лишь бы о строительстве, о познании, о труде сознательном. По этому направлению все вы мыслите на разных наречиях, в разных странах.

Реальность, действительность зовет вас, и вы знаете, что добро едино во всем своем многообразии. К одному берегу пристанут труженики Культуры. Радостна будет встреча.

Друзья, порадуемся!

1941

МАХА БОДХИ

В Сутрах дается прекрасный завет:

«Учение подобно пламени светоча, который возжигает огни многие. Они могут послужить для приготовления пищи или для рассеяния тьмы, но пламя светоча остается неизменно сияющим» (Сутра, 42 чл.).

И среди служения возглашается: «Да будет жизнь тверда, как адамант; победоносна, как знамя Учителя; сильна, как орел; и да вечно длится».

Истинно прекрасны эти заветы крепости, готовности, преданности и благородного действия.

Велика радость строения! Благородно действие творчества! Прекрасно каждое приношение во имя Культуры духа! Памятен этот день и для буддистов, и для всех, почитающих духовную Культуру. Из пепла опять восстает великое понятие. Память о подвиге опять вызвана в умах мыслящего человечества, опять подтверждая истину неизменно сияющего светоча.

Когда паломники посещали Сарнат, они чуяли в сердце своем, что не без причины это историческое место пребывает скрытым, кладу подобно. В сужденный час опять восстают исторические ценности незабываемых памятников.

Неповторенные изображения Сарната величием красоты духа прошли по всему миру. При самых неожиданных обстоятельствах можно было убеждаться, с каким почтительным вниманием относятся люди к этому славному памятнику вечности. Люди самых разнообразных положений и верований объединялись восторгом от изображения, благого и сострадательного.

Прекрасна ваша мысль сделать Сарнат центром. Поистине, какое другое место по историческому и географическому значению может равняться Сарнату?

Знаем, что каждому дереву нужно время для роста. И центр Сарната не избежит этого закона и будет развиваться постепенно и твердо. Терпение, настойчивость, преданность, единение и любовь скуют прочное основание вашему центру.

В наши дни так нужно взаимопонимание, ведь мир содрогается в ненависти и разрушении! Каждое сердце человеческое пусть устремляется к духовному единению и творческому созиданию.

В памятные дни будем думать о том, о чем не следует забывать. В дни всемирного жестокого материального кризиса оглянемся на причины, создающие это повсеместное бедствие. Казалось бы, открытия и изобретения последнего времени дали людям новые необычайные возможности. Сообщения подводные, водные, подземные, надземные и воздушные предоставляют свои услуги для ускоренного обмена и, казалось бы, особенно напряженной деятельности. Но между тем вместо благоденствия всюду вспыхивают потрясения и несчастья. В самых, казалось бы, состоятельных странах образуются устрашающие многомиллионные армии безработных. Чем же

могут порадовать человечество ускоренные всевозможные пути сообщения?

Взвесим мысленно грузы перевозимые, достаточно ли среди товаров отведено места истинным духовным ценностям? Сказано и повторено всюду: «Не о хлебе едином жив будет человек». И если даны людям необычайные возможности передвижения и сообщений, то ведь прежде всего они должны быть направлены к посылкам духовных ценностей. Тех ценностей, которыми созидались сильнейшие государства и которые давали эпохи расцвета и возрождения, перед чем сейчас восторженно трепещет сердце. Если мы не вспомним опять о великих ценностях духа, то в какую же бездонную тьму мы можем погрузиться!

Но самое трудное материальное время, не дает ли и оно толчок к истинно духовным поискам и находениям? И вот, когда грузы подземные и воздушные уравниваются светлыми духовными устремлениями и находениями, то и созидательные решения, казалось бы, неразрешимых проблем снизойдут в виде прекрасного светлого Вестника. Учение предвидит и трудности, но за ними всегда предуказана светлая возможность. Пусть же эта возможность не остается отвлеченной, но оплодотворит творческое мышление человеческое, окрыляя к светлым строительным свершениям.

Когда мы вспоминаем о еще не вскрытых развалинах Сарната, Наланды, Капилавасту и другие памятные места Индии, Цейлона, Непала, Индокитая, невольно думается, зачем эти памятные места должны лежать в развалинах, когда они, подобно многим другим памятникам, еще могли бы стоять и изумлять, и вдохновлять умы; но около этих старинных мест мы видим уже новые построения и знаем, как многому суждено быть открытым, и каждый год приносит нам новые реликвии прекрасных старых находений. «Мир всему живущему», — говорят нам эти реликвии. Пусть же и этот Завет не остается абстрактным, но в ряду лучших духовных ценностей пусть он опять цветет огненно серебряными листьями Лотоса, бесчисленными, как бесчисленны огни сердец устремленных.

«Мир всему живущему».

Дружелюбие!

«Архат отдыхает ли? Уже знаете, что отдых есть перемена труда, но истинный отдых Архата есть мысль о Прекрасном. Среди трудов многообразных мысль о Прекрасном есть и мост, и мощь, и поток дружелюбия. Взвесим мысль злобы и мысль блага и убедимся, что мысль прекрасная мощнее. Разложим органически различные мысли и увидим, что мысль прекрасная — сокровищница здоровья. В мышлении прекрасном узрит

Архат лестницу восхождения. В этом действенном мышлении есть отдых Архата.

В чем же можем найти иной источник дружелюбия? Так можно вспоминать, когда мы особенно утеснены. Когда повсюду закрываются ставни самости; когда гаснут огни во тьме, не время ли помыслить о Прекрасном? Не загрязним, не умалим этот путь. Лишь в нем привлечем то, что кажется чудесным. И чудо не есть ли неразрывная связь с Иерархией? В этой связи и вся физика, и механика, и химия, и вся панацея. Кажется, немногим устремлением можно продвинуть все препятствия, но полнота этого условия непомерно трудна людям! Почему они отрезали крылья прекрасные?» Так говорит книга «Мир Огненный».

«Все ли здесь?», «Все ли готовы?» — перекликаются дозорные на стенах Твердынь. С Башен им отвечают: «Всегда готов» — «Бодрствуем во благе!» Поистине, следует перекликаться в нынешнее темное время всем, кто мыслит о благе. Через все горы и океаны следует объединенно держаться всем сердцам правды.

В час торжественный как же не объединиться и не послать всем ведомым и неведомым друзьям слово о дружелюбии. Не слабость, не безразличие это дружелюбие. Стремление к правде заложено в нем. Связано с ним желание лучшего преуспевания и беспредрассудочного познания. Может быть, никогда еще мир не нуждался настолько в основе дружелюбия.

«Мир всему живущему». Но путь к этому миру через то дружелюбие, которым должны быть полны сердца наши всегда, во все время дня и ночи, при каждой встрече. Ведь нигде не заповедано «во встречном ищи врага». Наоборот, дружелюбие является тем творящим началом, которое создает обновленную, преображенную жизнь.

Какие множества веков должна была протекать жизнь земная, чтобы опять в тоске разрушения и утеснения мы должны вспоминать об оружии Света, о панцире дружелюбия. Может быть, это излишне, может быть, земная жизнь протекает в достаточном духовном и телесном благосостоянии? Может быть, мы не должны в предрассветный час тосковать сердцем нашим о бедствиях народных?

Но невозможно закрывать глаза на каждодневные сообщения о духовных смятениях, об убийствах тела и духа, о страшных призраках лжи и взаимного поношения. Доходит человечество до предела разложения. Нужно строить, необходимо неотложно предаться тому светлому строению, которое понимается в высоком значении Культуры. Где же те словари добра, где же те высокие начала, которые могут залить благодатью язвы мира, которые так ужасно открылись в дни наши?

Не призрачны эти бедствия. У каждого из нас собралось бесконечное количество сообщений о всевозможных разлагающих ужасах как в частной, так и в общественной жизни. Само добро, как таковое, начинает казаться многим чем-то отвлеченным, недостижимым, таким далеким, что и стремиться к нему будто бы не в силах человеческих.

Но не может быть сомнения об этом вездесущем Благе, когда каждое человеческое сердце знает, что есть дружелюбие. Поверх всяких засорений, нечистот, невежества, клеветничества, предательства каждый, хотя бы и духовно опустошенный человек, каждый двуногий все-таки знает, что такое улыбка: не улыбка глумления, но благая улыбка дружелюбия. Как же мы можем приступить к рассуждениям и к решениям, если мы не обезвредимся истинным дружелюбием?

Мы должны думать не только о том, что свойственно лишь очень немногим избранным. Учитель Великий шел ко всем. Все заповеди говорят о том, что принадлежит всем. Из простейших начал всем, всем заповедано дружелюбие. В пламенении сердца это дружелюбие претворится и в любовь, в ту самую животворную, чудесно творящую любовь, которая во всем оружии Блага указывает: «Да живет все живущее».

Если бы чье-то сердце еще не возмогло вместить этот все-объемлющий завет, то ведь и у него останется простейший повседневный путь дружелюбия. Начатый от семьи, от рода, от близких, путь дружелюбия восходит великой спиралью до самых вышних обителей.

Много говорим о сердце. Но без основного дружелюбия какое же это будет сердце! Даже дикие звери глубоко чувствуют начало дружелюбия. Чем же прежде всего отвращает человек даже самое лютое нападение? Глаз дружелюбия, взор добра остановит самые зверские когти.

Озарение высоких сердец, их светоносность, зажженная любовью, ведь началась когда-то от такого же повседневного дружелюбия. Началась эта великая сила у того единого костра, к которому сходятся путники пустыни. А разве не путники мы? Разве не обезводили все пустыни духа? Страшно остаться во тьме безоружным, когда из черной мглы несутся вопли ненависти и взаимоудушения.

Нужен Свет. Нужен священный огонь. Нужны оружия Света, которые сиянием своим рассеют полчища тьмы и разложения. Первым оружием Света, о котором так прекрасно сказано в заповедях всех заветов, будет именно общечеловеческое дружелюбие. Первым качеством этого дружелюбия будет непрерывное творчество, созидательный труд, который вместо тяжелых оков каждодневности превратится в сияние творящего праздника.

Эту творящую любовь, это всеобщее дружелюбие хранят дозорные, переключаясь в час торжественный на стенах Твердынь. «Все ли здесь?», «Все ли готовы?»

Меттасутта посылает свой мудрый зов дружелюбия словами: «Как мать, подвергая опасности жизнь свою, блюдет свое дитя единое, так пусть каждый растит дружелюбную мысль ко всему сущему. Пусть он взрастит в себе желание ко всему миру и дружелюбие и вверху, и внизу, и всюду, неограниченно, без всякой ненависти, без всякой вражды!» (Меттасутта 7,8).

ПАШНЯ КУЛЬТУРЫ

Очень рад слышать о каждом движении наших комитетов Культуры. Верю, что все для этих неотложных начинаний делается поистине без всяких промедлений. Но тем не менее еще и еще повторю, насколько все должно быть сделано спешно, и ни одна минута не должна быть потеряна в интересах общественного блага. Также с величайшим вниманием должны быть отмечаемы даже малейшие приношения и знаки культурной помощи. Пусть каждый комитет отмечает с величайшей точностью все эти благие проявления, чтобы в истории наших Учреждений мы знали точно, кто и что принес в общую чашу Культуры. Также пусть все наши комитеты не уменьшат деятельность свою какими-либо условными ограничениями. Ведь пашня Культуры поистине необъятна, и бесчисленны все полезные действия, возникающие из благожелательных обсуждений. Может быть, неприменимое сегодня будет прекрасно приложимым завтра. И отложенное сегодня может оказаться уже навсегда упущенным. Потому так благожелательно широки должны быть обсуждения в собраниях комитетов. Ведь не только члены комитетов будут окончательными источниками предложений. Нет, члены комитетов будут теми обобщающими потоками мыслей, которые они соберут от многих друзей своих и суммируют из многих встреч и опытов. Главное, чтобы не случилось того, что так часто препятствует полезнейшим начинаниям, именно, чтобы не произносилось легко мертвящее «невозможно». Так часто кажущееся невозможным при малейшем изменении подробностей или внешностей делается и прекрасным и доступным. Не забудем, что наши Учреждения вовлекают новые массы в мышление о Culture. В этом заключены счастливые возможности, но и новая ответственность, ибо все, что будет исходить от наших Культурных Учреждений, должно быть ис-

тинно высокого качества, — должно отвечать культурным ценностям человечества.

Конечно, в течение дел комитеты войдут в контакт со многими крупными учреждениями. Эта кооперация должна быть построена на взаимной пользе. Наши культурные кампании, как уже говорил я, не имеют только финансового значения. Их значение гораздо шире, проникая во всевозможные отрасли Культуры и вдохновляя ею новые массы. Среди этих масс найдутся и такие, которые или вообще не были знакомы с понятием Культуры или ограничивали ее каким-то условным чисто физическим значением. Как радостно вообще говорить о Культуре, выяснить, что делаемое для нее далеко не покрывает это необъятное поле — облагораживание руна человеческого. Для этих благородных деяний, конечно, не будет упущена ни одна малейшая возможность. Не будет пропущен ни единый час, когда или действием, или вдохновенным словом можно еще раз сказать об украшении, об улучшении, о возвышении жизни человеческой.

Точность анналов каждого комитета будет соответствовать тому качеству заботливости, которое так подобает в деле Культуры.

Воспламенимся всегда живым примером обстоятельств просветительной деятельности — словами Апостола Павла:

«С оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах:

нас почитают обманщиками, но мы верны;

мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем;

нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем».

ПРИВЕТ НАШИМ ОБЩЕСТВАМ КУЛЬТУРЫ

Шлем привет нашим Обществам! В течение последних двух лет около наших учреждений создано 63 Общества, раскинувшихся в двадцати двух странах. Каждый месяц приходят новые предложения, притекающие не только из ближних мест, но и из самых дальних окраин. Таким образом, десятилетие нашей работы в Америке ознаменовывается целым движением во имя Культуры. В наши дни общественных и государственных смя-

тений что же может быть более радостного, более зовущего вперед, как не образование этих многочисленных растущих очагов Культуры.

Как многообразны проявления Культуры, так же многообразны и Общества наши, при всем своем основном культурном единении. Одни из них благосостоятельны, другие скудны средствами. Одни многочисленны, другие образуются тесным кружком. Одни мечтают о широких общественных выступлениях, другие же ищут укрепления в интимности! Они разнообразны так же, как и многовидна сама жизнь. Так и должно быть. Было бы большою недальновидностью устремлять жизнь к одному стандарту.

Культура, так тесно связанная с духовностью, прежде всего выражается в изысканном, многообразном творчестве. Творчество же в существе своем при единстве мировых законов всегда свободно, покоясь лишь на сознательной дисциплине духа. Эта сознательность духа приводит нас к сотрудничеству, тоже сознательному и строительному. Таким образом, Общества наши прежде всего созидательны во Благе, творящи в Красоте и крепки накоплением Знания.

Мы уже достаточно знаем, что не богатство создавало и Красоту и Знание, но создавал их дух человеческий. Если вы возьмете всемирные списки творцов, созидателей, то вы не найдете там сказочных богатств материальных, но, конечно, найдете неиссякаемую сокровищницу духа творящего.

В моем недавнем обращении к одному из наших Обществ мне приходилось указывать, что для культурного общения не нужны никакие особые средства. Даже иногда и стакан чая не нужен, ибо кипеть будет не чайник, но сердце человеческое. Те, кто мечтал бы о каких-то внешне данных средствах, были бы просто потухшими сердцами. Сердце творит и средства. Но никакие средства в мире не могут создать сердце. Не трубы и литавры, не помпа выступлений окружают крепнущие дела культурные. Сотрудничество духовное прежде всего создаст те Твердыни, к которым не подступит никакая тьма. Эти маяки тепла и света достигнут лучами своими не только друг друга, но благодать их проникнет даже и в темные расселины, где Красота и Знание — лишь гости случайные. На пространствах, разделенных глубинами океанов и цепями хребтов, трудно встретиться. Особенно же трудно встретиться сердцам утонченным, стыдливым в исканиях своих и не всегда уверенным в силах своих. Но к маякам осветляющим, ко гнездам просвещения, к Лиге Культуры не жутко подойти ищущему сердцу. Там не засмеют, там не изгонят, там не потребуют стигмат пошлости. Нельзя стеснять Общества Культуры никакими за-

казами и ограничениями. По огню сердца и по следствию дел обозначаются новые вехи пути.

Каждое древо должно расти. Вне достаточного времени не крепки будут и корни его. Потому утонченность сознания предполагает и терпеливость, чтобы строительные процессы протекали крепко, а связующие материалы избирались внимательно.

Если Общества сразу могут иметь широкие выступления, лекции, курсы, концерты, выставки, пусть будет так. Если соединенный сердечными узами кружок будет даже продолжительное время собираться и без чая, для взаимоукрепляющей беседы, пусть будет так. Если будет сообщество искать новых выявлений сил своих, в поисках прислушиваясь и меняя ближайшие программы, — пусть будет так. Было бы неуместно для Культуры слышать обыденные жалобы на отсутствие средств. К огню в темноте подходят путники. Значит, нужно раньше возжечь этот огонь, который привлечет к себе и все потребное для духа. Но в одном все Общества должны помочь друг другу. Общество есть общение. А всякое разумное общение есть сотрудничество. Само понятие Культуры обязывает нас к этому сотрудничеству и к посильным светлым посевам. Было бы некультурно, если Общества, связанные одной основной идеей, оставались бы все-таки разделенными границами и нациями. Распространение Обществ во многих странах дает необыкновенные возможности и преимущества. Дает возможность непосредственного и прямого обмена как идей, так и всего творческого материала. Нужно не упустить эту возможность культурного обмена, помня, что над всеми нами одно Знамя Культуры. Это Знамя Культуры имеет в основе своей все лучшее, все устремленное к Свету, все желающее Блага. Знамя Культуры — все равно что Знамя Труда. Знамя беспредельного познания прекраснейшего! Какова бы ни была наша каждодневная рутинная работа, мы, отойдя от рабочего станка, омываемся, стремясь на праздник Культуры. Сойдутся ли в этом празднике трое или соберутся тысячи, это будет все-таки тот же праздник Культуры, праздник победы духа человеческого. Но как же будет окрылен праздник наш, если к нему подойдет и письмо от далекого, незримого друга! Ничего, если письмо это начнется признанием в том, что трудно нам сейчас. Кому же легко? И всякая мысль о Culture не балаган с присвистом, с пьяною гибелью. Но мы знаем, что каждое письмо этого незримого друга окончится чем-то радостным во имя Красоты, Знания, какой-то новой победы Света. И написавший письмо будет знать, что не в холодном постановлении заслушали боли его сердца, но тре-

пет его исканий был осочувствован и укреплен в сознании его друзей-сотрудников.

Словарь клеветы, злобы, взаимосамоуничтожения, кажется, наконец опротивел. Кажется, наконец вспоминают, что в словаре Прекрасного так много увлекательных, возводящих, созидательных понятий. Да и практичен он, этот словарь Прекрасного, ибо он жизненен, и прекрасна жизнь в существе своем.

Кроме письма, кроме зова сердца, мы должны обмениваться и профессиональным творчеством. Из того, что сегодня какое-то предложение неисполнимо, еще не значит, что оно не будет исполнимо и завтра. Все мы знаем, что значит мощь мысли, положенная в пространство. Мощь стрелы духа! Но во сколько же умножится мощь эта, поддержанная дружеским сознанием, и что же может быть полезнее для Культуры, как не взаимное оповещение, следствием которого будет действенное сотрудничество.

Конечно, говоря о Culture, мы часто наталкиваемся на странное ограничение этого всепроникающего понятия. Часто с понятием Culture ошибочно связывается представление о чем-то сверхобычном, почти недостижимом в сумерках обыденной жизни. Между тем как раз наоборот, Culture тогда таковой, в сущности, и будет, если войдет во все дни жизни и сделается мерилем качества всех наших действий. Сколько зовов, ободрений, укреплений придется сказать во имя Culture! Сколько устремлений в будущее придется произнести! С ростом утончения сознания придет и вмещение и разовьется чувство ответственности. Станет ясным различие обыденности и каждодневности, и мысль обратится от дня вчерашнего к светлому завтра.

В непрестанном предстоянии мы избежим утомления и нисхождения. Для не знающих Culture бывает страшна каждодневность, между тем в ней выковываются совершенствование и восхождение. Утонченное сознание примет все трудовые века как источник бесконечного творчества.

Завещание может быть кратко: «Пылайте сердцами и творите любовью». Сколько добра принесете, приобщая вновь подходящих к миру Красоты. «Пойдемте вместе туда, где нет границ и конца. Где можно каждое благое мерцание превратить в сияние радуги благословения мирам».

Друзья, знаемые и незнаемые, видимые и невидимые, мне хочется послать вам не просто привет, но зов звучнейший о сотрудничестве. Мы можем к нему приступить немедленно. У каждого, стремящегося к Culture, велик запас идей, мыслей, предположений. Из этой сокровищницы духа многое и неотложно может быть применено, а другое найдет и кратчайший путь к применению. Лишь бы мы мыслили неуклонно во

Благо, о Культуре, и лишь бы мы помнили, что единение это должно быть полезно каждому. Никто не должен быть умален, ибо это было бы некультурно. Необозримое поле культурное имеет колосья для каждого жнеца, знающего, что такое труд. Во имя этого светлого труда взаимно обратимся друг к другу о сотрудничестве, оповестим друг друга о всем, что кто может, и будем помнить еще раз, что над всеми нами одно единое, нерушимое Знамя Культуры, ведущее в Светлое Будущее.

Привет на сотрудничестве!

КУЛЬТУРА – СОТРУДНИЧЕСТВО

Взаимность есть более сердечное определение сотрудничества. Если мы давно мечтали и всячески старались достичь сотрудничества, то сами нынешние обстоятельства повелительно устремляют нас по этим сердечным путям.

Наконец осуществляется еще одно сообщество, в основу которого заложено наше самое искреннее устремление к общественности и взаимности. Наши комитеты, охватывающие в своих действиях широкую программу, могут жить и развиваться лишь на основе утепленного сотрудничества, иначе говоря, на взаимности.

Самое сердечное наше желание не только привлечь сотрудников к действиям, но и дать им возможность стать сотворцами, создателями новых ступеней Культуры.

Одно дело — простое сотрудничество, но совсем иначе должно звучать сотворительство, создательство, в котором никто ничем не поглощается. Наоборот, в Культурной Беспредельности каждый выковывает себе область и твердыню, драгоценную для всех, но созданную им в его индивидуальности. Чем же, как не сердечной взаимностью, можно поддержать индивидуальность?

Разве не будет истинным Праздником Культуры тот день, когда каждый нерушимо принесет в Великом служении лучшее накопление своего опыта, своей наблюдательности! Всеми нашими многообразными Обществами, Институтами и Учреждениями давалась возможность развиваться самым различным устремлениям, лишь бы они были направлены по священному руслу Культуры. Всякое подавление священного чувства прекрасного накопления было нам чуждо.

Теперь в наслоении следующих построений воздвиглась Всемирная Лига Культуры. Ведь это и есть то самое сверхобъе-

динительное понятие, перед которым поникают всякие прочие деления, определения и наименования. В слове «лига» выражены общественность, единение. Понятие всемирности не нуждается ни в каких объяснениях, ибо правда одна, красота одна и знание едино, и в этом не может быть никаких словопрений. Также и о слове «Культура» каждый образованный ум не будет спорить, ибо служение Свету, утончение и возвышение сердца общечеловечно.

Осуществившаяся возможность Лиги Культуры сама по себе чрезвычайно показательна.

В час трудный, во время напряжения всемирного является возможность объединиться под благородным обобщающим понятием. Культура — это и пробный камень молодости сердца. Ни возраст, ни механическое образование, ни какие-либо другие понимания и деления не имеют места и не могут вредить друг другу там, где сияет древний Ур, Свет негасимый, у которого среди Светлого Края не может быть врагов.

Конечно, тьма и невежество, стремящиеся к разложению и разрушению, как всегда, будут пытаться негодовать и противодействовать. Но, собираясь во имя трижды священного понятия Культуры, мы и не должны утруждать сердце наше опасением тьмы. Тьма существует, но и «Свет побеждает тьму». Против этой старой Истины тоже спорить нельзя.

В широком размахе Лига Культуры должна способствовать всему прекрасному, всему познавательному. Из нее должно исходить облагораживание юных поколений, сердца которых в существе своем всегда звучат на героизм подвига.

Соприкасаясь с Культурой, мы менее всего нуждаемся в словах и более всего обязываемся к просвещенному действию. Не стеснять, не ограничивать, но следует прежде всего взаимно связать, сердечно откликнуться в огненности действия, в неутомимости, в мужестве, в возжжении сердец и в неустанном труде познания во Благо Общее — это есть задача Культуры.

Пусть каждый в своей области сообразит и принесет к общему очагу то благое, на что способна его опытность и его творчество. Все благое, все познавательное нужно и должно быть приветствовано. В этом приветствии от сердца, в несокрушимой устремленности к сотрудничеству, во взаимности начнем нашу новую работу.

Пошлем привет как видимым, так и невидимым друзьям и сотрудникам. Всемирность есть уже Беспредельность, где каждому трудящемуся уготован Сад Прекрасный.

В Добрый Путь.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л.В.Шапошникова. ЧАША ГРААЛЯ КОСМИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ</i> (предисловие).....	3
--	---

Н.К.Рерих. КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

НОВАЯ ЭРА	26
СОЖЖЕНИЕ ТЬМЫ.	31
ЗОВ О КУЛЬТУРЕ.	36
ПРИВЕТ ФРАНЦИИ.	38
КУЛЬТУРА – ПОЧИТАНИЕ СВЕТА.	42
ВЕХИ КУЛЬТУРЫ.	44
ДУХОВНЫЕ СОКРОВИЩА.	45
ОБЩЕСТВУ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ.	48
ПРАВИЛЬНЫЙ ПУТЬ.	50
ЗДОРОВЬЕ.	51
ВИДЖАЯ, ТАГОР!	55
НА ПОРОГЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ.	58
ЗДОРОВЬЕ ДУХА.	62
СТРОЕНИЕ.	65
РОБОТЫ.	67
ПУТЬ ТВЕРДЫЙ.	71
СЛАВА САМУРАЕВ.	72
МУДРОСТЬ РАДОСТИ	74
ЛАТВИЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ ИМЕНИ РЕРИХА	76
МИР И КУЛЬТУРА.	78
ДЕКАДА	79
ПАНТЕОН РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	86
СТРАЖА МАТЕРИ МИРА.	88
СОБИРАНИЕ.	91
SANIMUS SURDIS	94
КАЧЕСТВО.	98
ТВЕРДЫНЯ ПЛАМЕННАЯ.	102
ОГНИ ОЧАГА.....	111
БОГАТАЯ БЕДНОСТЬ	115
ОСТРОВ СЛЁЗ	120
ЭКСПЕДИЦИЯ СИТРОЕНА	124
СПЕШНОСТЬ ЧАСА	127
БУДЬТЕ БЛАГОСЛОВЕННЫ	129
ЗВУЧАНИЕ НАРОДОВ	133
ПЕЧАТЬ ВЕКА	137
СИНТЕЗ	141

MUTATIS MUTANDIS	145
КУЛЬТУРНОСТЬ.	149
ИЗУЧЕНИЕ ЖИЗНИ.	153
КУЛЬТУРА-ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА	157
ПОДВИЖНОСТЬ	159
ВРАТА В БУДУЩЕЕ	164
БОРЬБА С НЕВЕЖЕСТВОМ	169
ЗНАК ЭРЫ	176
НАЙДИТЕ ПРИВИВКУ	181
КУЛЬТУРА	182
К ДАЛЬНИМ	184
МАХА БОДХИ	185
ПАШНЯ КУЛЬТУРЫ.....	190
ПРИВЕТ НАШИМ ОБЩЕСТВАМ КУЛЬТУРЫ	191
КУЛЬТУРА – СОТРУДНИЧЕСТВО	195